

Индекс **П8643**

5
2019

РОССИЯ XXI 2019 5

РОССИЯ XXI

5.2019 сентябрь-октябрь

Россия в мире

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

Русско-европейские отношения как предтеча Северной войны _____ **6**

Анастасия Готовцева

«Неюбилейные» юбилеи:
идеологические модели наполеоновской эпохи
в царствование Александра II _____ **34**

Страницы истории

Олеся Плех

«... чтобы иметь постоянное сведение о положении всех
подведомственных министерству мест в губерниях...»
Ведомственные ревизии местного управления
при Николае I _____ **64**

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьев

Политические партии России начала XX в.
Особенности явления и перспективы изучения _____ **84**

Владимир Невежин

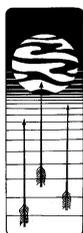
Праздник посреди войны: годовщина Октябрьской
Революции в восприятии союзников (1943 г.) _____ **102**

Ярлыки и мифы

Кирилл Юдин

Борьба с «формализмом» в советской музыке (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.) _____ **122**

Пути духовных исканий

Андрей Каравашкин

Непосредственный опыт в текстах Древней Руси: игумен Даниил, инок Фома, протопоп Аввакум _____ **142**

Актуальный архив

Игорь Татаринов

Украина и Россия: год 1920.
Споры о границе _____ **156**

Павел Чемоданов

От дочери портного до «врага народа»: пять жизней Мизы Боровой _____ **176**

РОССИЯ ХХІ

Contents in English look at the page 196

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Славянское племя принадлежит к семье индоевропейской. Татарщина у нас есть элемент наносный, случайный, привившийся к нам насильственно. Нечего им гордиться и им щеголять! И нечего становиться спиной к Европе, как предлагают некоторые псевдоруссы. Такая позиция доказывала бы только необразованность и отсутствие исторического смысла.

А.К.Толстой

История – это союз между умершими,
живыми и еще не родившимися.

Эдмунд Берк

Владимир Дегоев, Ирина Стамова

РУССКО- ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДТЕЧА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
94(47).08:35

В серии статей, первая из которых предлагается вниманию читателей, рассматривается предыстория Северной войны в контексте отношений России с каждой из участниц антишведской коалиции. Сначала прослеживаются русско-датские отношения с 1682 до 1700 года. Они в основном связаны с деятельностью двух посольств – Гильдебранда фон Горна и Пауля Гейнса. Эти датские дипломаты вели в Москве систематическую работу с целью увлечь Петра теми небывальными перспективами, которые откроются перед ним после победы над шведами. К концу 90-х годов XVII века царя стали торопить. Однако у него были свои представления о том, когда и при каких обстоятельствах можно рискнуть войной против самой могущественной державы Северной Европы.

This story opens a series of articles devoted to the prehistory of the Great Northern War seen through separate contexts of diplomatic relationships between Russia, on the one hand, and each member of anti-Swedish coalition, on the other. The author starts with a detailed analysis of the intense activity of two consecutive Danish missions in Moscow – one led by Gillebrand von Horn, another by Paul Heins. They did their utmost to seduce tsar Peter by fabulous prospects promised by the future allied victory over the Swedes. He, however, was guided by his own thoughts as to the circumstances that would justify the risk of war against most powerful state in Northern Europe.

Ключевые слова: *генезис Северной войны; Россия и Дания; Петр Великий; Гильдебранд фон Горн; Пауль Гейнс.*

Key words: *the origins of the Great Northern War; Russia and Denmark; Peter I of Russia; Gildebrand von Horn; Paul Heins.*

E-mail: degas@list.ru

ЧАСТЬ I

Россия и Дания

Строительство флота и новой армии в России, взятие Азова, сенсационный вояж Великого посольства во главе с царем Петром Алексеевичем – все это показало Европе, что за ее восточными границами происходит нечто небывалое. Все отчетливее звучал голос, которым говорила новая Россия, и все меньше оставалось тех, кто пока мог себе позволить не слышать его. В Северной Европе таких почти не было. Не очень быстро и очень трудно, но все-таки происходило примирение с мыслью о бесприбыльности презрительно-ксенофобского чувства к «дремучим» москвитам и о необходимости руководствоваться прагматическим подходом. Петровская Россия становилась остро востребованной, прежде всего противоборствующими сторонами в балтийском вопросе. В первоначально осторожных ухаживаниях за ней появляется настойчивость.

Посольство Гильдебранда фон Горна

Внешняя политика Копенгагена всецело обуславливалась его стратегическими и тактическими задачами, а те, в свою очередь, – международной конъюнктурой, точнее тем, как она виделась из датской столицы. Неустойчивость и многозначность этой конъюнктуры отражалась в соответствующих представлениях о ней и о способах ее использования в государственных интересах. В Копенгагене всегда рассуждали здраво: хорош альянс с любой без исключения державой, готовой помочь в решении датских проблем.

Дания, возможно, была не первым государством, разглядевшим в России не бумажного союзника. Но она первой предложила Москве объединиться против Швеции. Правда, сначала Копенгаген глазами своих посланников наблюдал за внутрироссийскими процессами и ждал благоприятного для себя результата. Один из этих дипломатов Гильдебранд фон Горн (1655–1686 гг.) довольно долго жил в России, искренне любил ее, прекрасно говорил и даже писал стихи на русском, что не мешало ему верно служить датской короне. В 1682–1684 гг. он находился в Москве с секретной миссией, задача которой была в том, чтобы склонить Россию к участию в датско-франко-бранденбургском союзе

против Англии, Голландии и Швеции. Сразу объявлять об этом Горн не стал до выяснения «здешнего положения дел» [17, с.69]¹.

Он, однако, быстро понял, что высшие московские чины (В.В.Голицын, Б.А.Голицын, Е.И.Украинцев, Н.И.Одоевский и другие) хорошо разбирались в европейских «политических комбинациях» и бесконечно водить их за нос не получится. С течением времени Горну пришлось открыть карты и напомнить об обещании царя Федора Алексеевича помочь Дании, если она вступит в войну со Швецией. Эта война, по мнению посланника, позволит русскому правительству выйти из затруднительного внутривосточного положения [17, с.70].

Горн изо всех сил стремился воодушевить Москву лучезарными перспективами наступательного союза с Данией, Бранденбургом и Францией против Швеции, в основание которого будут положены русско-датская дружба и единство интересов. (Идею вовлечения Бранденбурга в антишведскую коалицию еще можно понять, но как Горн собирался затащить в нее Францию, для которой Стокгольм (наряду с Варшавой и Стамбулом) был важным звеном в «восточном барьере», создававшимся в тылу французских соперников, совершенно не ясно.) Опираясь на эту комбинацию, Россия, гарантировал посланник, не только вернет себе Ингрию (Ингерманландию) и Карелию, но приобретет еще и богатую Ливонию (Лифляндию), мечтающую освободиться от шведского гнета. Швеция изображалась чуть ли не как держава, дышащая на ладан. У нее нет союзников, ее флот не чета датскому, казна истощена, недовольство ливонского дворянства королевскими реформами (редукция) растет. Самое время воспользоваться этим и наказать ее за «нечестивую, разбойничью» политику и бесконечные оскорбления в адрес России, раз и навсегда сорвать планы дальнейших захватов русских земель, заставить шведов помышлять лишь о сохранении собственных исконных владений. Сценарий коалиционной войны Горн расписывает до подробностей, с оптимизмом, далеким от реальности. Русских военных сил, собранных в Новгороде, будет достаточно, «чтобы без труда овладеть Ли-

¹ Ситуация в Москве, действительно, была запутанной и уникальной. После смерти царя Федора Алексеевича (1661–1682 гг.) на трон были венчаны сразу двое: 15-летний Иван Алексеевич и его единокровный брат 10-летний Петр Алексеевич. Поскольку первый был почти слабоумным и очень болезненным, а второй малолетним, власть в стране фактически принадлежала их сестре, царевне Софье Алексеевне, опиравшейся на клан Милославских и на своего фаворита В.В.Голицына. Предсказать исход этой ситуации было трудно. Поэтому поначалу Горн наводит тень на плетень, заявляя русским, что датско-шведские отношения «вполне хороши» [17, с.68].

вонией и Ингрией». Не вызывают у него сомнений и последствия «счастливого исхода дела, почти гарантированного»: царь станет на Балтийском море хозяином и арбитром, пожинающим обильные материальные плоды своего нового статуса. Потомки не простят нынешнему московскому правительству, если оно упустит «выгоднейший случай реванша». «Но пройдет неиспользованным данный момент», и Дании «будет уже не до оффензивных союзов», поскольку ей придется заняться своими собственными, домашними делами. Горн распалился до такой степени, что вообще снял со счетов Турцию и Польшу. Нечего их опасаться. Ни та, ни другая не хотят войны, ибо истерзаны ею так же, как внутренними смутами [17, с.76–80].

Горн нашел горячего сторонника альянса в лице Е.И.Украинцева (хотя и второго по рангу человека в Посольском приказе, но никак не влиявшего на принятие принципиальных внешнеполитических решений), которому он заявил, что «медлить разрывом с Швецией значит придать шведам больше смелости и наглости». И со своей стороны обещал сделать все для ускорения дела [17, с.71]².

Когда в Москву прибыл шведский посланник (начало марта 1683 г.) для переговоров о подтверждении Кардисского мира, Горн объявил ему пропагандистскую войну, в которой с обеих сторон шли в ход любые средства: интриги, наветы, вымысел и пр. Русские стали свидетелями этой дуэли, но отказались быть ее участниками, несмотря на явные симпатии к «своему в доску» датчанину [17, с.72–73]³.

Мысль о четверном союзе (Дания, Бранденбург, Франция, Россия) понравилась руководителю Посольского приказа В.В.Голицыну, фактически возглавлявшему при Софье Алексеевне русское правительство. Он сказал Горну, что «при нынешних конъюнктурах» важно организовать с полномочными представителями Франции и Бранденбурга переговоры по этому вопросу. Альянс, как надеялся В.В.Голицын, позволит России вернуть Ингрию и Карелию, а Дании – Скону и другие южные провинции Швеции. Что получают два других союзника, не говорилось. Кажет-

² В коалиционных фантазиях Е.И.Украинцева, как и у Горна, фигурирует Франция, традиционный союзник Швеции, но почему-то не нашлось места для Бранденбурга, естественного соперника Стокгольма. Думный дьяк вынашивал идею не четверного, а тройственного – русско-датско-французского – союза. [17, с.71].

³ В русских официальных кругах Горна называли «не чужеземным министром, а верным слугою интересов Москвы». В.В.Голицын однажды сказал посланнику, что «он (Голицын. – В.Д., И.С.) настолько же добрый и верный датчанин, насколько Горн честный москвит» [17, с.74].

ся, русский «премьер» разделял добросовестное заблуждение Горна, полагавшего, «что можно вполне рассчитывать на успех» [17, с.74–75].

И все же в разговорах Горна с русскими придворными чинами было больше салонной досужливости и прожектерства, чем реальной политики⁴. Собеседники осознавали, что, пока власть в России не обретет своего законного, единодержавного владельца, который упразднит регентство и усядется на одноместный престол⁵, никто не решится на заключение союза с Данией или каким-либо другим государством. Резкие перепады настроения Горна – от воодушевления к безысходности, – которые чувствуются в его донесениях королю Кристиану V, отражали реальную картину острейших межэлитных и внутриэлитных противоречий в России. Они становились все более взрывоопасными по мере взросления царя Петра. Имелся лишь один способ исключить перспективу перехода власти в его руки – дворцовый переворот. Но это была архисложная задача, учитывавая не подвергавшееся сомнению право Петра на престол⁶.

Синдром временщиков не позволял правительству Софьи Алексеевны внятно формулировать русскую внешнеполитическую стратегию, не говоря уже о методах ее осуществления. Незаурядной личности В.В.Голицына было недостаточно для предотвращения раскола в окружении регентши. Ставить на нее свое политическое будущее многие не решались (за исключением, разумеется, самого Голицына, сделавшего свой в известном смысле отчаянный выбор), занимая либо выжидательную, либо открыто пропетровскую позицию. В условиях неопределенности правящие группировки не видели ничего зазорного в том, чтобы за лоббистские услуги получать взятки и от датчан, и от шведов. Возможно, это называлось бы продажей национальных интересов, если бы не одно обстоятельство. Продавали не интересы России, а скорее свои чистосердечные представления о них. То есть о полезном и вредном для страны. Поэтому «партия войны» легко отзывалась на датские подно-

⁴ Русский историк Г.В.Форстен писал: «И говорить нечего, что реального значения миссия Горна не имела, к непосредственным результатам она не привела...» [17, с.84].

⁵ В годы регентства Софьи Алексеевны (1682–1689) существовал царский трон, где рядом восседали два соправителя – Иван Алексеевич и Петр Алексеевич. На тыльной стороне этого странного сооружения находились два окошка, через которые дворцовые сановники, во время официальных церемоний, подсказывали малолетним монархам, как себя вести и что говорить.

⁶ Когда иностранные послы в Москве по необходимости употребляли слово «царь», они подразумевали только одну персону – Петра, с полным пониманием недееспособности его соправителя Ивана Алексеевича [17, с.78].

шения, а «партия мира» – на шведские. И делали это тем свободнее, что понимали: от них почти ничего не зависело. Говорить о безраздельной принадлежности В.В.Голицына к той или иной партии нельзя. Он, будучи умным политиком, маневрировал в тесном фарватере возможностей, у него имевшихся. Отсюда, вероятно, преувеличенные слухи о его беспринципном мздоимстве [17, с.69,72–73,75,81,82,83].

В.В.Голицын задумывался над балтийским вопросом так же глубоко, как и сомневался в своевременности участия России в его военном решении. Он мог вместе с Горном сколько угодно предаваться приятным грезам о близкой победе над Швецией, но, когда датский посланник переводил разговор в практическое русло, Голицын ссылаясь на неготовность Москвы «при настоящем положении дела» к разрыву со Стокгольмом [17, с.76].

Многочисленные оценки сходятся на признании за В.В.Голицыным выдающихся способностей к государственной деятельности [1; 5; 9; 10; 17, с.69–70,100]. Справедливость такой характеристики подтверждается гибкостью его подходов к внешнеполитическим делам. До поры он отвергал всякую войну, со Швецией или Турцией – не важно. Прибывшие в Москву (май 1684 года) послы императора Леопольда I с предложением присоединиться к создававшейся Священной лиге (Империя, Венеция, Речь Посполитая) против турок получили решительный отказ. В то время Россия де-юре находилась в состоянии перемирия с Портой (Бахчисарайский договор 1681 года) и с Варшавой (Андрусовское соглашение 1667 года). Возобновлять войну на юге с одним противником, имея на западе другого, В.В.Голицын не стал, по крайней мере, до прояснения общеевропейской обстановки.

Как бы ни сочувствовал русский «канцлер» идее коалиционной войны против Швеции, жизнь заставила его отбросить умозрительные построения и подчиниться более актуальным императивам. Они требовали от Москвы концентрации внимания не на северных делах, а на южных, из чего, в конце концов, и последовало продолжение войны с Турцией (1686–1700 гг.).

В этих условиях Дания, должно быть, находила нецелесообразным тратить силы на отвлечение России на балтийское направление. Копенгаген ограничивается наблюдением за ее внутренней обстановкой и дожидается своего часа. Весной 1697 года король Кристиан V решил, что этот час настал. В Москве произошли большие перемены. Повзрослевший царь Петр, опираясь на клан Нарышкиных, сместил Софью Алексеевну, сосредоточил власть в своих руках (1689–1694 гг.) и добил-

ся заметных успехов в турецкой войне (1695–1696 гг.). С внутривнутриполитической неопределенностью было покончено. Очень важным считалось и то, что в своей культурной ориентации самодержавный государь тяготел к Западу. Теперь главное – сдвинуть в ту же сторону вектор его внешнеполитической деятельности.

**Пауль Гейнс
и его предложение**

Новую попытку склонить русских к борьбе против Швеции Кристиан V предпринимает через своего посланника Пауля Гейнса, прибывшего в Москву в июле 1697 года. Время,

оказалось, выбрано неудачно. Петр уже уехал за границу. Между тем Гейнсу предписывалось открыть цель своего визита – заключение антишведского союза – только при личной встрече с царем. Впрочем, в общении с главой Посольского приказа Л.К.Нарышкиным и другими высокопоставленными лицами датчанин едва воздерживался от прозрачных намеков, сопровождаемых, правда, просьбой сохранять все в «величайшей тайне». А по получении соответствующего разрешения короля и воздерживаться уже не было нужды (исключение делалось для «совсем секретных пунктов»). Однако за доверительными беседами чего-либо конкретного не последовало и не могло последовать. Все ждали возвращения Петра, истинных намерений которого, по мнению Гейнса, никто не знал. А до этого посланнику ничего не оставалось, как изучать взгляды, быт, повадки московской правящей верхушки («варварство рядом с утонченным комфортом»), социальные настроения, состояние армии, административного управления. И, во многом наудачу, заверять Кристиана V в наличии благоприятных предпосылок к положительному ответу, заодно интересуясь, стоит ли посвящать русских в детали датских планов [17, с.86–101]⁷. После восстания стрельцов весной 1698 года посвящать в детали было, по сути, уже некого. «Здесь министры потеряли голову, – писал Гейнс. – С нетерпением ожидают царя, хотя многие бояре и боятся его возвращения» [17, с.99].

О предложении Гейнса, конечно, сообщили Петру, но он практически никак не реагировал. Полного доверия к Дании у государя не было. Как и оснований к нему. Датский король послал к Карлу XII посольство

⁷ *Король ответил, что обсуждать конкретные условия датско-русского союза пока преждевременно. Тем более при отсутствии ясности в русско-турецких и русско-польских отношениях [17, с.97].*

во главе с Юстом Юлем, чтобы поздравить его с восшествием на престол и подтвердить свои миролюбивые намерения⁸. Не мог простить царь и тихого саботажа просьбы о закрытии Зундского пролива для кораблей принца де Конти. Кристиан V «не заметил» проникновения 20-ти боевых единиц французского флота в Балтийское море. Зловещий призрак союза между ставленником Людовика XIV и шведским королем в польском и, возможно, не только в польском вопросе не давал покоя ни Петру, ни его сподвижникам в Москве [17, с.98]. А тут еще какие-то непонятные ухищрения датчан...

Гейнс унаследовал от своего предшественника Горна задачу вести дипломатическую войну против шведских посланников в Москве. Полем битв в ней были московские коридоры власти и внутренние покои видных вельмож. Целью – завоевание расположения приближенных Петра и, с их помощью, благосклонности самого царя, когда тот вернется. Ряд обстоятельств придавал этой войне некую странность. Гейнс знал, что русские с большой подозрительностью следят за развитием датско-шведских отношений, опасаясь сговора. Особенно насторожила их миссия в Стокгольм Юста Юля, доверенного лица Кристиана V. О ней неоднократно спрашивали Гейнса, расплывчатые ответы которого лишь усиливали тревогу. Умышленные недомолвки посланника были частью хитрой игры. В донесениях королю он признавался в стремлении вызвать в москвитях «маленькую ревность» и тем самым оказать на них давление, ибо только так и получится добиться своего. В этот спектакль Гейнс включил демонстрацию своих благопристойных личных отношений со шведскими дипломатами [17, с.98; 18, с.298, 300–303, 318–320].

Петр вернулся в Москву 25 августа 1698 года и тотчас занялся расследованием стрелецкого мятежа. Ему было не до Гейнса. Царь считал перспективу союза с Данией туманной. Во всяком случае, к категории неотложных дел она не относилась. Иначе Петр выкроил бы время для официальной встречи с посланником. Лефорт просил истомившегося Гейнса набраться терпения, «чтобы все не испортить» [18, с.293]⁹. Спрашивается: если русско-датский союз был, как полагают многие

⁸ *Наивно полагать, будто Петр поверил Гейнсу, заявлявшему, что это посольство – не более чем «акт вежливости по отношению к новому королю Швеции» и оно никоим образом не должно препятствовать датско-русскому союзу [18, с.302].*

⁹ *М.М.Богословский писал: «Очевидно, он (царь. – В.Д., И.С.) не начал разговора с Гейнсом только потому, что считал такой разговор еще преждевременным и желал отложить это дело» [3, с.29].*

историки, неотвратимым, то как ему могло повредить всего лишь нетерпение человека, от которого, строго говоря, не зависели судьбоносные решения.

В сентябре Петр дважды встречался с Гейнсом на неофициальных мероприятиях. Кажется, впервые это произошло в начале месяца в неожиданном месте и в весьма небрежной форме. На грандиозном пиру (около 500 персон) во дворце Лефорта посланнику велели пройти в какую-то каморку для кухонной утвари, где его ждал Петр. О чем говорили, неизвестно. Скорее всего, ни о чем серьезном: это была очень своеобразная замена официальной аудиенции, для полноценного отправления которой у Петра совершенно не хватало времени. Он не нашел другого способа откликнуться на обращенные к Посольскому приказу просьбы Гейнса допустить его «к руке» [3, с.19]¹⁰.

К неописуемому восторгу Гейнса, царь охотно согласился быть на крестинах его сына (которые состоялись 29 сентября) в качестве крестного отца. Петр провел за праздничным столом в доме у Гейнса 12 часов (!), но даже и не подумал о том, чтобы обсуждать балтийский вопрос [18, с.292–294]¹¹.

Только 22 октября, через два месяца после своего приезда, Петр удостоил Гейнса предметным разговором. Посмотрим, о чем же Гейнса, начавшего издавелека, государь, который уже знал о сути ходатайств посланника, сразу прервал вопросом, есть ли у него конкретные предложения об условиях русско-датского союза. Гейнс ответил, что пока их нет, но он запросит соответствующие инструкции у своего короля. Петр, никуда не спешивший, легко согласился ждать сколько нужно, попросил впредь обсуждать этот вопрос только с ним и быстро сменил тему [18, с.295–296]¹². На следующий день (23 октября) царь отправился в Воронеж, к судостроительным верфям которого были обращены все его помыслы.

¹⁰ *Доподлинно известно лишь одно: такой необычной, «камерной» аудиенции удостоился и посол польского сейма (не короля) Ян Бокий, но он, не без умысла, был принят после датчанина.*

¹¹ *Это, быть может, лучше, чем все остальное, говорит о внешнеполитических приоритетах царя в то время.*

¹² *В донесениях к Кристиану V Гейнс подавал результаты своего общения с царем как обнадеживающие. Он опасался лишь «бояр и министров», с которыми нужно всегда держать ухо востро [18, с.298–300, 305–306]. Хотя письма Гейнса являются по-своему уникальным источником, их нельзя целиком принимать на веру. Посланник, конечно, корректировал доклады в Копенгаген в соответствии с собственными представлениями о том, что хочет король от него услышать в данный момент.*

У Петра не было причин увидеть в поведении Гейнса нечто большее, чем прошупывание почвы. После путешествия по Европе он перестал ей доверять. Испытывал Петр это чувство и к Дании. И не без оснований. К тому, что мы уже знаем об этих «основаниях», следует добавить еще одно. 24 марта 1698 года между Кристианом V и Августом II состоялась встреча, результаты которой – заключение договора против Швеции¹³ – они сохранили в секрете даже от своих приближенных. И от царя, извещенного об этом лишь через десять месяцев. Датский король вел тонкую политику, заботясь исключительно о собственных выгодах. В принципе, Кристиан V вступал в союз с Польшей и старался вовлечь в него Россию не столько для того, чтобы воевать со Швецией, сколько для того, чтобы иметь козырь в переговорах с ней об уступках¹⁴. В случае успеха в мирном разрешении собственных проблем интересы потенциальных союзников подлежали возложению на жертвенный алтарь.

Петр не уклонялся от разговоров о Балтике, но он никогда не поднимал балтийскую тему первым, оставляя инициативу тем, кому это было на данный момент нужнее. Когда царя вызывали на откровенность, он приоткрывался ровно настолько, насколько собеседники того заслуживали, в том числе своей готовностью излагать мысли прямо и по существу, без длинной прелюдии (с которой, в частности, пробовал было начать Гейнс). Вообще Петр предпочитал больше слушать, чем высказываться. Не услышав от Гейнса ничего определенного, он нисколько не огорчился и продолжал заниматься южными делами. Посланник понял, что на новую встречу можно рассчитывать лишь тогда, когда у него будет уважительная причина отрывать царя от забот.

Через некоторое время эта причина появилась. Гейнс получил от Кристиана V разрешение сообщить Петру о датско-польском договоре, но пока не разглашать секретную статью о конкретных обязательствах

¹³ Позже выяснилась ничтожность этого договора, так и оставшегося на бумаге.

¹⁴ М.М.Богословский считал, что потепление в датско-шведских отношениях сразу после смерти короля Карла XI (апрель 1697 года) повлияло на настроение Гейнса и заставило его воздержаться от форсирования переговоров, чтобы выиграть время. Отсюда его запросы в Копенгаген о предоставлении дополнительных инструкций и уведомление Петра о том, что для этого понадобится время, которое Гейнс «счел более правильным несколько удлинить..., чем... укоротить» [3, с.30]. Датский посланник хорошо понимал колебания своего короля и поддерживал в нем нежелание бросаться в омут с головой. Донесения Гейнса составлялись так, чтобы Кристиан V мог найти в них аргументы как в пользу, так и против союза с Москвой. Оптимистичный тон чередовался с мыслью о том, что Россия на перепутье, она либо свалится в пучину хаоса, в случае смерти Петра, либо «займет положение, какого она никогда не имела». Пока же, в условиях раскола внутри боярства и народа, ни на какие обещания полагаться нельзя [18, с.300–301,308].

сторон. 27 января 1699 года посланник посетил ассамблею, где ему удалось перехватить царя и известить его о новостях из Копенгагена. Государь, не выказав ни малейших признаков нетерпения, пообещал встречу [18, с.301].

Она состоялась 2 февраля. Гейнс вновь попытался предварить разговор цветистыми реверансами в адрес Петра и заверениями в добрых чувствах к нему «его брата» Кристиана V. И вновь был прерван просьбой перейти к сути дела. Тогда датчанин протянул Петру проект союзного соглашения, ответ на который государь пообещал дать через «несколько дней». Прошло гораздо больше, а ответа все не было. Он последовал лишь 19 февраля. На пирушке у Лефорта Петр, уединившись с Гейнсом, сказал посланнику, что утром опять едет в Воронеж (в источниках приводятся разные даты отъезда царя в Воронеж) и пригласил его с собой: там, дескать, можно будет потолковать о делах без лишних глаз и ушей [18, с.303–307]. Дождаться рассвета государь не стал. В 10 часов вечера, когда танцы и увеселения были в самом разгаре, он попрощался с участниками, сел в сани и отправился на юг, на воронежские верфи. Вполне в духе Петра: «с бала на корабль» [2, с.234].

Тут кстати будет сказать, что существовала еще одна причина перенести обсуждение ближайших перспектив русско-датских отношений в Воронеж. Петр не посвящал в ход переговоров с Гейнсом даже своего любимца Ф.Я.Лефорта, не говоря уже о главе Посольского приказа Л.К.Нарышкине и других, к огромному их неудовольствию. С особой ревностью это воспринимал ближайший друг Петра, тщетно допытывавшийся у Гейнса о содержании его бесед с государем, хотя, конечно, догадывался. М.М.Богословский писал: «Царь хочет вести и ведет внешнюю политику лично, окутывая ее строжайшей тайной, непроницаемой даже для руководителей его же собственного дипломатического ведомства» [3, с.31,34–35].

Скрытность Петра и раздражение его вельмож имели под собой общие основания. Дело, кажется, было в том, что люди из высшей элиты придерживались разных взглядов на приоритеты внешней политики России. Одна часть, судя по всему, полагала, что обострять отношения со Швецией пока еще рано¹⁵; у России много дел на юге, на которые потрачены огромные силы и средства и которые нужно довести до како-

¹⁵ В мае 1699 года бранденбургский резидент в Москве Задора-Цесельский доносил Фридриху III, что многие из русских сановников предпочитают сближение со Швецией сближению с Данией [17, с.74].

го-то приемлемого результата, до какой-то степени завершенности. Эту, условно говоря, партию возглавлял воспитатель царя князь Б.А.Голицын, поддерживаемый Ф.Я.Лефортом¹⁶. Другая часть, представленная Л.К.Нарышкиным, склонялась к осторожному сближению с «балтийскими реваншистами», в частности с Данией, на случай коалиционной войны против шведов¹⁷. Между партиями, а точнее над ними, стоял Петр, в котором уже началось борение между «югом» и «севером», пока с явным преимуществом первого¹⁸.

Переговоры в виде обмена мнениями

Гейнс отправился вслед за царем 22 февраля и уже через 6 дней (28 числа) был на месте. Компанию ему составил бранденбургский посланник Людвиг фон Принцен, также получивший государево приглашение. Первое, что сделал Петр, – показал гостям корабли, которые будут громить турок. «Они выше всякого воображения», «приготовления (военные. – В.Д., И.С.), действительно, невероятны по своим размерам», – делился датчанин своими впечатлениями [18, с.307–309].

В Воронеже уже никто не мешал Петру откровенничать с Гейнсом. На расстоянии более 600 верст от Москвы можно было меньше заботиться о соблюдении секретности, тем не менее переговоры проходили за плотно затворенными дверьми царского кабинета. Достав из шкатулки, ключ от которой находился только у него, проект русско-датского соглашения (переданный ему 2 февраля), Петр сказал, что документ составлен общо и пространно. Пожалуй, впервые за все время, проведенное с Гейнсом, государь произнес слово «Швеция», указав на отсутствие его в тексте договора.

В Воронеже уже никто не мешал Петру откровенничать с Гейнсом. На расстоянии более 600 верст от Москвы можно было меньше заботиться о соблюдении секретности, тем не менее переговоры проходили за плотно затворенными дверьми царского кабинета. Достав из шкатулки, ключ от которой находился только у него, проект русско-датского соглашения (переданный ему 2 февраля), Петр сказал, что документ составлен общо и пространно. Пожалуй, впервые за все время, проведенное с Гейнсом, государь произнес слово «Швеция», указав на отсутствие его в тексте договора.

Посланник вынужден был признаться, что есть секретная статья, и раскрыть ее антишведскую направленность. Петр велел изложить все на

¹⁶ Влияние Лефортова на внешнеполитические дела не следует преувеличивать. Русский историк Г.В.Форстен, ссылаясь на мнение Гейнса, писал, что царский фаворит «никогда сам ничего не делал, а поручал все делать другим; это помогало ему в критические минуты все и сваливать на этих других, и самому оставаться чистым» [18, с.311].

¹⁷ Разумеется, главным источником раскола была борьба за власть и влияние на Петра, но она проецировалась и на внешнеполитические вопросы. Вместе с тем говорить о непримиримых расхождениях в этих вопросах тоже не приходится.

¹⁸ Как можно предполагать, исходя из сообщения Гейнса о «совершенном разладе» в русском правительстве, на стороне, опять же условно говоря, партии «Голицына–Лефортова» была влиятельная сила – Анна Монс, к которой царь испытывал безответную любовь и глубокую привязанность [18, с.305–306].

бумаге, чтобы продолжить беседу «завтра». Пока же, в ответ на настоятельные просьбы Гейнса поделиться своими мыслями, царь высказался за целесообразность привлечения к союзу курфюрста бранденбургского и короля польского. Он также хотел знать о содержании договора между Кристианом V и Августом II, на что Гейнс согласился.

Ключевым моментом встречи явились слова Петра о том, что «изготовление формального трактата было бы для него **очень затруднительно** (текст выделен нами. – В.Д., И.С.)», ибо это, помимо прочего, потребовало бы участия боярства, вводить которое в курс дела он не собирается [18, с.309–310; 3, с.36–37]¹⁹.

Трудно разделить впечатление Гейнса, писавшего, что царь, «по-видимому, остался доволен», даже если посланник боится оговоркой «по-видимому» [18, с.309]. Мог ли Петр быть доволен признанием, которое Гейнс до последнего держал втайне от царя и которое было исторгнуто чуть ли не силой?

Переговоры (больше похожие на обмен мнениями) были прерваны сообщением о смертельной простуде Лефорта. Петр отлучился в Москву (4 марта), где уже не застал своего фаворита в живых. Вернулся через две недели (18 марта), но встречаться с Гейнсом не спешил. Общаться с посланником было поручено одному из ближайших сподвижников Петра Ф.А.Головину²⁰, которого царь привез с собой, вероятно, специально для того, чтобы сообщить Гейнсу о своем решении повременить с продолжением переговоров. Однако от неофициальных бесед со своим кумом Петр, не желая огорчать его, не отказывался. Гейнса в каком-то смысле избавили от неприятной необходимости посылать Кристиану V пустопорожние донесения. Король, в частности, узнал не только о русских проволочках. Как писал Гейнс, царский флот – почти чудо, государь признает недоделки, но уверен, что они будут исправлены, ведь и «Рим был построен не в один год». Петр также поделился своей тайной мыслью о заведении какой-нибудь гавани на Балтийском море. Посланник, хотя и обнадеживая короля наличием хороших шансов на заключение союза, избегал создавать впечатление, будто исход предрешен. Опять звучит: ситуация не ясна, нельзя торопиться, иначе можно «все испортить» [18, с.311–312].

¹⁹ В ряде случаев тексты донесений Гейнса, опубликованные и частично переведенные Г.В.Форстенем, мы используем в переводе М.М.Богословского, который точнее. Отдельные цитаты мы даем в собственном переводе.

²⁰ Через год Ф.А.Головин сменит Л.К.Нарышкина на посту главы Посольского приказа.

В переговорах с Гейнсом молчаливо присутствовала тема Карловицкого конгресса, от исхода которого – мир или война с турками – зависело многое, хотя далеко не все. Историк Г.В.Форстен, склонный считать балтийский выбор Петра совершенно неизбежным, тем не менее не отрицает, что в тот период «все внимание его обращено на Турцию; раньше чем он не достигнет прочных гарантий с этой стороны, он ничего не предпримет на севере» [18, с.311]. Русско-турецкие споры на конгрессе оборвались на неопределенной ноте: ни мира, ни войны. Есть основания полагать, что такой итог Петр считал не самым худшим. Теперь, после распада Священной лиги, у него были развязаны руки для окончательного решения вопроса тем или иным способом. Только не путем замирения любой ценой [8]. Соответствующие инструкции получит (несколько позже) Е.И.Украинцев, которому предстояло отправиться в Стамбул для завершения переговоров с Портой.

На этом фоне Петр счел возможным продолжить переговоры с Гейнсом. Это было своего рода «двойное решение» (“double-track decision”), если пользоваться терминологией конца XX века: с одной стороны, полномасштабные приготовления к войне на юге, с другой, – зондирование почвы в балтийском вопросе. Спустя больше месяца (21 апреля) после возвращения из Москвы и накануне своего отъезда в Азов Петр предложил Гейнсу деловое обсуждение датского проекта, который к тому моменту был уже детально изучен Ф.А.Головиным. Историки единодушно считают эту встречу прелюдией к подписанию военного союза. Между тем то, что со слов Гейнса (параллельных русских свидетельств нет) известно о содержании его беседы с царем и Головиным, позволяет отнестись к общепринятой оценке с оговорками.

**Работа над договором:
конкретика против казуистики**

Петр начал с заявления, что он, внимательно ознакомившись со всеми пунктами проекта и не имея существенных возражений, убедился в искренних дружеских чувствах короля

Кристиана и в его намерении заботиться о русских интересах, «как о своих собственных». За этим учтивым и лукавым реверансом последовало, пожалуй, самое главное. Петр соглашался выполнять свои союзные обязательства не раньше, чем будет «по-настоящему» (effectivement conclue) обеспечен мир с Турцией. Далее мы видим, как раскрывает карты Гейнс, надо думать – с ведома короля. Не чем иным, как готовностью к такому повороту переговоров, объясняется моментальная реак-

ция посланника, предложившего включить соответствующий артикул в «сепаратную» часть будущего трактата. Затем пришел черед Петра достать «фрояль из кустов». Точнее, из кармана Головина. Это была заранее составленная на русском и немецком (!) языках бумага с текстом такой статьи. В ней сообщалось, что Россия соглашается выполнять условия договора только по достижении прочного мира с Турцией [18, с.312–313; 3, с.38; 14, с.16].

Поскольку Петр то и дело повторял требование о соблюдении абсолютной секретности, Гейнс предложил скрепить договор лишь подписями монарших особ. Это действие, пояснял он, будет одновременно и заключением, и ратификацией трактата, что позволит дать документу законную силу, не прибегая к прилюдным церемониям с целованием креста и к другим дипломатическим обрядам. Такая упрощенная процедура пришлась по душе как Петру, так и Кристиану. Она была на руку подписантам, ибо так они рассчитывали избежать утечки информации («большой молвы») и сохранить соглашение втайне от русских, датских и шведских правящих элит [18, с.312–314; 3, с.38–40].

Задержим внимание читателей на этом красноречивом решении. Чтобы длительное пребывание Гейнса в Воронеже не вызвало подозрений в Москве (и, конечно, в Стокгольме) царь придумал дымовую завесу в виде официального извещения о русско-датских торговых переговорах, что тоже было правдой, но отнюдь не всей. В Посольский приказ был послан соответствующий мемориал [18, с.315–316; 3, с.40]. Если это кого-то и обмануло, то только не Л.К.Нарышкина, Б.А.Голицына и других, еще до приезда Петра из-за границы узнавших о цели миссии Гейнса в России. Тем горше была их обида на царя и тем сильнее ревность к датскому посланнику, которого предпочли им в обсуждении столь важного дела.

Как бы извиняясь перед Гейнсом, Петр сказал, что переговоры с посланником так долго откладывались по «некоторым резонам», и добавил: «Что делается медленно, то и длится долго» [18, с.314; 3, с.39].

Теперь обратимся непосредственно к тексту договора. Петр справедливо находил его «слишком многословным». Академик М.М.Богословский, комментируя это мнение, писал: «Действительно, трудно было бы облечь **очень простое содержание** (текст выделен нами. – В.Д., И.С.) в более пространную словесную форму» [3, с.40]. «Пространность» очевидна, а вот «простота» содержания – едва ли. Структура договора была такой: одиннадцать статей «главного трактата» и две приложенные к нему сепаратные статьи. Обе части фактиче-

ски были секретными, хотя формально таковой являлась лишь часть вторая. Именно она ставит под сомнение полноценность договора как союзного соглашения. По сути судьба его целиком зависела от нескольких внесенных по настоянию Петра строчек о том, что артикулы трактата «не могут ныне до прямого действия приведены быть... пока его царское величество... с Оттоманскою Портою прямого постоянного мира не заключил» [15, с.16]. А мир с турками был под большим, очень большим вопросом.

Серьезно подрывал перспективы достижения балтийских целей Дании и России оборонительный характер договора. Четко прописывалось положение, согласно которому взаимная безвозмездная военная помощь оказывалась в случае, если одна из сторон подвергнется нападению. Но помощь предоставлялась не автоматически, а лишь через три месяца после получения уведомления об этом и лишь после того, как «до вступления действительно в войну» будут испробованы «всякие дружеские (посреднические. – В.Д., И.С.) способы», «всякое старание» ... «дабы обижатель или нападатель от насильствия или предвоспринятого беспокойствия отстал, и **чтоб непотребно было оному оружием отпор чинить** (текст выделен нами. – В.Д., И.С.)» [15, с.14; 12; 3, с.40–42]. Из этого следует, что оборонительный аспект договора гораздо более очевиден, чем наступательный²¹.

По меньшей мере, внимания к себе требует еще одно обстоятельство. Ярый поборник конкретики Петр на этот раз «упустил из виду», что в тексте проекта договора ни единым словом не упомянута Швеция²². Случайность в таких документах исключается. А если не она, то что?

Необычная для России форма «ратификации» документа и совершенно чрезвычайные, оскорбительные для ближайших сподвижников Петра меры по обеспечению режима секретности русско-датских переговоров тоже вызывают вопросы²³. И один из них не такой уж и празд-

²¹ Гейнс, неизменно повторяя мысль об «оберегательном союзе» и о желании Дании сохранить «общую тишину», долгое время воздерживался от упоминания Швеции. 27 октября в разговоре с царем он это слово произносит в связи с подозрительной концентрацией шведских войск в Померании. Однако опять дает понять, что Дания думает не о нападении, а о защите от агрессии [3, с.24,157].

²² С формально-юридической точки зрения, то, что под «обижателем и нападателем» подразумевается Швеция, ничего не значит, коль скоро она не названа по имени.

²³ Некоторые детали своих бесед с Гейнсом Петр скрывал даже от Ф.А.Головина [18, с.315–316].

ный: не объясняется ли все это осторожностью и недоверием сторон, их стремлением к сохранению свободы рук и путей к отступлению²⁴.

А не к месту ли будет вспомнить об особом «приложении» к инструкции направлявшегося в Москву Гейнса, где предписывалось помнить, что Копенгаген рассматривает Швецию не только в качестве соперника, но и в качестве возможного союзника. Сдвиг вектора шведского экспансионизма в восточную сторону выгоден Дании, и если русские откажутся от предложенного ею союза, то есть план объединения со Стокгольмом в военный альянс против Москвы [6, с.60–62]. Фактически это означало, что Россию воспринимают как разменную монету, которой спокойно жертвуют во имя легитимации датско-шведского кондоминиума на Балтике.

Конечно, принятый Петром проект договора можно прочесть иначе, что обычно и делают историки. Но в любом случае нельзя сводить казуистическое содержание этого документа к кристально ясной формуле, не оставляющей лазеек для его обхода. Эти лазейки нужны были обеим сторонам. О том, что они требовались Петру, косвенно свидетельствует его отказ от предложения Гейнса о посылке в Данию специального посольства для подтверждения договора с целью придать ему более императивный характер [18, с.315].

Договор ждала та же печальная судьба, что постигла датско-польское соглашение. И то и другое являлось этапами в подготовке той «опереточной коалиции», которая в литературе уважительно именуется Северным союзом. Какой из этих этапов ни возьми, все они заставляют задаваться недоуменными вопросами²⁵.

Вскоре после завершения воронежских переговоров Петр уехал в Азов, а Гейнс в Москву. Оттуда он отправляет Кристиану V на подписание согласованный текст трактата и донесения, в которых, с одной стороны, делится своим оптимистичным настроением, с другой (уже не в первый раз), – выражает сильное беспокойство деятельностью шведских дипломатов в русской столице, грозящей «сокрушить» все его планы [18, с.318–319]. В посланиях Гейнса есть надежда, но нет уверенности.

30 июля 1699 года в Москву прибыл тайный эмиссар Кристиана V Фабриций (не путать со шведским послом в России и Персии Людвигом

²⁴ Непроницаемую атмосферу вокруг русско-датских переговоров историки рассматривают как еще одно доказательство подготовки войны против Швеции. Мы склоняемся к другому мнению.

²⁵ Нам представляется крайне спорным утверждение, что «переговоры Петра с Гейнсом проходили без всяких экивоков, задних мыслей и двусмысленности» [11, с.142].

Фабрициусом) с «королевской ратификацией» (подписанным договором). Историк Г.В.Форстен утверждает, что он несся из Копенгагена «днем и ночью», чтобы доставить скорее «этот ценный документ» [18, с.319]. Если так, то почему сообщение об этом Гейнс послал Петру в Азов только через десять дней (9 августа)? Дождался ли он надежной оказии или вел какую-то свою игру, сказать не беремся.

27 сентября 1699 год царь, отправив Е.И.Украинцева в Стамбул, вернулся в Москву. Здесь его ждало много дел. И среди них – очень деликатные дипломатические. Дело в том, что в столице государя нетерпеливо ждали представители трех стран, находившихся в сложных отношениях друг с другом: делегация Швеции (150 человек) во главе с Томасом Книппером, личный посланник польского короля Августа II генерал Карлович и Пауль Гейнс. В данном случае нас интересуют весьма любопытные беседы царя с датчанином. В них усиливаются признаки оглядчивости со стороны Петра. Новые основания к ней давала смерть Кристиана V (25 августа 1699 года), которому наследовал его сын Фредерик IV. Естественно, вставал вопрос: – сохранится ли преемственность внешнеполитического курса? Повидаться с Гейнсом, чтобы это выяснить, царь не спешил. Уже назначенная встреча с посланником была отложена. Когда она наконец состоялась (7 октября), царь много расспрашивал о новом короле и прежде всего о том, не изменит ли он политике своего отца по отношению к России. Поскольку у Петра возникли сомнения в готовности Фредерика IV соблюдать договор, подписанный его предшественником, он предложил перезаключить трактат. В ходе еще одного свидания с Гейнсом (27 октября) государь повторил эту мысль, как и оговорку о том, что незаконченная война с Турцией является препятствием к выполнению им русско-датского союзнического соглашения, к которому хорошо было бы привлечь еще Саксонию-Польшу и Бранденбург. Гейнс заверял Петра в преемственности внешней политики Копенгагена и просил не возвращать договор на вторичное подписание – теперь уже Фредериком IV [18, с.325–333; 3, с.128–129,155–157].

В исторической литературе обычно обращается внимание на высокую степень откровенности в беседах между Петром и Гейнсом, но почему-то оставляется незамеченным факт, ставящий эту откровенность под большое сомнение. Как мы уже знаем, 24 марта 1698 года Кристиан V заключил с Августом II соглашение против Швеции. Лишь через семнадцать (!) месяцев (27 октября 1699 года) Гейнс счел возможным известить царя о том, что польский король «пригласил нас (датчан. –

В.Д., И.С.) порвать со Швецией» и что, возможно, «обстоятельства» будут благоприятствовать датско-польскому сближению [3, с.155–156]²⁶.

Это только усиливало колебания Петра. На несколько недель он отстранился от переговоров с Гейнсом, поручив их Ф.А.Головину, с которым посланник в течение нескольких конференций уточнял условия союза [3, с.162]. Мы не знаем, чего касались «уточнения», если они были вообще. Конференции больше похожи на затяжку времени. Ждал ли царь подписания русско-саксонского договора (оно состоялось 11 ноября), подтверждения Фредериком IV русско-датского соглашения или же прояснения общей ситуации²⁷, тоже неизвестно.

Преображенский трактат 1699 года

Наконец 23 ноября 1699 года в селе Преображенском в доме А.Д.Меншикова Петр подписал, и тем самым одновременно ратифицировал, союзный договор с Данией («главный трактат» из 11 статей и два «сепаратных артикула») [3, с.162–163]. Как мы уже отмечали, трактат носил условный характер, ибо не содержал автоматического обязательства (*casus foederis*) царя оказывать датчанам военную помощь в случае «нападения на них», не говоря уже о случае «их нападения». Все целиком зависело от перспективы заключения мира со Стамбулом, крайне, повторимся, туманной.

В день подписания русско-датского союзного договора Петр оставил историкам новое доказательство своей осмотрительности и нежелания торопиться. Тогда, против всяких ожиданий Гейнса, Петр отказался выдавать документ ему на руки. Царь потребовал включения новой статьи, согласно которой договор останется в силе до тех пор, пока «предстоящая война» не закончится миром, учиненным «ко удовольствованию» обеих сторон [3, с.164–165; 18, с.336–337; 6, с.71]. По словам посланника, государь «безусловно, ставил дело в связь с принятием этой статьи». Улаживание вопроса было поручено Ф.А.Головину. Очень важно отметить, что подобный пункт в несколько иной нюансировке уже имелся в ратифицированном соглашении (1-й сепаратный артикул). Он был подписан сначала Кристианом V, а затем Фредериком IV

²⁶ При этом Гейнс напрямую не сказал о наличии союзного договора.

²⁷ Впрочем, двадцати шести дней – с 27 октября по 23 ноября – для этого, в условиях тогдашних коммуникаций, маловато.

(5 сентября 1699 года). Именно из-за отсутствия принципиальной новизны в требовании Петра Гейнс взял на себя смелость изготовить соответствующую статью в виде отдельного (!) акта²⁸, скрепленного его подписью и печатью, но не имеющего законной силы до одобрения царем и королем. 26 ноября Петр подписал этот акт, и тогда состоялся обмен следующими документами. С датской стороны: 1) Главный трактат и две отдельные статьи, «ратификованные» Кристианом V; 2) Подтвердительная грамота Фредерика IV от 5 сентября 1699 года. С русской стороны: 1) Главный трактат с Кристианом V и две отдельные статьи к нему, «ратификованные» Петром; 2) Подтвердительная грамота Петра от 26 ноября 1699 года, соответствующая подтвердительной грамоте Фредерика IV от 5 сентября; 3) «Особливый артикул» от 26 ноября, подписанный царем и отправлявшийся на ратификацию в Копенгаген [3, с.164–165; 4; 12, №284; 14, №1724]. Однако перечисленными документами формальное закрепление союза не закончилось (см. ниже).

Зачем Петру понадобился «особливый артикул», ведь он почти дословно повторял то, что уже содержалось в договоре? Если он тянул время, то теперь, после ратификации первой отдельной статьи об условии его вступления в войну со Швецией, в этом не было острой необходимости. Скорее всего, царь опасался, что когда (и если) России удастся заключить выгодный мир с турками и она начнет военные действия на Балтике, то есть шансы остаться в одиночестве, поскольку Копенгаген может пойти на отдельное соглашение со Стокгольмом²⁹. Но это лишь наши догадки. Как оно было на самом деле, вероятно, не знает никто. Справедливости ради заметим, что Дания тоже испытывала недостаток доверия к России. Да и не могло быть иначе, поскольку в те – и не только в «те» – времена союзники легко предавали друг друга.

Некую ауру неопределенности вокруг договора создает еще один факт – отсутствие точной датировки. В источниках фигурируют семь дат: 21 апреля, 16 июля, 24 августа, 21, 23, 26 ноября 1699 года и 30 апреля 1700 года [16, с.594; 18, с.336–337; 3, с.164–165; 15, с.13; 6, с.71; 13, с.531]. Исследователи затрудняются объяснить эту странность

²⁸ Включить эту статью в уже ратифицированный Фредериком IV текст договора было невозможно технически.

²⁹ Как известно, так и случилось. «Особливый артикул» Петру не помог. Согласно историческим источникам, через несколько дней после объявления Россией войны Швеции царь спросил у Гейнса, не начнет ли датский король искать мира с Карлом XII. Посланник явно опрометчиво взял на себя смелость пообещать, что Фредерик IV не нарушит своих обязательств [18, с.370].

[3, с.163]. Возможно, дело тут в многоэтапной системе ратификации. Требовалось согласование предварительной редакции текста, одобрение его обоими монархами и, наконец, подписание, которое не могло быть одновременным ввиду огромного расстояния между Россией и Данией. Естественно, факт ратификации договора той или иной стороной фиксировался разными датами, что и вызвало разногласия в историографии.

Общепринятое мнение о наступательном характере союзного трактата плохо согласуется с его четвертой статьей, где сказано, что «до вступления действительно в войну» надлежит употребить «всякие дружеские способы», дабы «не потребно было оному (агрессору. – В.Д., И.С.) оружием отпор учинить», на что отводилось достаточное время [15, с.14].

С конца ноября 1699 года в русско-датских отношениях наступила довольно длительная пауза. Она обуславливалась рядом факторов, в том числе выходящих за рамки этих отношений. Нужно было, во-первых, дождаться от Фредерика IV ответа на «особливый артикул»; во-вторых, внимательно изучать совершенно неопределенную общую ситуацию на Балтике³⁰, чреватую любым поворотом событий, включая замораживание проблемы; в-третьих, избегать частых встреч с Гейнсом, дабы не вызвать подозрений, способных спровоцировать Швецию на превентивный удар по еще не оформившемуся союзу. Однако главное заключалось в другом. Вопрос – быть или не быть русско-шведской войне – в конечном итоге решался не в Москве, не в Стокгольме, не в Копенгагене или Варшаве, а в Стамбуле, где Е.И.Украинцев вел сложнейшие, абсолютно непредсказуемые переговоры. Только их мирное завершение позволило бы перевести перспективу разрыва между Россией и Швецией из гипотетического наклонения в контекст реальных действий³¹.

Одним словом, Петру пока было нечего обсуждать с Гейнсом. Правда, царь продолжал, и не без удовольствия, общаться с ним в неофициальной обстановке. Желая залучить государя к себе в гости, Гейнс воспользовался масленичной неделей и 7 февраля 1700 года устроил у себя «маленькую пирушку» на 50 персон. Была приглашена московская знать и, между прочим, шведский посол Книппер. Петр провел там около двенадцати (!) часов, веселился, пил за здоровье датского наследного

³⁰ Кроме прочего, Петр хотел выяснить, начнет ли войну против Швеции Август II, обещавший сделать это в конце 1699 года, но, как известно, не сдержавший своего слова.

³¹ Не забывавший об этом Гейнс доносил своему королю: «Если только из Турции будут хорошие вести (о заключении мира. – В.Д., И.С.) – все будет хорошо». Г.В.Форстен писал, что Петр много тратил на подготовку войны с Турцией, которая «никого уже больше не устрашает» [18, с.341–343].

принца, наслаждался невиданным для Москвы фейерверком, но о делах хранил молчание [3, с.331–332; 18, с.342–343].

На следующий день (8 февраля) произошла еще одна встреча Гейнса с Петром. Случилось это на приеме, данном в честь гетмана И.Мазепы на Посольском дворе. Очень странно и одновременно показательно, что посланник совершенно игнорирует столь значительное событие, описывая лишь его крохотную часть – свой скоротечный разговор с царем. Между тем неслыханные почести, оказанные Мазепе, заслуживают особого внимания. Навстречу гетману и его свите (551 человек), приближавшейся к Москве с юга, было выслано, по меньшей мере, 350 гостевых подвод. В столице эту толпу разместили «со всеми удобствами» и поставили на полное довольствие казны. Церемония чествования Мазепы и последовавшие за ней пиры поражают³². Центральным моментом торжеств явилось награждение (8 февраля) гетмана недавно учрежденным орденом Андрея Первозванного, который до этого был пожалован лишь одному человеку – Ф.А.Головину. Из именного царского указа явствует, что гетман удостоен награды за славные ратные труды «против его, великого государя, неприятелей салтана турецкого и хана крымского» на протяжении тринадцати лет (с 1686 года). Несколько позже Мазепе и его свите преподнесли много драгоценных подарков. А на обратную дорогу снабдили продовольствием и питием [3, с.334, 336, 343].

Прославление союзника Петра в русско-турецкой войне красноречиво не только как признание его былых заслуг, но и как аванс на будущее. А применительно к этому самому будущему реально было уповать на помощь Мазепы только на южном направлении.

Гейнс всего этого не видит либо не хочет видеть. Зато он многословно передает свой разговор с Петром, из которого возникает ощущение, будто на этом шумном пиршестве царю больше нечем было заняться, кроме как беседовать с посланником. В это трудно поверить, но Гейнс представляет дело именно так или почти так. О чем же речь? Посланник добивался аудиенции, которой он ожидал уже почти полгода, для вручения верительных грамот от короля Фредерика IV. Царь уклонился и на сей раз. Сменив тему, он сказал, что собирается перевести русскую северную торговлю с балтийского направления на североморское и основать в Архангельске купеческую компанию наподобие Ост-

³² Вот лишь некоторые данные о гастрономической части приема с учетом детальной разверстки по чинам: 120 ведер вина, 100 ведер меда, больше 800 ведер пива [3, с.332, 334].

Индской. Сообщая эту новость, Гейнс стремится внушить королю мысль о намерении Петра пойти на обострение отношений со Швецией, разрыву с которой мешает незавершенная турецкая война. Посланник приводит слова государя о том, что мир с Портой «почти заключен» [18, с.344–346; 3, с.337]. Возможно, что-то в этом духе действительно было сказано. Но отражает ли такое утверждение искреннюю уверенность в успехе стамбульских переговоров? Ведь из донесений Е.И.Украинцева Петр знал о крайне тяжелой переговорной ситуации, конца которой пока не предвиделось. (Мирный трактат будет подписан лишь через полгода. Но знать этого никто не мог.) Царь, конечно, говорил не то, что думал, и в его приятных для датского слуха словах видны полученные им в Европе уроки лукавой дипломатии, умение скрывать сомнения и обнадеживать, не обязуясь.

В день своего очередного отъезда в Воронеж (18 февраля 1700 года) Петр, наконец, дал Гейнсу аудиенцию (в донесениях Гейнса в Копенгаген ошибочно указана дата 6 марта). Посланник остался доволен торжественной церемонией, в ходе которой он вручил верительные грамоты и был допущен «к руке». Затем Гейнс был приглашен в дом Л.К.Нарышкина, где, судя по всему за обеденным столом, царь неодобрительно отозвался о поведении Августа II, развлекавшегося в Саксонии и до сих пор не выполнившего своего обещания атаковать Ригу в декабре 1699 года. Посланник успокаивал царя с лукавым простодушием: не получилось в этот раз – получится в следующий, когда царь вступит в войну. В ответ Петр, не без раздражения от того, что приходится делать это в который уж раз, повторил свое обещание начать военные действия, лишь только будет получено известие о заключении мира с турками [18, с.346–349; 3, с.339–341]³³.

Воронежские беседы царя

В тот же день, 18 февраля, вечером, царь опять уехал в Воронеж (куда прибыл 21 февраля). Данный факт, уже сам по себе, напрашивается на особое внимание историка. Этот

город (как и Азов) царь посещает с долгосрочным визитом в четвертый раз после возвращения из-за границы. Почти в челночном режиме он

³³ Трудно сказать, из какого источника почерпнул Гейнс сведения, позволившие ему заверить Кристиана V в том, что к апрелю 1700 года переговоры с турками завершатся [18, с.349]. Во всяком случае, Петр в беседах с датчанином выражал надежду, но не уверенность.

совершает поездки не на север, а на юг. А теперь еще приказывает ехать и нескольким десяткам представителей московских сановников с семьями. Ему не терпится показать свой чудо-флот, насчитывавший к этому моменту 77 кораблей, из которых 52 линейных и 25 вспомогательных. И прежде всего флагман «Предестинацию» – шедевр судостроения, по словам Гейнса [3, с.344–347]. Как пролог к Северной войне эта деятельность выглядела очень странной, но как приготовление к возобновлению южной войны – совершенно естественной.

Еще удивительнее, что отнюдь не дилетант в международных делах Гейнс, тоже приглашенный в Воронеж (Гейнс приехал туда с семьей 22 марта), видя все это, как будто умышленно избегает выводов, противоречащих его «северным» ожиданиям. Посмотрим, о чем он, человек, находившийся в гуще военно-строительного бума, сообщает своему королю. Лейтмотив его донесений: Петру не терпится ринуться в бой со шведами тотчас после подписания мира с турками, который ожидается чуть ли не со дня на день (к Пасхе). Если Гейнс слышал такое от Петра, то, значит, посланника явно обманули или он сам готов был обманываться, ибо в эти дни царь был огорчен отсутствием каких-либо определенных новостей из Стамбула, и их еще не будет долго [18, с.349–350; 3, с.355–356].

Петр, не желая лишать Данию надежды на его участие в войне против Швеции, говорил Гейнсу о «ближайшей» перспективе заключения русско-турецкого мира [18, с.349–350; 3, с.369–370].

Верил ли сам царь не то что в ближайшую, но и вообще в перспективу такого исхода – очень большой вопрос. Не меньший вопрос – хотел ли он этого мира. Во всяком случае, в начале марта 1700 года Петр велел новгородскому и псковскому воеводам готовиться к войне с Турцией, поскольку «салтан турецкий к миру предложил статьи развратные и неудобные», то есть выдвинул неприемлемые условия [3, с.353].

Гейнса почему-то не смущает, что Петр весь ушел в дела и лихорадочно наращивает военно-морской потенциал России именно на юге. Чтобы повысить объемы, эффективность и качество судостроительных работ, царь предпринимает целый ряд организационных, производственных, финансово-налоговых мер, неусыпно следя за их исполнением [3, с.347–350].

Если все это и не полностью ускользает от взора Гейнса, то остается на периферии его внимания, поскольку посланника заботит лишь тема грядущей русско-шведской войны, вера в которую заставляет выдавать желаемое за действительное. Письма Гейнса в Копенгаген пронизаны

мыслью о том, что Петр пребывает в состоянии воодушевления, он ожидает скорого подписания мира с Портой и жаждет выступить против Швеции. Гейнс не хочет видеть в содержании своих бесед с Петром досужливых моментов, принимая их за чистую монету. Датчанин старается не акцентировать абсолютно четкую, честную и неизменную петровскую оговорку: «когда и если будет подписан мирный договор с турками» [18, с.349–354]³⁴. Но вовсе ее игнорировать Гейнс, как профессиональный дипломат, все же не может. Реальность нет-нет да заставляет оценивать ее более трезво.

Своей неоднозначностью эта реальность озадачивала и Гейнса, и Петра. Каждый из них, исходя из собственных, далеко не во всем совпадавших интересов и желая застраховаться на все случаи жизни, предпочитал связать контрагента конкретными обязательствами, а за собой сохранить максимальную свободу маневра. Признаки такой стратегии и тактики порой хорошо различимы в воронежских беседах царя с посланником.

За время пребывания в Воронеже (с 22 марта по 16 мая 1700 года) Гейнс встречался с Петром четыре раза (22 марта, 13, 23, 30 апреля). Наряду с удовлетворением по поводу самого факта вступления саксонских войск в шведскую Ливонию, царь выражал сильную обеспокоенность безответственным поведением Августа II, не соизволившего оторваться от своих дрезденских утех и лично возглавить осаду Риги. Петр не скрывал опасений, что столь важное предприятие будет провалено (что и случилось на самом деле).

³⁴ М.М.Богословский, на наш взгляд, слишком доверился мнению Гейнса о порядке приоритетов Петра в воронежский период. В результате он впадает в противоречие, когда сначала, на десятках страниц, разворачивает широкую панораму военно-организационной деятельности Петра на юге, а затем резюмирует ее совершенно неожиданными словами: «Кораблестроение, однако, в 1700 г. не стояло на первом плане для Петра в Воронеже. Он продолжает его, желая закончить начатое; но он ежеминутно готов его бросить и вернуться в Москву при первом же благоприятном известии о мире с Турцией. Петра в этот приезд его в Воронеж всего более занимают стоявшие перед ним вопросы внешней политики, и для них он готов оторваться от кораблестроения. Он прибыл в Воронеж с твердым решением, как только получит весть о заключении мира с турками, немедленно же начать войну со Швецией» [3, с.347–351]. И в другом месте: «Петр не мог оставаться спокойным, когда речь заходила о предстоящей войне, он весь воодушевлялся, ликовал при мысли о реванше за оскорбление в Риге, в которое, заметим от себя, он, по-видимому, теперь и сам горячо уверовал и смело смотрел в будущее. Воронежские корабли, азовская крепость, таганрогская гавань, южное море не овладевали всецело его вниманием. Его взор пристально устремлен теперь к северу» [3, с.351–352, 356].

Но это была не единственная причина для тревоги. Все же уповая на успешный захват Риги, Петр вместе с тем боялся, что после этого Август II предаст союзников и пойдет на сепаратный мир с Карлом XII. Гейнса больше тревожили планы царя в отношении соблюдения русско-датских договоренностей. Он дал Петру понять, что развитие ситуации в Ливонии, как и судьба датско-польского союза в уже начавшейся войне целиком будет зависеть от готовности России придерживаться взятых обязательств. Он призывал царя поскорее открыть военные действия против Швеции, и тем самым фактически создать и скрепить делом тройственную русско-датско-саксонскую коалицию. На очередное напоминание Петра о необходимости прежде заключить мир с Турцией Гейнс не реагировал никак [18, с.349–353; 3, с.369]³⁵.

Направление бесед с посланником, как правило, задавал Петр. Когда же он хотел узнать мнение своего визави, становилось видно, насколько это мнение обуславливалось инструкциями из Копенгагена, где старались сделать все для того, чтобы обязать Россию жесткими юридическими формулировками и не оставить ей иного выбора, кроме войны со Швецией. Выполняя указания своего короля, Гейнс умел быть очень настойчивым. 23 апреля посланник получил из Дании почту, содержащую ратифицированный Фредериком IV русско-датский договор, точнее его редакцию от 26 ноября 1699 года. Но прежде чем вручить документ Петру, Гейнс обратился к нему со странной просьбой – подписать так называемый «контр-акт», в котором царь должен подтвердить свое «намерение против короны Свейской». Поначалу Петр отказался, заявив, что не видит никакого смысла в дополнительных гарантиях. Затем, идя навстречу желанию датского короля (который настаивал на подписании такого документа), он дал Ф.А.Головину распоряжение изготовить этот «контр-акт». Ф.А.Головин же, обязанный по долгу службы вникать в тонкости, вступил с Гейнсом в спор, акцентируя принципиальную мысль о том, что Россия не может дать никаких международно-правовых гарантий, пока не заключен мирный договор с Портой. Посланник продолжал стоять на своем. Он чуть ли не с укоризной говорил, будто Фредерик IV, обнадеженный союзом с Россией, отказался от любовного соглашения с Карлом XII по шлезвиг-гольштейнскому вопросу и вошел в экстренные военные расходы. Ф.А.Головину, после

³⁵ Петр, кажется, испытывал определенные сомнения относительно способности России, Дании и Саксонии справиться со Швецией. В беседах с Гейнсом он поднимал вопрос о привлечении к тройственному союзу Бранденбурга.

бесплодных уговоров, пришлось выполнить монарший приказ. 30 апреля Петр «в знак доброй воли» подписал «контр-акт», и в тот же день ему вручили королевскую ратификационную грамоту. В оформлении русско-датского союза была поставлена точка [18, с.355–357; 3, с.370–371; 12, №310]³⁶. Эта история еще раз подводит к выводу: перспективы русско-шведской войны всецело зависели от перспектив русско-турецкого мира.

Основная работа Гейнса в принципе закончилась. Оставалось, как бы это ни претило ему, терпеливо ждать вестей из Стамбула. А их все не было. Бодрые заверения Петра в духе «со дня на день» сменились досадой и бессильной яростью от необходимости стоять на распутье. Гейнсу же ничего не оставалось, как утешать своего короля в одном случае мажорной констатацией – подготовка к войне со Швецией, дескать, идет полным ходом: в другом – более осторожным наблюдением – «в воздухе пахнет войною» [18, с.359–360, 362–366].

Когда война шведам была, наконец, объявлена (19 августа 1700 года), радость Гейнса длилась недолго. Почти следом в Москву пришло сообщение о заключении между Копенгагеном и Стокгольмом того самого мира, которого так опасался Петр и в невозможности которого уверял царя датский посланник. Поступок Фредерика IV огорошил русских. Его восприняли как предательство, совершенное именно тогда, когда Петр, после многократных подстегиваний Гейнса, решился поставить на карту почти все. Безвинный датчанин, за отсутствием под рукой другого козла отпущения, превратился в глазах московской знати и обывателей в живую аллегория коварства. «Вот они, горькие плоды сладкоречивых уветов иноземца», – носилось в толпе. От прежнего дружеского отношения к Гейнсу почти ничего не осталось. Ему приходилось то и дело отбиваться от обвинений, которые, вообще говоря, следовало адресовать не ему. Профессионалы вроде Ф.А.Головина, разумеется, все прекрасно понимали, но и они невольно поддавались общему настроению. Гейнсу было отказано в просьбе выехать в расположение русской армии, ожидалась его высылка из России [18, с.371–372].

³⁶ Петр, вероятно, передал это дело Ф.А.Головину не без надежды, что тот убедит Гейнса отозвать свою просьбу. Уместно заметить, что в доверительных сообщениях к королю посланник призывал понять нежелание русских объявлять Швеции войну, пока не будет прочно обеспечен тыл со стороны Турции. И не раздражать царя настояниями [18, с.358].

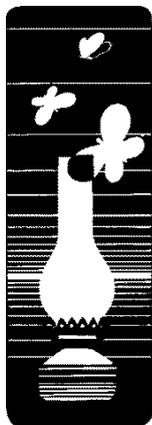
К счастью для Гейнса, обстоятельства избавили его от скорой встречи с Петром. Она состоялась лишь 23 декабря, и о ней мы еще расскажем. Попадись Гейнс царю сразу же после получения известия о сепаратном договоре, трудно даже вообразить, какой именно могла бы оказаться эта встреча. Впрочем, Петр не остынет и через четыре месяца, что он и продемонстрирует³⁷.

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В.Чистяковой; Сост. Н.М.Рогожин. – М.: Международные отношения, 1989. 240 с.
2. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т.3. М., 1946. 502 с.
3. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т.4. М., 1948. 510 с.
4. Богословский М.М. Русско-датский союз 1699–1700 гг. // Ученые труды Института истории РАН ИОН. М., 1929. Т.5.
5. Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // Вопросы истории. 1971. №10.
6. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л.: Наука, 1986. 296 с.
7. Дегоев В.В. Внешняя политика Петра I. Т.1. Русское Великое посольство (1697–1698 гг.). М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2019. 616 с.
8. Дегоев В.В. Дипломат петровского призыва Прокопий Возницын. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2018. 578 с.
9. Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. №5.
10. Манько А.В. Великих посольских дел оберегатель: политическая биография князя В.В.Голицына. М.: Аграф, 2007. 208 с.
11. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.
12. Письма и Бумаги. Т.1. СПб., 1887. №284. (998 с.)
13. Преображенский союзный договор 1699 года // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т.11.
14. ПСЗРИ. №1724.
15. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сб. документов. Т.1 (1700–1709 гг.) / Под ред. Л.Г.Бескровного и Г.А.Куманева. М., 2009. 528 с.
16. Соловьев С.М. Соч. Т.14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
17. Форстен Г.В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП, 1904, ноябрь.
18. Форстен Г.В. Датские дипломаты... // ЖМНП, 1904, декабрь.

³⁷ Припомним инцидент, имевший место во время визита Петра в Бранденбург весной 1697 года, когда он в припадке детской обиды схватил крупного прусского сановника за грудки [7, с.135–137].

Анастасия Готовцева

**«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ»
ЮБИЛЕИ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСАНДРА II**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
94(47).07

Статья посвящена осмыслению государством и обществом 1860-х гг. пятидесятилетних юбилеев Отечественной войны 1812 года, окончания наполеоновских войн, а также столетия со дня рождения Наполеона I. Первый, двадцатипятилетний, юбилей 1812 г., был отмечен по распоряжению Николая I в конце августа 1839 г., в годовщину победы над Наполеоном, очень торжественно. В 1862–1864 гг. наступал полувековой юбилей и, казалось бы, он тоже должен отмечаться широко. Однако в 1862 г. никаких официальных торжеств не проводилось. В отличие от официального государства, занятого празднованием другого юбилея – тысячелетия России, общественная мысль помнила и по-своему осмысляла события не такого давнего прошлого. В 1864 г. на фоне изменившейся внешнеполитической обстановки юбилей вступления русских войск в Париж был отмечен торжественно: парадом на Дворцовой площади и обедом в Зимнем дворце. В то же время официальная пресса подробно отразила известия о праздновании во Франции столетия Наполеона I в 1869 г. В статье подробно рассмотрены публикации официальных газет, литературных журналов, а также эпистолярное и мемуарное наследие современников 1860-х гг., так или иначе отразившие юбилейные даты.

The article is devoted to the state and society of the 1860s understanding of the fiftieth anniversaries of the Patriotic War of 1812, the end of the Napoleonic Wars and the centenary of the birth of Napoleon I. The first (twenty five year) anniversary of 1812 was very solemnly celebrated by order of Nicholas I on the day of the victory over Napoleon at the end of August 1839. In 1862–1864, a celebration of the half-century anniversary was about to come and, it would seem, it should also be just as wide. However, in 1862 no official celebrations were held. Unlike the official state engaged in the celebration of another anniversary – the millennium of Russia, public thought didn't forget the anniversary of the Patriotic War of 1812 and was trying to comprehend the events of recent past in its own way. In 1864, against the backdrop of the changed foreign policy situation, the anniversary of the entry of Russian troops into Paris was celebrated solemnly by a parade on Palace Square and lunch in the Winter Palace. At the same time the official press reflected in details news about the celebration of the centenary of Napoleon I in 1869 in France. This article examines in details the publications of official newspapers, literary magazines and the epistolary and memoirs of the contemporaries of the 1860s, which somehow reflected the anniversary dates.

Ключевые слова: Юбилей Отечественной войны 1812 г.; юбилей Заграничных походов 1813–1814 гг.; Наполеон I; Наполеон III; Александр II; Бородино; «Война и мир»; П.А.Вяземский; М.Н.Катков; И.П.Липранди; С.А.Маслов; М.Н.Лонгинов.

Key words: Anniversary of the Patriotic War of 1812; anniversary of the Foreign campaigns 1813–1814; Napoleon I; Napoleon III; Alexander II; Borodino; “War and Peace”; P.A.Vyazemsky; M.N.Katkov; I.P.Liprandi; S.A.Maslov; M.N.Longinov.

E-mail: brunhilda@yandex.ru

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

«История не повторяется в явлениях»: идеологические модели наполеоновских войн в 1830-е – 1850-е гг.

Десятилетие 1860-х гг. было юбилейным сразу для нескольких дат в европейской исторической памяти, связанных с наполеоновской эпохой.

В 1862 г. исполнялось 50 лет Бородинской битвы, в 1864 г. – взятию союзными войсками Парижа и, наконец, своеобразной вершиной этого «юбилейного десятилетия», значимой, конечно, гораздо более для европейского, чем для российского общественного сознания было столетие Наполеона I, отмечаемое в 1869 г. Каждая из этих дат имела свое собственное «лицо» в исторической памяти России.

Годовщина Бородинской битвы, бывшей самым крупным событием Отечественной войны, не воспринималась, однако, как юбилейная дата, которую надо было тем или иным образом отмечать на государственном уровне. В то же время само Бородинское поле стало местом «народной» памяти практически сразу, во всяком случае с 1818 г., когда Маргарита Тучкова начала строительство храма, выкупив участок земли на Багратионовых флешах. Официальная же власть в лице императора Александра I относилась к событиям 1812 г. неприязненно. Для него имели значения последующие события, закончившиеся в 1814 г. взятием Парижа [46, с.184].

Вступление русских и союзных войск в Париж
(худ. А.Д.Кившенко, 1880, Центральный военно-морской музей, Санкт-Петербург)

В эпоху Николая I, когда после Польского восстания 1830–31 гг. в общественном сознании воскресает идеологема «народной войны», включенная императором в идеологию «официальной народности», память о 1812 г. снова актуализуется [см. подр. о складывании идеологемы: 41, с.159–194].

При этом Николай в своих идеологических построениях не акцентировал разницы между Отечественной войной 1812 г. и Заграничными походами 1813–1814 гг. Для него это единая кампания, приведшая к политической победе России на международной арене. Такой «симбиоз» получил наглядное воплощение в юбилейном 1839 г. Празднование проходило в год 25-летия взятия русскими войсками Парижа, но приурочено было к Бородинской годовщине и происходило на Бородинском поле. Под непосредственным впечатлением от этих торжеств Жуковский напишет свою «Бородинскую годовщину», в центре ее – Бородинская битва, за которой последовало взятие Парижа.

Однако и годовщина Бородинского сражения как такового была отмечена Николаем своеобразным способом. 26 августа 1837 г. он отдал распоряжение Министерству уделов приобрести для дворцового ведомства у Елизаветы Федоровны Воейковой усадьбу Бородино для своего старшего сына и наследника престола великого князя Александра. Согласно купчей «Московской губернии Можайского уезда село Бородино» было приобретено «в дар Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу». С этого момента создание дворцово-паркового ансамбля в Бородине стало частью обширного плана по празднованию 25-летнего юбилея Отечественной войны и заграничных походов [8, с.153].

«В Бородино будут ездить все те, коим отечественные воспоминания дороги», – написал в 1837 г. Николай I на докладной записке министра финансов Е.Ф.Канкрин, сетующего на то, что сооружаемый в Бородине памятник будет далеко расположен от главной дороги и «от глаз любопытствующих путешественников» [Цит. по: 5, с.191].

Бородинская битва и Отечественная война в целом, когда неприятелю был дан отпор, ассоциировались не только с памятью, но и с силой русского оружия. Такая трактовка возникла еще до николаевского празднования окончания наполеоновских войн, в связи со штурмом Варшавы императорскими войсками в 1831 г., взятие которой совпало с годовщиной Бородинской битвы 26 августа (7 сентября).

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

Пушкин создал свое посвящение этому событию, под названием «Бородинская годовщина», где закрепил эту аллюзию, намекая на участие созданного Наполеоном в 1807 г. герцогства Варшавского в войне против России и обращаясь к европейским армиям:

*Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!...
Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падающей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.*

Стихотворение вошло в брошюру под названием «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (цензурное разрешение 7 сентября 1831 г.). Там же и знаменитое «Клеветникам России». О Бородине говорит и Жуковский в вошедшем в ту же брошюру стихотворении «Старая песня на новый лад»:

*С Богом! Час ударил Рока, –
Час, ожидаемый давно.
Сбор гремят... а издалика
Русь кричит: Бородино!*

Само же соотнесение борьбы против восставших поляков в 1831 г. и войны против французских войск, включающих Польский легион, в 1812 г. было обусловлено предыдущей традицией, появившейся практически сразу после нашествия Наполеона на Россию. Тогда, в 1812 г. идеологические схемы строились на указании на двухсотлетнюю годовщину изгнания из России поляков в 1612 г.

В дальнейшем такая цепочка только укрепилась, потому что многие польские иммигранты, покинувшие Россию после разгрома восстания 1830–1831 гг., обосновались во Франции. Таким образом сконструировался собирательный польско-французский образ внешнего врага России.

Портрет Александра II Николаевича
(Худ. Н.А.Лавров, 1873, Государственный
русский музей, Санкт-Петербург)

Следующий этап общественного интереса к 1812 г. начался во время Крымской войны, на которую смотрели как на, выражаясь словами Ф.И.Тютчева, «только возобновление двенадцатого года», который Запад «поставил теперь <...> на почву Восточного вопроса» [“n’est que la reprise de 1812”; “il l’a posé <...> sur le terrain de la question d’Orient”] [49, с.517–518]. После героической обороны Севастополя молодой государь Александр II старался с целью поддержания боевого духа войск использовать эту аналогию. «Вместе с ними и подобно им (героям обороны Севастополя. –

А.Г.), все наши войска, с тою же беспредельною верою в Провидение, с тою же пламенною любовью ко мне и родному нашему краю, везде и всегда будут твердо встречать врагов, посягающих на святыни наши, на честь и целость отечества, а имя Севастополя, столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена защитников его пребудут вечно в памяти и сердцах всех русских, совокупно с именами героев, прославившихся на полях Полтавских и Бородинских», – гласил приказ по армии 30 августа 1855 г., данный в день, когда союзники вступили на развалины павшего Севастополя [47, с.161].

Однако после поражения стало ясно, что Крымская война и оборона Севастополя не могут быть поставлены в один ряд с 1812 г. Старшие современники юного монарха, участники Отечественной войны и Заграничных походов, видели «натянутость» смешивания разных на их взгляд военных явлений еще до трагической развязки. «Если идти на сравнение, то надо признаться, что полевые, Бородинская и Лейпцигская, битвы, у которых поставлены уже были Геркулесовы столбы, едва ли не уступят Севастопольской, убеждающей, между прочим, и в том, что история не повторяется в явлениях», – писал декабрист Г.С.Батеньков в одном из своих сибирских писем [3, с.355–356]. Трагический контраст и возможность для французов расценивать севастопольские события как

возмездие за 1812 г. усиливало совпадение дат: падение Малахова кургана и вслед за тем оставление русскими войсками города последовали лишь одним днем позднее годовщины Бородинской битвы, 27 августа (8 сентября). Таким образом, поражение русских в Крымской войне, рассматриваемой Францией реваншистски, нивелировало сравнение ее с Отечественной и последующими заграничными походами, которые были краеугольным камнем имперской идеологии и в общественном восприятии ассоциировались со славой русского оружия.

Дискриминационные условия Парижского мира в 1856 г. заставляли правительство Александра II искать союзников в Европе для их пересмотра. Таким союзником оказалась Франция во главе с Наполеоном III, со своей стороны заинтересованным в забвении договора 1815 г. «Судьба поставила нас в одинаковые условия: Ваше Величество хотело бы изменить условия Парижского мира, а я хотел бы сделать то же самое с условиями мира 1815 г.», – писал Наполеон III Александру II 22 декабря 1859 г. [11, с.162]. К тому же Наполеон III хотел заручиться гарантиями «благожелательного нейтралитета» России в планируемой им войне с Австрией за итальянские территории, в ходе которой французский император планировал расширить территорию своей страны. России же была нужна поддержка Франции в защите интересов христиан на Балканах, т.е. обеспечение единой позиции в Восточном вопросе [12, с.54–59].

Налаживание союзнических отношений началось оптимистично. Послы – русский в Париже и французский в Петербурге – граф Павел Киселев и герцог Шарль де Морни были всецело преданы идее русско-французского союза, как и новый глава российской дипломатии вице-канцлер Александр Горчаков. Налаживанию добрососедских отношений с Россией весьма способствовал и министр иностранных дел

Портрет императора Наполеона III
(Худ. Ф.К.Винтерхальтер, 1855.
Музей Наполеонико, Рим)

Портрет светлейшего князя
Александра Михайловича Горчакова
(Худ. Н.Т.Богачкий, 1870-е гг., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Франции граф Александр Колонна-Валевский. Его содействие помогло сгладить острые углы во время Парижского конгресса. Важным шагом к начавшемуся сближению России и Франции стала встреча двух императоров в Штутгарте в сентябре 1857 г., а письменным его выражением – подписанное три года спустя после конгресса известное секретное соглашение 19 февраля (3 марта) 1859 г. [51, с.57–187, 201–211, 218–226].

Однако начальные более чем положительные намерения в отношении сближения не дали быстрого результата. Император Наполеон, вопреки заверениям и несмотря на очевидные шаги России, не спешил

инициировать пересмотр условий Парижского мира 1856 г., однако в России все еще надеялись на реализацию «французского проекта».

Эти надежды поддерживались из Франции еще и в начале 1860-х гг. послом в Париже Киселевым, убеждавшим царя и министра Горчакова в самом благосклонном расположении Наполеона III к России.

«...многие вспомнили 50-летие Бородинской битвы»: юбилей 1862 г. в государственном и общественном восприятии

Несмотря на начавшееся охлаждение в русско-французских отношениях, в 1862 г. какие-либо большие символические мероприятия религиозно-ритуального или торжественного

характера (отмечу в скобках, что традиция празднования юбилея именно 1812 г. окончательно сложилась лишь время спустя, в год столетия битвы) не планировались, они смотрелись бы все же неким политическим вызовом.

Впрочем, общество хорошо помнило о юбилее 1812 г. Более чем за год до него «Русский инвалид» публикует воспоминания участников Бородина. Первой здесь стоит отметить публикацию под названием «Бородинское сражение», принадлежащую известному военному и государственному деятелю николаевской эпохи И.П.Липранди [13] и вы-

шедшую несколько месяцев спустя также отдельным изданием [14]. Мемуарист высказал некоторые замечания об описании Бородинского сражения в опубликованной в 1859–1860 гг. «Истории отечественной войны 1812 года» официального историка М.А.Богдановича. Восемь лет спустя он выпустит «Замечания» на весь труд генерал-майора [15].

Приступая к своему повествованию и обращая внимание на необходимость исторически верного изображения событий, автор замечает: «Бородинская битва достойна по всем отношениям быть правильно передана новому поколению и потомству. Слава нашей армии того требует: и честь нашей военной ли-

Иван Петрович Липранди
(Худ. Г.С.Гец, 1820-е гг.)

тературы поставляет это первую обязанностью. Посмотрите, какое в настоящее время наши литераторы обратили внимание на восстановление правильности, даже в стихотворениях известных поэтов, в сочинения которых впоследствии вкрались перестановки или подобные тому искажения. Каким же образом допускать или позволять себе самопроизвольно, чрез полвека, вводить в историю то, о чем нет нигде помина? В Бозе почивающий Император, собрав в 1839 году на Бородинских полях значительную часть войск, воздвиг 26 августа, к великому дню, на центральной высоте памятник, под которым был предан земле перевезенный тогда же прах князя Багратиона. Ныне благополучно царствующий Государь уважает память этой кровавой купели: Священное коронование происходило 26 августа; торжество тысячелетия России в 1862 году, говорят, назначено также на 26 августа. День этот будет пятидесятилетним юбилеем и Бородинскому побоищу» [14, с.13–14].

На самом деле Липранди, конечно, прекрасно понимал, что широкого празднования не будет. Он как будто пытается воззвать к властям вспомнить о Бородине на фоне других годовщин. Но настроение этих призывов – не праздничное. Ключевой лейтмотив брошюры – героизм

русских солдат. Основная цель – кропотливо разобрать неточности в описании Бородина у Богдановича и других историков¹.

И действительно царственный владелец дворцового села Бородино посещал свою подмосковную вотчину нечасто. Первый раз – в июле 1837 г., непосредственно перед тем, как Бородино было приобретено Департаментом уделов ему в дар, затем в 1839 г., во время грандиозных торжеств, организованных его отцом, императором Николаем I, затем в мае 1841 г. проездом во время медового месяца вместе с молодой супругой Марией Александровной. И, наконец, последний раз Александр II посетил Бородино в начале июня 1861 г. Пребывание было опять же очень кратким: императорская чета провела в своем имении всего сутки [44, с.118–124].

Между тем пребывание в Москве, в 113 верстах от Бородина, именно в конце августа было вполне естественно для Александра II: день его коронации 26 августа совпадал с годовщиной Бородинской битвы (из-за чего традиционную траурную панихиду по погибшим на самом поле в царствование Александра II даже перенесли на 27 число [27, с.2; 26, с.19].

Не изменил царь этой традиции и в 1862 г. Непосредственно перед пятидесятилетней годовщиной Бородинской битвы он провел в Москве 10 дней – с 16 по 25 августа [47, с.403], однако на мемориальном поле так и не появился. Уже в начале сентября его ждало гораздо более важное в свете идеологической политики мероприятие – празднование тысячелетия России в Новгороде, куда он, сопровождаемый августейшей фамилией, и отправился прямо из Москвы.

Вообще, подготовка к празднованию тысячелетия вытеснила из актуального культурного поля воспоминание о том, что 1862 г. является полувековым юбилеем Бородинской битвы. Впрочем, не только тысячелетие. Материала для газетных публикаций было много. Только что прошла крестьянская реформа, готовились финансовая, образовательная, земская и другие, беспокойно было в Польше, так же как и за границей России: только что закончилось объединение Италии.

«Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о юбилее Бородинской битвы почти месяц спустя небольшой заметкой, повествующей о том, как помещик Роман Федорович Гернгрос отмечал эту дату в селе Миловиде Велижского уезда Витебской губернии [43].

¹ Откликом на эту публикацию было опубликованное «Русским инвалидом» мемуарное свидетельство о Бородине артиллериста Н.Е.Митаревского [33].

На этом фоне главным идеологом летописания о полувековом юбилее Бородинского сражения стал редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков. В «Московских ведомостях» и воскресном приложении к «Русскому вестнику» «Современная летопись» он опубликовал две достаточно объемные заметки о Бородинской битве и Бородинском поле, вышедшие затем отдельными изданиями.

Первая из них под названием «Пятидесятилетие Бородинской битвы и Спасобородинский монастырь», увидевшая свет в последнее воскресенье сентября, первое и второе воскресенье октября в «Современной летописи» [25] и вышедшая затем отдельным изданием [26], принадлежала Степану

Маслов Степан Алексеевич
(Фотография, Архив Российской академии наук, Москва)

Алексеевичу Маслову, агроному и писателю, основателю Императорского общества сельского хозяйства. Составлен текст как послание к университетскому товарищу автора – Ивану Ивановичу Давыдову, филологу, философу, занимавшему ряд должностей в Московском университете, а затем в Петербургской академии наук и Главном педагогическом институте, так же хорошо помнившего 1812 г. и собственную эвакуацию в Казань. Как человек сугубо гражданский, в военных действиях Маслов участия не принимал. Однако, вернувшись в занятую французами Москву из ярославской эвакуации, он оказался живым свидетелем разных эпизодов московской жизни, издав в 1813 г. рассказ об этом своем путешествии [24]. Для него, как коренного москвича, память об Отечественной войне была, конечно, очень важна.

Но вернемся к сочинению Маслова, опубликованному в «Современной летописи». Оно состоит из нескольких частей. Первая часть – собственные воспоминания автора о 1812 г. – перекликается с упомянутой выше брошюрой. Вторая часть кратко описывает само поле, его укрепления, а также монастырь и дворец, построенный в 1839 г. для великого князя Александра Николаевича. Третья часть описывает главный монумент Бородинского поля – памятник на батарее Раевского, сооруженный в том же 1839 г. Четвертая часть была посвящена событиям,

происходившим на Бородинском поле по случаю пятидесятилетия битвы, очевидцем которых Маслов был сам: «Я порадовался, что многие вспомнили 50-летие Бородинской битвы и пришли издали на панихиду по убиенным». Часть отмечающих годовщину местных жителей пришли к памятнику на батарею Раевского, «довольно много народа из окрестных деревень, много старух, которые пришли верст за 12», другие – в Спасо-Бородинский монастырь, где состоялась панихида – «много чиновников из Можайска и помещиков из окрестных имений» [26, с.22]. И, наконец, в последней части описывалась история монастыря.

В целом повествование Маслова оказалось совсем не торжественным. Так, спросив у пришедших к памятнику престарелых жителей села, не помнит ли кто самой битвы, он получил в ответ неприукрашенный рассказ о том, как собирали в могилы и жгли трупы убитых, собирали брошенное оружие, которого было столько, что многие «зашибли деньгу», продавая найденное скупщикам «почти задаром», а под соху «и теперь» попадаются «и картечи, и пули, и изломанные штыки». Впрочем, такое видение Бородинского сражения было характерно для 1862 г., когда со стороны государства юбилею не уделялось никакого внимания и он был отмечен лишь локальными мероприятиями и поминовением погибших. И молебен у памятника, и церковная служба в монастыре ничем не отличались от «неюбилейных», совершаемых в этот день ежегодно.

Вторая статья, опубликованная «Московскими ведомостями» 11 октября, принадлежала Михаилу Лонгинову, известному библиографу и литератору [18]. Он, в отличие от Маслова, не был современником событий. Родившись и прожив значительную часть жизни в Петербурге, не был он и коренным москвичом. В Москве он оказался по службе, будучи прикомандированным к канцелярии московского военного генерал-губернатора. Примерно в это же время он порывает с некрасовским «Современником», где публиковался до этого, и начинает сотрудничать в изданиях Каткова.

Статья Лонгинова представляет собой совсем другой памятник публицистики, нежели статья Маслова. Она не описывает события, она занимается созданием идеологических концепций. Символично уже ее название. «11 октября, – пишет автор, – исполняется полвека с той минуты, когда, по очищении столицы неприятелем, опять вступили в нее первые русские войска [...] В первый раз овладение столицей не было для Наполеона покорением государства. В первый раз потерпел он такое поражение, какого не могли предвидеть никакие расчеты человеческие.

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

Последний солдат великой армии, вышедший из Калужской заставы, и первый козак, въехавший на Троицкую, обозначили минуту, начинавшую для Наполеона последний период его жизни. Час его пробил, и затем все усилия его гения, все чудеса, им еще совершенные назло всем препятствиям, бледнеют перед четырьмя словами, олицетворяющими дальнейшую его судьбу: Фонтенбло, Эльба, Ватерлоо, Святая Елена» [19, с.2].

Делая далее широкие идеологические обобщения, Лонгинов неизбежно актуализует традиционную ассоциацию: «Две славные эпохи оказались незабвенными в нашей истории: это 1612 и 1812 годы, в которые Россия избавилась от иноземного ига». Нечувствительное для читателя пятидесятилетие с момента оставления французами Москвы становится поводом порассуждать о российской государственности: «Между этими двумя моментами легла государственная и социальная реформа Петра, которая во многих отношениях так отделила у нас высшие классы от низших, что целая историческая школа провозгласила, будто между первыми и последними не осталось почти ничего общего и будто для гармонического развития России необходимо высшим классам изменить весь свой строй, так как одни низшие сохранили в целости начала народной жизни, исчезнувшие у первых. Нам кажется, что 1812 год доказывает не только односторонность такого воззрения, но и превосходство в решительную минуту оснований нового устройства перед прежним, несмотря на <...> злоупотребления, возникшие при его развитии» [19, с.3]. При этом победить Наполеона могло только общество, трансформированное реформами Петра I и Екатерины II. Войско должно было встать «в уровень Европы в

Лонгинов Михаил Николаевич
(Литография Т.Майера, 1850)

этом отношении», и «первобытного единения с массами, которое существовало у нас до XVIII века», было для этой победы недостаточно.

«Напрасно же говорят о бездне, разделяющей будто бы во всех отношениях высшие классы от низших с XVIII века, – продолжает Лонгинов, – в 1812 ее не было. Тут была не бездна, а рациональное по всему времени построение общественной иерархии. Напрасно также величать через меру старинную доблесть в ущерб позднему времени. Слава 1612 года бессмертна, но не затмит славы 1812 года, когда задача была не менее сложна, а враги наши многочисленнее и опаснее. Победить их было бы невозможно, если бы земство не выработало из себя государства, которое по крайней мере в 1812 году, явилось с ним нераздельным и приводило в единство и действие стремления и помыслы всех и каждого» [19, с.6–7].

Нет сомнения, что данные рассуждения были вызваны другой юбилейной датой, отмеченной Россией в начале сентября, – тысячелетием России. Здесь формировалась концепция власти, и именно поэтому это торжество для Александра II было гораздо важнее забытого им юбилея Бородинской битвы. Для императора было необходимо построение в восприятии подданных концепции «народной монархии», исконного единения государя и народа [22]; модель ее была позаимствована во Франции и обрамлена в национальную оправу [50, с.44–45]. Воспоминания о 1812 г. были неуместны еще и потому, что концепцию «народной монархии» Александр II позаимствовал у Наполеона III и внимание с его стороны к юбилею Отечественной войны как бы дискредитировало саму концепцию.

Статья содержала в то же время ответ славянофилам, резко противопоставляющим государство Петра I, «внешнюю историю», и «земство», внутреннюю историю народа, на которую вся послепетровская Россия смотрела, как Санкт-Петербург на Москву – с презрением, походящим, выражаясь словами И.С.Аксакова, на «презрение цивилизованного дворового или лакея к простому крестьянину» [1, с.2]. Несмотря на то, что формально «народ» и присутствовал во всех официальных отчетах о праздничных мероприятиях [22], само празднование тысячелетия Аксаков раскритиковал, заявив, что на нем не нашлось места народной массе, непричастной к «внешней истории» государства, и что значение «официальной программы официального торжества» «едва ли доступно пониманию простонародной России» [2, с.3].

«День, решивший многолетнюю борьбу с Наполеоном»: государственная идеология в годовщину взятия Парижа

Но вернемся к юбилейным датам. Итак, за тысячелетием России пятидесятилетие Бородинской прошло почти незаметно. Другая ситуация сложилась с юбилеем победы над

Наполеоном, полвека которому исполнялось в 1864 г.

Две юбилейных даты – 1862 г. и 1864 г. – разделяло важнейшее событие всего царствования Александра II, событие более чем значимое в свете идеологических построений, связанных с годовщинами Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, а именно Польское восстание.

Во властных кругах Франции, по традиции поддерживающей Польшу и принимавшей польских эмигрантов еще с 1830-х гг., практически сразу возникла «польская партия», добивающаяся немедленной помощи восставшим, дипломатической и даже военной.

Император Наполеон III, не предвидя поначалу большого размаха польского восстания и ограничиваясь осторожными предостережениями в адрес российского императора, оказался в двойственном положении. С одной стороны, он хотел сохранить добрые отношения с Россией, с другой же, – находился под давлением полонофильского общественного мнения, приобретающего особое значение на фоне предстоящих выборов в Законодательный корпус.

В итоге он все же не смог удержаться от враждебных по отношению к России действий, решив разыграть-таки, находящуюся в его прикупе польскую карту. Поводом для этого стала русско-прусская конвенция, заключенная в связи с польским восстанием (8 февраля 1863 г.). Совместно с Англией и Австрией Франция приняла самое активное участие в состоявшемся в два этапа (в апреле и июне) так называемом дипломатическом походе на Россию, требующем для Польши широкой автономии. Сам же Наполеон III (и в этом он расходился в Англией) сделал независимость Польши своей, по выражению Горчакова, «доминирующей мыслью», выступив таким образом идеологическим продолжателем дела своего дяди, Наполеона I, и требуя международной конференции по польскому вопросу. Это было то, чего ждало французское общественное мнение. При этом польская независимость должна была состояться без какого-либо одобрения со стороны русского царя. Он создал новую внешнеполитическую концепцию, согласно ей, французской союзницей в Европе вместо России должна была стать Австрия, та самая Австрия, в

недавней победоносной войне с которой Россия оказала Наполеону III существенную поддержку [51, с.264–295].

Укажу в скобках, что это новое Польское восстание было удачно вписано в старую идеологическую цепочку и тут же вызвало в печати коннотации с военными кампаниями 1612 г. и 1812 г., а также со своим непосредственным предшественником – польским восстанием 1831 г. Конечно, новые условия требовали новых трактовок, но базовые, превратившиеся в привычный инструмент, идеологические понятия оставались в основе построений [см. об этом: 23].

Позиция и действия Наполеона III во время Польского восстания резко перевернули отношение к Франции в России. Причем даже не с точки зрения внешней политики Петербургского кабинета. Охлаждение, как уже было отмечено, началось раньше, когда в 1862 г. слишком «профранцузский» Киселев был сменен гораздо более сдержанным К.Будбергом. Деятельность польских эмигрантов, посылавших своих эмиссаров в Царство Польское с практически нескрываемой целью подготовки революционного выступления, тоже стала темой дипломатических депеш задолго до восстания.

Переворот произошел в сознании Александра II, и это отразилось на его отношении к важности русско-французского сближения, а, следовательно, к празднованию на государственном уровне победы над французами. То состояние, в котором находилось Российское государство и лично император, было бы правильно описать одним словом – обида.

В этих условиях Александр II решил провести парад в Петербурге по случаю вступления русских войск в Париж в 1814 г. Назначенный на 19 (31) марта (день, следующий после юбилея взятия Парижа), парад этот был наполнен символическими коннотациями. Перед Зимним дворцом запланировано было возведение временной Триумфальной арки, под которой должна была промаршировать гвардия и некоторые армейские соединения [51, с.293–294]. В Петербурге ходили слухи, что праздник «сделан в соответствии с празднованием взятия Севастополя в Париже, из чего выходят не слишком благоприятные признаки отношений наших с Францией» [35, с.422].

Командовать парадом был назначен граф П.П.Пален, восьмидесяти-семилетний седовласый ветеран, в 1814 г. возглавлявший авангард союзных войск, вступивших во французскую столицу. Александр II вознамерился даже дать ему титул князя Парижского по аналогии с тем, как Наполеон III планировал даровать титул герцога Севастопольского маршалу Ж.-Ж.Пелисье, в результате, впрочем, «суженный» до герцога

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

Малаховского. Отказался от своего намерения и Александр, как и от триумфальной арки (по крайней мере, упоминание о ней в сохранившихся описаниях парада отсутствует). На торжество были приглашены оставшиеся в живых ветераны той кампании.

Вступление русских войск в Париж в 1814 году
(худ А.И.Шарлемань, 1877, Музей-панорама Бородинская битва, Москва)

О том, что решение о параде принималось спонтанно, без какой-либо предварительной подготовки, и было во многом неожиданным, свидетельствуют, между прочим, записи в дневнике министра внутренних дел П.А.Валуева. 16 марта он записал: «Утром в государственном совете. Решено, что 19 марта будет парад в воспоминание взятия Парижа. Вице-канцлер, военный министр и князь Долгоруков просили Государя, когда о том была речь дней 8 тому назад, не назначать парада, потому что именно в этот день подобная демонстрация оскорбительна для Франции. Государь, по-видимому, согласился с ними и назначил вместо парада обед. Теперь обед будет 18, а парад 19-го. Говорят, что гвардейские офицеры и вел. кн. Николай Николаевич это выпросили. Государь не сказал до сих пор ни слова ни Горчакову, ни военному министру, а отдал приказание министру двора и вел. князю. *Ce sera la parade du "bon ami"*²» [6, с.274].

² *Это будет парад «хорошего друга» (фр.).*

Это ироническое «*bon ami*», кроме прочего, отсылало ко времени острого дипломатического кризиса перед Крымской войной. «*Mon ami*» [мой друг] вместо принятого между монархами Европы «*mon frère*» [мой брат] Наполеона III называл в письмах Николай I [23, с.196]. Таким образом, Валуев подчеркивал ту степень деградации, в которой находились русско-французские отношения.

По свидетельству Валуева, кроме него самого, Горчакова поддерживал также военный министр Д.А.Милютин и начальник III отделения Собственной его императорского величества канцелярии князь В.А.Долгоруков. Противоположную партию возглавлял великий князь Николай Николаевич.

Парад явно имел вид неофициального демарша. Причем французский поверенный в Петербурге, исполняющий обязанности находящегося в отпуске посла, сообщив в Париж о готовящемся мероприятии, получил запрет участвовать в нем [51, с.293] и немедленно покинул на это время российскую столицу, отбыв, как говорили, в Москву [35, с.422].

Горчаков заранее продумывал ответ на французские претензии. 17 марта Валуев записал в дневнике: «Кн. Горчаков, с которым я вышел из Комитета, старается теперь легко отзываться о параде. “*J’ai déjà dans ma tête un article tout fait et de bon goût, pour le cas où il faudra faire parler* [В моей голове статья уже готова, и хорошая статья, на случай, если надо будет предоставить слово] *le ‘Journal de S’Petersbourg’*, сказал он мне, но прибавил: “*il faut avouer qu’en fait de politique nous ne sommes pas des artistes. Nous ne sommes pas des peintres, mais des* [Надо признать, что в вопросах политики мы не мастера. Мы не художники, а] *суздальские икономазы”*» [6, с.275].

Часть высших сановников, действительно, была против подобной демонстрации и не скрывала этого. Именно Горчаков отговаривал императора от слишком явных аллюзий на Парижский парад 1855 г. [51, с.294]. Но парад состоялся и достиг той цели, которая, как кажется, была поставлена. Кроме того, три императора государств-членов антинаполеоновской коалиции обменялись по случаю юбилея приветственными письмами. «Воспоминания эти и торжественные манифестации по поводу знаменательного юбилея, конечно, отозвались неприятно во Франции. Печать французская, и без того уже крайне враждебная России, откликнулась с горечью на обмен юбилейными приветствиями меж-

ду Петербургом, Берлином и Веной», – записал в своих воспоминаниях военный министр Милютин [31, с.411].

Впрочем, «горечь» вызвал и сам парад. Газета «Journal des débats», предварительно опубликовав как цитату из статьи «Русского инвалида» о взятии Парижа вольный пересказ ее фрагмента [52, с.1], с нескрываемой обидой писала: «Общественное мнение оценит эту статью, в которой также увидим, что русская газета, кажется, считает за благо пробудить страсти, которые должно было погасить время. Конечно, мы не оспариваем у России право, в котором мы не собираемся отказывать себе самим, право увековечивать праздниками или монументами память о победах и о событиях, которые вписаны в анналы современности. Но мы не можем воспрепятствовать себе заметить, что смотр 31 марта приобретает в обстоятельствах, когда Россия определяет в отношении к Франции особый характер, значение, которое не ускользнет, конечно же, ни от кого. Итак, не было ли достаточно России триумфа, который она одержала одним ударом по несчастной Польше и по европейской дипломатии? Была ли необходимость выставлять напоказ свою дипломатическую победу этим военным парадом и этой пышной демонстрацией, в которых все было рассчитано, чтобы воскресить раздражающие воспоминания и чтобы возбудить справедливое чувство национальной обидчивости во Франции? Как объяснить иначе это особое распоряжение войскам нести на этом параде их знамена 1815 г. вместо новых знамен? Как не приписать этой военной манифестации политического характера, если правда, как мы вправе считать, что великий праздник и великая годовщина этого рода были отменены два года назад указом, который подтверждал только годовщину Полтавской битвы? Мы можем только оплакивать, как досадный анахронизм в современных обстоятельствах, и чувства, которые внушил парад 31 марта, и чувства, которые выразила полуофициальная газета в этой странной статье, которую она, кажется, захотела сделать манифестом»³ [53, с.1].

Статья, которая так обидела французскую газету, принадлежала Модесту Богдановичу. В ней говорилось: «Завтра минет полстолетия с того дня, когда император Александр I, в челе русской гвардии, вступил в Париж. То был день, решивший многолетнюю борьбу его с Наполеоном. В настоящее время, там, где с торжеством проходили наши воины, встречаются на каждом шагу грандиозные памятники и другие сооружения,

³ Оригинал по-французски.

напоминающие войнолюбивым французам места побед их: Аустерлиц, Йену, Альму, Сольферино. Даже Севастополь, ярко отмеченный в летописях войн кровью его защитников, украсил своим роковым именем один из бульваров Парижа. В наших столицах нет таких памятников, и только лишь вражьи знамена, украшающие наши святыни, свидетельствуют о мужестве русских воинов. Так сохраним же в душах память доблести предков, как обычно сохраняют память всего доброго славному русскому народу – благодарностью» [4, с.3].

В следующем номере «Русский инвалид» поместил известие о том, как праздновалось взятие Парижа в 1814 г. в обеих столицах [42]. Газеты опубликовали также описание торжественного обеда и парада [9; 36; 37; 38; 39; 40].

«...славе России основание положено в Бородинской битве!»: память о Бородине в публицистике 1864–1869 гг.

На самом деле «Journal de débats» верно уловила саму направленность парада. Это не было мероприятие, направленное на сплочение нации, это была политика, направленная «вовне». И парад был рассчитан скорее на иностранных дипломатов, чем на собственных подданных. Не ускользнула эта досадная для нее особенность и от патриотически настроенной общественности. Так, редактор «Московских ведомостей» Катков настаивал, вспоминая слова известной песни, что по случаю того, что «Росс в Париже», ликовать должна именно Москва и что память о взятии Парижа должна быть особенно дорога именно русским, которые «первые восстали на врага просвещенного мира» и «были во главе низложивших его» [34]. Таким образом, Катков пытался повернуть торжество «вовнутрь».

О самом параде «Московские ведомости» опубликовали короткую, всего в несколько строк, заметку, как бы подчеркивая, что для русского патриота это событие особого значения не имеет [38]. Зато «Современная летопись», с 1863 г. ставшая приложением к «Московским ведомостям», публикует большую, на несколько полос заметку историка и москвоведа С.М.Любецкого о праздновании взятия Парижа в Москве в 1814 г. [20].

Традиционное противопоставление Петербурга и Москвы, трактуемое славянофилами как антитеза государства и народа (земства), для Каткова – противопоставление дипломатических игр русского кабинета

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

на европейской арене и внимания власти к политике внутренней, к проблемам и чаяниям подданных. Именно поэтому исключительно важными во всех наполеоновских годовщинах оказываются для Каткова годовщины Бородинской битвы. Они гораздо важнее для него «экспортного» юбилея взятия Парижа. В 1864 г. в одном из октябрьских номеров «Современной летописи» за подписью «Современник 1812 г.» публикуется заметка Маслова [27] под названием «Воспоминание о Бородинской битве в 1864 г.» (вышла также отдельным изданием: [28]). Содержание ее понятно из названия: автор рассказывает о том, как отмечалось это событие на Бородинском поле в 1864 г.

Чтобы придать большую значимость Бородину в противовес событиям 1814 г., необходимо было представить его не только как день памяти павших, но и как выдающееся военное сражение, увековечившее славу русского оружия, даже более – как великую военную победу. Таким образом, Катков и московские публицисты начинают битву за историческую память.

Вид Бородинского поля. Раскрашенная литография (худ. Л.Ж.Жакотте, 1830-е гг., Мемориальная музей-квартира А.С.Пушкина. Санкт-Петербург. Справа – памятник на батарее Раевского)

Статья Маслова делает в этом направлении лишь неуверенные шаги, повторяя уже ставшую традиционной формулу о том, что Бородинская битва положила начало разгрому наполеоновских полчищ: «После этой битвы Наполеон I должен был оставаться шесть недель в сожженной Москве, чтобы дать отдых своей армии. Два сражения затем: при Тарутине и Малоярославце – показали его бессилие, и он бедственно должен был бежать из России. От Бородинской битвы начался решительный поворот к судьбе его, окончившейся изгнанием из возвеличенной им Франции» [28, с.2].

И сооружение памятника в Москве в честь Бородина, чтобы «патриотическая память о великой Бородинской битве живо хранилась в Москве и переходила из рода в род до позднейшего потомства» [28, с.3], о котором рассуждает Маслов далее, также не решает в полной мере задачу утверждения Бородинской победы.

В заметке 1865 г. под аналогичным названием, также опубликованной «Современной летописью», а затем отдельно [29, 30], возвращаясь к вопросу установки московского памятника Бородину, Маслов ставит проблему более определенно с привлечением широких исторических аналогий, призванных помочь ему подчеркнуть значение Бородинской битвы: «О Бородинской битве, виновнице и патриотического сожжения Москвы, и шестинедельного в ней истощения неприятельских сил, и изгнания их из ея развалин, и, наконец, виновнице всех последующих великих событий до торжественного молебна в Париже <...> об этой битве нет воспоминания, – тогда как всемирной славе России, победительницы непобедимого, основание положено в Бородинской битве! В исторической жизни России, с этою битвой могут равняться только Мамаево побоище при Дмитрие Донском и Полтавская битва при Петре Великом. В этих трех битвах решалась участь: быть или не быть России самостоятельной и великою? Одолей Мамай Дмитрия, проиграй Петр сражение под Полтавой, одержи Наполеон победу под Бородином, как при Аустерлице, что было бы с Россией? О Мамаеве побоище и теперь хранится предание в народе, о Полтавской битве, 27 июня, совершается воспоминание во всех церквях России, о Бородинской же битве нет ни всенародного воспоминания в церквях, и нет ей памятника в Москве, при котором бы это воспоминание совершалось с молитвой» [29, с.2–3].

Сама идея воздвижения памятника становится в этом тексте более зримой и понятной, вписанной в идеологическую канву. Для пущей

убедительности, к публикации были приложены письма участников войны, поддержавших эту идею.

Так же как и Маслов, нашедший определенную нишу в увековечивании исторической памяти, историк и москвовед Любецкий продолжил свои публикации год спустя. Если в 1864 г. он публиковал воспоминания о праздновании в Москве взятия Парижа в 1814 г., то теперь он обратился к юбилею Венского конгресса, опубликовав интересную заметку [21].

Еще более веским аргументом в отношении увековечивания Бородинского сражения как великой победы стала вышедшая еще через два года в типографии «Катков и К^о» довольно объемная монография «Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня?»⁴ [17]. Как следует из названия, автор ее, И.П.Липранди, начал писать свой труд по случаю полувекового юбилея Бородина, но закончить и выпустить смог лишь несколько лет спустя. В отличие от заметок Маслова это уже полноценный исторический труд, основанный на множестве источников.

Собственно, автор и видит свою главную задачу в том, чтобы оставить в памяти потомков день Бородина не только как день великой битвы, но и как военную победу, знаменательную дату российской истории, не менее важную, чем взятие Парижа, и «поднять перчатку», брошенную европейскими историками. «Вам, быстро исчезающие соратники, – писал Липранди, – спешу посвятить эту книгу. Она напомнит вам то, что могло изгладиться из вашей памяти, но ни у кого из нас не изгладилось убеждение, что эта битва, названная самим Наполеоном “битвою гигантов”, не была нами проиграна» [17, с. IX–X].

Для Липранди Бородино всегда было военной победой, и он как будто выражает свое удивление по поводу того, что у европейских историков это выглядит иначе: «Все <...> факты уполномочивали нас не признавать себя под Бородином побежденными, а, напротив <...> мы приписывали, и по справедливости, честь этого дня за собою. Но каково же было наше удивление, когда в этом убеждении, после побед в Германии и Франции, мы в 1814 г. взяли Париж, и здесь должно было вдруг разоча-

⁴ Отмечу в скобках, что И.П.Липранди оказался одним из главных летописцев Отечественной войны 1812 года, начавший публиковать свою «летопись» еще в конце 1850-х гг. [см.: 16].

роваться и в первый раз узнать, что при Бородине мы были побеждены!» [17, с. XX–XXI].

«Прошло полвека, – сетует Липранди, – а у нас никто еще достойным образом не поднял перчатки, бросаемой нам иноземцами. Вскоре остальные участники в этой войне исчезнут и хвастливые фразы неприятелей наших усвоят в Истории всю силу» [17, с. XXVII].

Кропотливо анализируя тексты французских и немецких историков, автор приходит к важному выводу, достигая, таким образом, поставленной цели: «Из всего, что французские и немецкие повествования, очищенные от фраз самохвальства, говорят о Бородинской битве, явствует, что победа в военном смысле слова ни в каком случае не принадлежит им: она должна оставаться <...> на нашей стороне» [17, с. 190–191].

В итоге, историческая «Битва за Бородино» была, конечно, выиграна. Но выиграна не благодаря Липранди, хотя, конечно, он вложил в эту победу свою определенную и едва ли не первую лепту. Выиграл ее Л.Н.Толстой в своем романе «Война и мир», оставив за Бородином славу едва ли не главного сражения Отечественной 1812 г. и заодно и Заграничных походов.

Роман Толстого выходил отдельным изданием в 6-ти томах на протяжении двух лет (с декабря 1867 до декабря 1869 гг.).

Самое бурное обсуждение вызвал 4-й том, как раз содержащий описание Бородинской битвы и связанных с ней событий. В дискуссию вступили в том числе и профессиональные историки, а также свидетели событий, которые стали рассматривать роман на предмет соответствия его описаний реальным историческим событиям. Именно с точки зрения исторических описаний разбирает роман Толстого военный историк А.Н.Витмер. А.С.Норов, споря с писателем, заявлял, что сам был свидетелем событий и помнит о них. Но самой резкой была известная рецензия князя П.А.Вяземского, который заявлял, что книга Толстого «есть протест против 1812 года, есть апелляция на мнение, установившееся о нем в народной памяти по изустным преданиям и на авторитете русских историков этой эпохи» [45, с. 14–17].

Однако, несмотря на антагонизм, эти споры лишь закрепили в исторической памяти Бородинскую битву как важнейшую историческую дату, юбилеи которой могут и должны отмечаться.

Сам Вяземский опубликовал вместе со своей рецензией на «Войну и мир» стихотворение «Поминки по Бородинской битве» [7]. Название

отражает содержание: это, действительно, своеобразные поминки. Вяземский пишет о том, что великих генералов Бородине уже нет в живых. Редели ряды и участников битвы, так сказать, более низкого ранга. Об этом же пишет и Липранди: «Немногие из нас достигли до пятидесятилетнего юбилея великому побоищу Бородинскому, он был для нас, конечно, последний, и вряд ли кто из нас доживет до освящения храма Спасителя» [17, с.IX].

Укажем в скобках, что именно Липранди был одним из тех, кто заступился за «Войну и мир» в своей рецензии [32], почувствовав, видимо, общность роли своей книги и романа Толстого в увековечивании памяти о Бородине.

Оканчивается стихотворение Вяземского фразой, которая стала крылатой: «Славься век, Бородино!»

«Вступили в неприятельскую столицу»: вместо заключения

1869 г., когда были написаны строки Вяземского, был юбилейным: исполнилось сто лет со дня рождения главного действующего лица всей наполеоновской эпохи – собственно императора Наполеона I. И эта годовщина, много превышающая среднестатистическую человеческую жизнь, придавала еще большую историчность всей наполеоновской эпохе.

Юбилей отмечался во Франции. Российская пресса откликнулась на него неожиданно живо сообщениями из французских газет о том, как императрица Евгения и «императорский принц» Наполеон Эжен собираются посетить Венецию и Корсику в начале сентября, а сам юбилей 15 августа провести в Париже, о том, что в Парижском парламенте обсуждается широкая амнистия. Кроме этого, была опубликована заметка о дате рождения Наполеона I, который, по сообщению одного из историков, якобы родился на полтора года раньше отмечаемого юбилея [10].

И, наконец, очень символичным оказалось то, что падение империи Наполеона III и взятие Парижа прусскими войсками состоялось в год пятидесятилетия смерти Наполеона I на острове Св. Елены. При этом промежуток между датами (28 января – день взятия Парижа прусским королем Вильгельмом I; 5 марта – день смерти низвергнутого императора на далеком острове) составил всего лишь чуть больше месяца.

В день падения Парижа Вильгельм I, провозглашенный за десять дней до этого императором, назначая императора Александра II шефом 1-го гвардейского Гренадерского полка императора Александра I, писал ему, что сделал это в «память того времени, когда наши армии, связанные между собою тесным братством, вступили в неприятельскую столицу под предводительством почивших в Бозе его величества императора Александра I и моего отца». Император Александр II ответил аналогичными церемониальными действиями, назначив императора и принцев шефами российских гвардейских полков [48, с.73].

Эта фраза была как бы символическим окончанием наполеоновской эпохи в Европе, совпавшим с глубоким кризисом Венской системы. Можно спорить о том, когда она прекратила свое существование, однако на нее в любом случае сильнейшим образом повлияло радикальное изменение границ сначала в результате франко-итало-австрийской войны и объединения Италии, а затем франко-прусской войны и образования Германской империи. Границы эти были изменены вовсе не в результате выступления «европейского концерта» великих держав, а в результате индивидуальных действий отдельных стран в своих национальных интересах.

Что касается Бородинских юбилеев, необходимость их празднования закрепились в исторической памяти и столетие Бородинской битвы праздновалось широко и пафосно в 1912 г., а двухсотлетие – уже нашими современниками в 2012 г.

Библиографический список

1. Аксаков И.С. [Передовая статья. Москва, 26 сентября] // День. 1862. 29 сент. №39. С.1–2.
2. Аксаков И.С. По поводу празднования тысячелетия России // Сочинения И.С.Аксакова: [в 7 т.] М.: Тип. М.Г.Волчанинова, 1887. Т.5: Государственный и земский вопрос: Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». С.3–9.
3. Батеньков Г.С. Письмо Я.Д.Казимирскому. 18 августа 1855 г. Томск // Батеньков Г.С. Документы и письма: [в 2 т.] Т.1. Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1989. 525 с.
4. Богданович М.И. Годовщина 19 марта 1814 г. // Русский инвалид. 1864. 18 марта. №62. С.3–4.

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

5. Болдина Е.Г. Из истории Бородинских торжеств 1839. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: мат. науч. конф. 1995–1996. Бородино: [б.и.], 1997. С.190–197.
6. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т.1: 1861–1864. 423 с.
7. Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве и воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. Кн.1. Стб. 175–216 (также отд. изд.: М.: Тип. Грачева, 1869. 60 с.)
8. Горбунов А.В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Международной научной конференции, 5–7 сентября 2011 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2012. С.153–161.
9. Городские известия // Русский инвалид. 1864. 19 марта. №63. С.4.
10. День рождения Наполеона I // Московские ведомости. 1869. №178. 14 августа. С.3.
11. «Европа пережила беспокойные времена»: Переписка императоров Александра II и Наполеона III / подгот. публ. и пер. Л.А.Пуховой // Исторический архив. 2007. №6. С.155–180.
12. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) М.: Международные отношения, 1999. 384 с.
13. Липранди И.П. Бородинское сражение. Заключение из Записок И.П.Липранди с некоторыми примечаниями на Историю Отечественной войны 1812 г. соч. г. м. Богдановича // Русский инвалид. 1861. №32. 9 февраля. С.127–129; №33. 10 февраля. С.131–133; №34. 11 февраля. С.135–139.
14. Липранди И.П. Бородинское сражение: Заключение из записок И.П.Липранди с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочинение г. м. Богдановича, напечатанное в Русском инвалиде №32, 33 и 34 1861 г. СПб.: Тип. Э.Праца, 1861. 72 с.
15. Липранди И.П. Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», соч. г.-м. Богдановича. Санкт-Петербург, 1859–1860, в 8, 3 тома / Сост. И.П.Липранди, исправлявшим в 1812 г. должность оберквартирмейстера 6-го Корп. ген. от инфантерии Дохтурова. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1869. [2], VIII, 198, 79 с.
16. Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года: собр. статей. СПб.: Тип. Э.Аргольца, 1867. VI, [2], 212 с.
17. Липранди И.П. Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? М.: Универс. тип. (Катков и К^о), 1867. [8], LIV, 314 с.
18. Лонгинов М.Н. Одиннадцатое октября: [50-летний юбилей освобождения Москвы от войск Наполеона] // Московские ведомости. 1862. 11 окт. №221. С.1764–1765.
19. Лонгинов М.Н. Одиннадцатое октября: [50-летний юбилей освобождения Москвы от войск Наполеона]. М.: Унив. тип., 1862. 7 с.
20. Любецкий С.М. Празднества и увеселения в Москве по случаю взятия Парижа союзными войсками в 1814 году марта 19 // Современная летопись. 1864. Апрель. №15. С.3–9.

21. Любецкий С.М. Пятьдесят лет назад // Современная летопись. №37. Октябрь. С.3–5.
22. Майорова О. Бессмертный Рюрик. Празднование тысячелетия России в 1862 г. // Новое литературное обозрение. 2000. №43 (3). С.137–165.
23. Майорова О. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. №118 (6). С.178–205.
24. Маслов С.А. Путешествие в Москву во время пребывания в одной французской семье. М.: Тип. С.Селивановского, 1813. [2], 39 с.
25. Маслов С.А. Пятидесятилетие Бородинской битвы и Спасобородинский монастырь // Современная летопись. 1862. Сентябрь. №39. С.26–28; Октябрь. №40. С.25–28.
26. Маслов С.А. Пятидесятилетие Бородинской битвы и Спасобородинский монастырь. М.: Тип. Каткова и К^о, 1862. 35 с.
27. [Маслов С.А.] Воспоминание о Бородинской битве в 1864 г. / Современник 1812 г. // Современная летопись. 1864. Октябрь. №34. С.2–3.
28. [Маслов С.А.] Воспоминание Бородинской битвы в 1864 г. и о Бородинском памятнике в Москве. М.: Унив. тип., 1864. 8 с.
29. [Маслов С.А.] Воспоминание Бородинской битвы в 1865 г. / [Современник 12 года, С.М.]. // Современная летопись. 1865. №37. Октябрь. С.1–3.
30. [Маслов С.А.] Воспоминание в 1865 г. Бородинской битвы и о Бородинском памятнике в Москве. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1865. 15 с.
31. Милютин Д.А. Воспоминания 1863–1864. М.: РОСПЭН, 2003. 688 с.
32. Михайлов А.А. Военные критики о романе Л.Н.Толстого «Война и мир» и их влияние на историографию отечественной войны 1812 г. // Война 1812 года: события, судьбы, память: материалы международной научно-практической конференции (Витебск, 17–18 мая 2012 г.) Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2012. С.192–196.
33. Митаревский Н.Е. Воспоминания о Бородинском сражении // Русский инвалид. 1861. №119. 1 июня. С.485–487; №120. 3 июня. С.489–490.
34. Москва, 18 марта // Московские ведомости. 1864. 19 марта. №63. С.1.
35. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. Т.2: 1858–1865. 652 с.
36. [Об обеде 18 марта] // Санкт-петербургские ведомости. 1864. 20 марта. №64. С.254.
37. Парад 19 марта // Санкт-петербургские ведомости. 21 марта. №65. С.259.
38. [Парад 19 марта] // Московские ведомости. 1864. 21 марта. №65. С.2.
39. Парад 19 марта // Русский инвалид. 1864. 20 марта. С.4.
40. Парад 19 марта // Северная почта. 1864. №66. 21 марта. С.264.
41. Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов. Идеологема «народная война» // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С.159–194.
42. Празднование в России взятия Парижа в 1814 году // Русский инвалид. 1864. 19 марта. №63. С.3–4.
43. Пятидесятилетний юбилей Бородинской битвы // Санкт-петербургские ведомости. 1862. №206. 22 сент., суббота. С.881.

«НЕЮБИЛЕЙНЫЕ» ЮБИЛЕИ

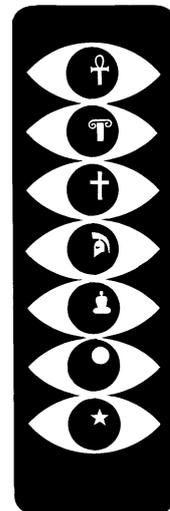
44. Семенищева Е.В. Бородинское имение российских императоров // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии: сб. материалов науч.-практ. конф. (18–19 мая 2018 г.) / ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей». Симферополь: ООО «Антиква», 2018. С.116–131.
45. Сухих И. Война и мир вокруг «Войны и мира» // Роман Л.Н.Толстого «Война и мир» в русской критике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С.5–25.
46. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.
47. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1903. Т.1. XVIII, 538 с.
48. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1903. Т.2. XX, 734 с.
49. Тютчев Ф.И. Из писем Ф.И.Тютчева во время Крымской войны. 1855 // Русский архив. 1899. Кн.3. С.505–520.
50. Уортман Р. Сценарии власти: в 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т.2: от Александра II до отречения Николая II. 797 с.
51. Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2015. 450 с.
52. Journal de débats politiques et littéraires. 1864. 2 avril. Samedi.
53. Journal de débats politiques et littéraires. 1864. 8 avril. Vendredi.

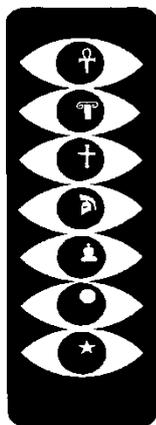
Человек лучше всего следит за собой
тогда, когда другие следят за ним
тоже.

Джордж Сэвил Галифакс

В одиночку начать историю невозможно:
даже самый великий и могучий герой
способен внести лишь крохотный вклад
в историю, которая изменяет мир.

Дж.Р.Толкиен

Олеся Плех

**«...ЧТОБЫ ИМЕТЬ
ПОСТОЯННОЕ СВЕДЕНИЕ
О ПОЛОЖЕНИИ ВСЕХ
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ
МИНИСТЕРСТВУ МЕСТ
В ГУБЕРНИЯХ...»**

**ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ
МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ НИКОЛАЕ I**

УДК
94(47).07

Статья посвящена ведомственному контролю в системе местного управления, получившему развитие во второй четверти XIX в. Анализ специфики осуществления проверок по линии четырех министерств (внутренних дел, государственных имуществ, финансов и юстиции) позволил выделить общие особенности и характер ведомственной ревизионной практики при Николае I. Министерские ревизии являлись формой чрезвычайного контроля, но, в отличие от сенаторских ревизий, назначались не только в случаях, когда до столицы доходили сведения о нарушениях порядка управления на местах, но и с целью сбора достоверной информации о состоянии подведомственных учреждений. Эти мероприятия позволяли оперативно реагировать на сбои в системе местного управления и принимать меры «для возможных улучшений», что находило выражение не только в усилении отчетности и привлечении к ответственности виновных лиц, но и в корректировке реформ и в реорганизации деятельности учреждений.

The article is devoted to the institutional control of the local government, which was improved in the XIX century. The analysis of revision procedures in four ministries (of inner affairs, state property, finance and justice) allowed to highlight common features and characteristics of the revision practices under Nicholas I. Ministry revisions were one of the form of extraordinary control, but they, instead of senatorial revisions, were used not only when central government in the capital received information about disorders in a work of local institutions, but also in order to collect reliable data on state of subordinate institutions. Such measures allowed to swiftly react on malfunctions in a work of local government and take measures "for possible improvements", which was manifested not only in strengthening reporting practices and prosecutions, but also in adjustments of reforms and reorganization of institution work.

Ключевые слова: министерство; ведомство; ведомственный контроль; ревизия; местное управление; губернская администрация; местные учреждения.

Key words: ministry; department; departmental control; inspection; local government; provincial administration; local institutions.

E-mail: plekh@mail.ru

В первой половине XIX в. контроль за местной администрацией со стороны центральных учреждений представлял собой одну из наиболее сложных задач. Современным исследователям хорошо известен институт сенаторского инспектирования [11, с.246–296; 20; 22; 32; 34; и др.], получивший распространение в первой четверти XIX в. и служивший для Комитета министров и министерств одним из главных инструментов контроля (всего в XIX в. было осуществлено 108 сенаторских ревизий, из которых 51 пришлась на 1801–1825 гг. [21, с.503–508]). Однако во второй четверти XIX в. активно развивался другой вариант ревизионной проверки, о котором довольно редко упоминается в литературе [9]. Речь идет о ведомственных ревизиях местных учреждений. Как и сенаторские инспекции, они также являлись формой чрезвычайного контроля и проводились путем личного обозрения специально уполномоченными от «высшего начальства» чиновниками. В первой четверти XIX в. практика таких проверок являлась скорее дополнением к институту сенаторского инспектирования, но при Николае I, когда влияние министров в системе государственного управления значительно возросло, окрепли и устоялись внутриведомственные связи, ситуация изменилась: сенаторские ревизии все больше уступали место министерскому контролю (всего в 1826–1855 гг. было назначено 37 сенаторских ревизий, из которых 17 – в 1826–1830 гг. [21, с.506–507]).

Определить точное количество всех ведомственных проверок, осуществленных в изучаемый период, не представляется возможным, поскольку такого рода статистику в министерствах не вели, а в имеющихся на сегодняшний день публикациях еще не предпринимались попытки обобщить данные даже по отдельным ведомствам¹. Поэтому судить об интенсивности, особенностях и итогах ревизий мы можем только на основании отрывочных сведений, почерпнутых из литературы, и отдельных документов, опубликованных и неопубликованных, которые, впрочем, немногочисленны и не содержат исчерпывающей информации.

В изучаемый период в высших правительственных кругах неоднократно звучала мысль, что «действительное состояние» подведомственных министерствам «частей» управления не было «известно в настоящем виде» ни императору, ни самим министрам, сведения которых ог-

¹ *Исключение составляет только фундаментальное исследование Н.М.Дружинина по Министерству государственных имуществ, о чем будет сказано далее.*

раничивались «одними письменными донесениями местных начальств» [13, с.674; 31, с.68–70]. Одной из основных задач ведомственных ревизий являлось получение достоверных данных о состоянии дел на местах. При этом проверки могли носить характер частных поручений и назначаться для расследования «под рукою» дошедших до центрального правительства сведений о злоупотреблениях на местах (поводом могли служить прошения и жалобы, «на высочайшее имя приносимые», жандармские донесения, нарушения и несоответствия, обнаруженные в отчетах и других бумагах, поступивших с мест, и т.п.), а могли выступать в роли плановых ревизий или масштабных обследований ряда губерний. Сведения о первом типе ведомственных проверок трудно уловимы, поскольку рассредоточены среди архивных фондов и материалов, что требует их целенаправленного поиска; что же касается крупных обследований, затрагивавших не одну губернию, то информация о них включалась в министерские отчеты, ее можно найти и в дореволюционных публикациях.

**МВД, эпидемия холеры
и первый опыт ревизии
Закревского**

Министерство внутренних дел, которому были подведомственны местные учреждения, игравшие ведущую роль в системе местного управления, в изучаемый период активно обра-

щалось к ревизионной практике. Так, гр. А.А.Закревский, занимавший пост министра с апреля 1828 по февраль 1832 г., уже при вступлении в должность был «предупрежден» самим Николаем I, что министерство пребывает «в большом беспорядке», и, чтобы удостовериться в действительном положении дел, в 1829 г., воспользовавшись отпуском, он лично обревизовал присутственные места в ряде внутренних губерний [19, с.534]. Результатом этой ревизии стала подготовленная на имя императора известная докладная записка, в которой он изложил свой взгляд на недостатки в работе полицейских учреждений и предложил способы их устранения [7, л.1–20 об.; 12, с.360–367].

В 1830 г. по поручению Николая I Закревскому довелось «приводить в исполнение» меры по борьбе с холерой и в ходе поездок по России непосредственно наблюдать за действиями подчиненных учреждений в чрезвычайных условиях [12, с.253–254, 291, 360]. «Пятимесячные труды», нацеленные на искоренение «восточной язвы», обнаружили некомпетентность и недобросовестность многих должностных лиц, что в некоторых случаях, по мнению министра, сопровождалось еще и «интри-

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

гами» недоброжелателей [19, с.538]. Однако попытки высветить эти проблемы и привлечь к ответственности виновных лиц оказались безуспешными. В частности, Закревский отмечал случай с исправлявшим должность саратовского губернатора вице-губернатором Рославцевым, который вопреки предписаниям не принимал должных мер по борьбе с болезнью, но в итоге «за успешное прекращение холеры [получил. – *О.П.*] чин и назначение в саратовские губернаторы», и это несмотря на то, что министр «изъявлял ему свое неудовольствие за слабое и беспечное исполнение возложенной на него должности, о чем доводил и до Высочайшего сведения»! [19, с.536].

Среди воспоминаний современников можно встретить разные мнения о Закревском, и многим он запомнился как генерал-губернатор, который «в 1848 году явился в Москву настоящим типом николаевского генерала, олицетворением всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти» [15, с.78]. Но в период пребывания на министерском посту он все-таки проявил себя как чиновник, заслуживший репутацию «разумного, дельного и обходительного человека» [15, с.78]. И хотя его инициативы и попытки «водворить порядок» в подведомственных учреждениях далеко не всегда находили поддержку верховной власти, но результаты ревизий дали понять, что ситуация на местах отличалась от той благоприятной картины, которую обычно изображали в своих отчетах губернаторы.

Арсений Андреевич
Закревский (1783–1865)

Перовский и попытка вести регулярный ревизионный контроль

Министр внутренних дел Л.А.Перовский, назначенный на должность в сентябре 1841 г. и пребывавший в ней более 10 лет (по август 1852 г.), памятен как «безукоризненный» сановник, не имевший «никогда личных видов при суждении о делах управления» и некогда приобретший «огромную известность в отечестве искоренением некоторых злоупотреблений в обширной сфере вверенного ему управления» [29, с.548–549]. С его именем связаны многие события в истории ведомства, в том числе и попытка введения регулярных общих и частных местных осмотров [29, с.545–547]. В его представлении ревизии имели важное практическое значение: «Для управле-

ния какую-либо частью, необходимо знать ее истинное состояние: без этого все распоряжения основаны будут на одних только предположениях и умозрениях, или же на донесениях от мест и лиц, кои в своем деле не всегда могут быть беспристрастными судьями» [23, с.315]. Кроме того, Перовский считал, что «для предупреждения невыгодных последствий от неопытности лиц, назначаемых начальниками губерний», необходимо «знакомить кандидатов на губернаторские места предварительно их назначения», поручая им обозрение подведомственных министерству местных учреждений [36, с.144].

Инициатива министра получила «высочайшую» поддержку. Император распорядился на постоянной основе проводить «частные осмотры на месте по всем отраслям министерства». В качестве ревизоров разрешалось «посылать директоров департаментов», специально назначенных при министре шесть чиновников особых поручений, а также иных состоявших при министерстве чиновников [13, с.674–675]. В указе от 29 декабря 1841 г. законодательное закрепление получило предложение Перовского относительно кандидатов на должности военных и гражданских губернаторов: «чтобы иметь постоянное сведение о положении всех подведомственных министерству мест в губерниях и вместе с тем устранить затруднения, проистекавшие от неопытности губернаторов, при назначении их в эту должность, поручать кандидатам... обозрения губернских и уездных присутственных мест, назначать их потом состоящими в должности и утверждать тогда, когда окажутся к тому способными...» [13, с.674–675; 36, с.144].

Лев Алексеевич Перовский
(1792–1856)

Последнее нововведение представляется весьма важным не только для характеристики принципов назначения на должности, но и для понимания эволюции кадровой политики, когда все большую роль начинали играть профессиональная пригодность и служебный опыт, отодвигавшие на второй план протекцию, родственные связи, титулы, выслугу лет и проч. Для самих кандидатов участие в министерских проверках становилось своего рода экзаменом, что позволяло рассчитывать на более взвешенную и беспристрастную оценку ситуации на местах, поскольку умение выявлять беспорядки в работе учреждений и злоупотребления местных чиновников

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

представлялось как неперемное доказательство способности к исправлению должности начальника губернии.

Согласно всеподданнейшим отчетам министра внутренних дел, в течение восьми лет (с 1842 по 1850 г.) «общие обозрения» подведомственных учреждений, «обнимающие все части местного управления», были проведены в 28 губерниях и одном градоначальстве² (пик проверок пришелся на 1843 г. – 9 губерний) [24, с.414–415; 27, с.354; 28, с.319]. Помимо общих ревизий в частном порядке ежегодно в разных губерниях осматривались отдельные учреждения (врачебные управы, заведения приказов общественного призрения, запасные хлебные магазины и т.п.). Так, директор медицинского департамента в 1842 г. обследовал управление по врачебной части в 22 губерниях, в 1844 – 13, в 1845 – 6, в 1846 – 10, в 1848 – 8 [14, с.143; 23, с.315; 25, с.410; 26, с.449; 27, с.354].

Несколько подробнее следует рассмотреть общие ревизии, которые в 1840-е гг. приобрели особое значение. Донесения ревизоров позволяют увидеть масштабы этих проверок: помимо обследования собственно учреждений (губернское правление, приказ общественного призрения и его заведения, комиссия народного продовольствия, врачебная управа, городские думы и ратуши, городские полиции, земские суды, станковые управления, квартирные комиссии, дорожные комиссии) командированные чиновники оценивали состояние зданий присутственных мест, запасных хлебных магазинов, пожарной части, почтовых станций, тюремных замков, дорог, мостов и перевозов [35, прил., с.54–118].

Урусов и ревизия Вологодской губернии

Выявленные в ходе исследования архивные материалы позволяют судить об особенностях проведения общих ревизий на практике. Так, высочайшим повелением от

14 ноября 1843 г. генерал-майору кн. М.А.Урусову был поручен осмотр присутственных мест Вологодской губернии. Департамент полиции исполнительной 23 декабря 1843 г. направил на имя вологодского губернатора уведомление о назначенной ревизии с предписанием оказать содействие ревизору [3, л.1–1 об.]. Отметим, что к этому документу

² Градоначальство – административно-территориальная единица в Российской империи (наряду с губерниями и областями), состоявшая из города и прилегающих к нему земель и вверенная управлению градоначальника.

должна была прилагаться инструкция о порядке проведения ревизии, однако среди поступившей в губернию корреспонденции ее «не оказалось». Предписание министерства губернатор получил 5 января, сразу же направил его в губернское правление с пометкой «учинить надлежащие по сему распоряжения немедленно» [2, л.3]. В свою очередь, губернское правление в тот же день, 5 января, «выслушав» содержание бумаги, распорядилось «дать знать» всем подведомственным учреждениям о начале ревизии с требованием подготовить ко времени прибытия Урусова все необходимые сведения [3, л.2]. В Вологду ревизор приехал 14 января и сразу же уведомил губернатора о том, что намерен приступить к работе на следующий день [2, л.5]. В ответ губернатор сообщил о готовности оказать содействие и о том, что для занятий ревизора приготовлена особая комната в здании губернских присутственных мест [2, л.6–6 об.].

Взаимодействие Урусова с губернской администрацией строилось следующим образом. Обо всех своих передвижениях, о каждом своем действии он письменно уведомлял губернатора, а последний также письменно доводил это до сведения заинтересованных учреждений. Иными словами, прежде, чем направиться в то или иное присутственное место, ревизор сообщал об этом губернатору (как правило, за день), а губернатор сразу же информировал учреждение с предписанием «исполнять без малейшего промедления» все законные требования ревизора [2, л.11]. Сформировавшийся таким образом «бумажный след» позволяет судить о скорости и темпах проводившейся проверки. В частности, 15 января Урусов вместе с губернатором С.Г.Волховским начал ревизию с осмотра помещений присутственных мест и учреждений, а затем приступил к «обозрению делопроизводства губернского правления» [2, л.7]. Спустя 3 дня, т.е. 18 января, Урусов обратился к ревизии приказа общественного призрения, затем – Вологодской градской думы, 22 января – Вологодской полиции, 24 января – квартирной комиссии и комиссии народного продовольствия, в том числе состоящих в ведении последней сельских хлебных магазинов помещичьих крестьян и половников³ [2, л.8, 15]. 27 января, закончив осмотр вологодских присутственных мест, Урусов сообщил губернатору о замеченных недостатках, которые, впрочем, признал «незначительными» [2, л.25–26 об.], а на

³ *Половник – особая категория крестьян, не наделенных землей и «кормившихся» за счет вольнонаемного труда (работали на землевладельца за половину урожая).*

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

следующий день отправился ревизовать учреждения в уездных городах и квартиры станowych приставов по маршруту от Вологды до Устьсы-сольска и обратно. Останавливаясь в каждом городе на 1–2 дня, он пре-одолел этот путь за 22 дня и 18 февраля вернулся в Вологду [2, л.32]. В целом все обревизованные присутственные места оказались в «надле-жащем порядке» (замечания ревизора в основном касались недостаточ-ного материального обеспечения присутственных мест и учреждений) [2, л.63–64 об.]. Исключение составляла только Устюгская полиция, вернее – ее архив, который пребывал в совершенном «расстройстве», что не являлось новостью для губернской администрации⁴. По результа-там ревизии Урусова Вологодская губерния была признана «в удовле-творительном состоянии». Следует отметить, что направляемые в гу-бернии министерские чиновники особое внимание должны были обра-щать на поступающие от населения жалобы, которые всегда считались своего рода «маркером» нарушений в работе местных учреждений. К Урусову за время пребывания в губернии от разных лиц поступило всего 16 письменных и словесных просьб, из которых только одна касалась собственно работы присутственных мест («просьба о скорейшем окон-чании дела») [2, л.41–41 об.]. Сразу же после отъезда ревизора от лица Волховского были сделаны соответствующие распоряжения и пред-ставления по поводу обнаруженных недостатков, а 10 марта в мини-стерство были направлены объяснения относительно собранных жалоб (из 16 просьб 10 уже ранее поступали в местные учреждения и на за-конном основании «оставлены без уважения»; в 6 случаях обращения были приняты к рассмотрению; злоупотреблений чиновников не было обнаружено) [2, л.58–61 об.].

Отметим, что ревизия Вологодской губернии являлась примером реализации на практике положений указа от 29 декабря 1841 г. об испы-тании кандидатов на губернаторские должности. Незадолго до этого поручения, в октябре 1843 г., Урусов поступил в Свиту Е.И.В., в ноябре был назначен исправляющим должность нижегородского губернатора, а сразу после ревизии утвержден в этой должности. По всей видимости,

⁴ В беспорядочном состоянии архив пребывал практически с момента учреждения самой полиции (с начала XIX в.). По мнению Волховского, это было связано с хроническим не-достатком канцелярских служителей. Предписаниями губернского начальства от 23 ноября 1842 и 22 марта 1843 г. предпринимались попытки решить эту проблему. В част-ности, были назначены 4 канцелярских служителя (2 из состава полиции и 2 прикоманди-рованы из Устюгского уездного суда) для разбора архивных дел [2, л.55–56].

его действия в ходе проверки и отчет о результатах были одобрены министром и Урусов был признан «способным» возглавить губернию.

Михаил Александрович Урусов
(1802–1883)

Насколько эффективным был такой способ проверки кандидатов? Этот вопрос требует особого рассмотрения. Однако относительно соответствия Урусова занимаемой должности в мемуарной литературе можно найти полярные точки зрения. К примеру, чиновник ведомства путей сообщения барон А.И.Дельвиг, назначенный из столицы руководить завершением ремонта Нижегородского шоссе, утверждал, что «Урусов был человек ограниченный», «до крайности самолюбивый» и «ни по образованию, ни по роду своей прежней службы, не имел никаких сведений, необходимых губернатору» [16, с.50]. В противовес этому сенатор М.П.Веселовский, начинавший свой карьерный путь в нижегородских учреждении

ях, хотя и не отмечал в Урусове выдающихся административных способностей, но полагал, что он «имел склонность к хозяйственным распоряжениям и в этой сфере приносил пользу» [5, л.256 об.]. В современных научных изданиях губернаторство Урусова также оценивается неоднозначно. Его имя связывают как со многими положительными изменениями в губернии (в частности, устройство первого водопровода в Нижнем Новгороде) [30, с.205–211], так и с известным анекдотом про взятки⁵.

Итоги ревизий для Министерства внутренних дел

Конечно, следует особо подчеркнуть, что далеко не все ведомственные ревизии открывали благополучную ситуацию на местах. Более того, первые проверки, проводившиеся в

⁵ Известный историк Л.В.Беловинский следующим образом передает этот сюжет из жизни губернатора: «О нижегородском губернаторе князе М.А.Урусове ходил такой анекдот. При вступлении его в должность винный откупщик Евреинов, представляясь губернатору, якобы сказал: "Ваше превосходительство, наше положение вам известно: губернатору рубль с ведра вина и об этом никому ни слова...". На это Урусов спокойно ответил: "Знаете что, дайте мне по два рубля с ведра и... рассказывайте об этом кому угодно"» [10].

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

1842–1843 гг., почти повсеместно обнаружили значительные нарушения. Н.В.Варадинов в своей работе привел выдержку из архивного документа, обобщавшего донесения командированных чиновников: «Действия начальников губерний и прочих лиц губернского и уездного управлений далеко не соответствовали видам правительства: при весьма неудовлетворительном положении дел, замечена крайняя медленность, неправильное и произвольное решение, беспорядочное состояние архивов, небрежное содержание помещений присутственных мест и заведений приказов [общественного призрения. – *О.П.*]...» [13, с.677]. По итогам проверок были предприняты решительные меры: о замечаниях ревизоров сообщалось всем начальникам губерний («циркулярные объявления» о последствиях каждой ревизии направлялись во все губернии), назначался 6-месячный срок для исправления выявленных беспорядков, виновные в упущениях лица получили выговоры либо были уволены [13, с.677; 14, с.224]. Не удавалось избежать ответственности и губернаторам, к прямым обязанностям которых, по мнению Перовского, относились «неослабное наблюдение за искоренением всякого злоупотребления при самом его начале, не ожидая, чтоб обиженные приносили о том жалобы», а также обнаружение и исправление беспорядков раньше, чем о них станет известно в столице (причем объяснения губернаторов, оправдывавших себя неведением и отсутствием жалоб на имевшие место нарушения, министр не признавал уважительными) [35, с.35]. Так, в циркуляре от 19 декабря 1842 г., адресованном всем губернаторам, значилось, что император, рассмотрев представленную Перовским выписку из донесения чиновника, командированного в Архангельскую губернию, «изволил найти, что все части губернского и уездного управлений помянутой губернии находятся в самом расстроеном и запущенном состоянии», и «повелеть соизволил: архангельского гражданского губернатора действительного статского советника Степанова уволить от службы» [1, л.4]⁶. Так же в конце 1842 – начале 1843 г. два губернатора получили «строгий Высочайший выговор» [13, с.677]. Кроме того, в тех случаях, когда ревизующими чиновниками были обнаружены «значительнейшие» злоупотребления, министр ходатайствовал о назначении общей сенаторской ревизии губернии. В частности, в 1843 г. сенатор М.Н.Жемчужников был командирован в Таганрогское градоначальство,

⁶ Вместе с циркуляром была разослана и выписка из донесений чиновника, командированного для обозрения Архангельской губернии, содержание которой позволяло увидеть обнаруженные нарушения в порядке управления [1, л.5–14].

в этом же году кн. И.А.Гагарин – в Астраханскую губернию, в 1844 г. кн. И.А.Лобанов-Ростовский – в Костромскую (помимо этого, в 1842 г. об открытых в Тамбовской губернии беспорядках было «сообщено находившемуся уже там для ревизии» сенатору И.Э.Куруте) [14, с.143; 21, с.506; 24, с.415].

Меры, предпринятые после первых ревизий, оказали положительное влияние на работу местных учреждений. Уже в 1845 г. министерство признавало, что губернаторы стали более деятельны при исправлении своих должностей, усилился контроль губернского начальства за подчиненными местами и лицами, «произвола и беспорядка в той степени, как они оказывались при первых ревизиях, уже более не открывалось» [14, с.224]. Однако это вовсе не означало, что путем ведомственных проверок удалось добиться устранения всех недостатков. Многие нарушения были связаны с недостаточным материальным обеспечением, что, по сути, являлось фактором, мало зависящим от деятельности губернской администрации. Одним из ярких подтверждений этому стали результаты масштабной ревизии городов 27 губерний: в 1847 г. для «устройства городского хозяйства» были инициированы «местные исследования» в 224 городах, которые, как указал в своем отчете Перовский, открыли неудовлетворительное состояние городского полицейского управления, причем даже в губернских городах («в надлежащем порядке» полиция была найдена только в Вологде, Владимире и Перми) [14, с.348–349]. Все это во многом являлось следствием бедности подавляющего большинства городских поселений [33, с.385–386]. Любопытно, что проведенные в том же году осмотры тюремных острогов в 10 губерниях, которые в отличие от городской полиции были «внезапными», не обнаружили существенных нарушений, что, впрочем, могло быть связано с развернувшейся деятельностью тюремных комитетов [14, с.349].

В целом для Министерства внутренних дел ведомственные ревизии стали важным инструментом, позволявшим не только установить прямой контроль за деятельностью подчиненных учреждений и оперативно реагировать на имевшие место нарушения, но и оценить «свойства и степень способности» лиц, занимавших разные должности, и получить «верные и точные» сведения о состоянии местного управления⁷. С уче-

⁷ К примеру, в ходе обследования городского хозяйства был собран значительный статистический материал, впервые в известность были приведены данные, характеризующие уровень благосостояния большинства городов, что позволило осуществить мероприятия,

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

том результатов ревизий разрабатывались нормативные правовые акты, внедрялись изменения в деятельность учреждений, регулировалось финансовое обеспечение, пересматривались штатные расписания и проч. В частности, итоги ревизий убедили министра в необходимости корректировки ряда положений, введенных административно-полицейской реформой 1837 г. По заверениям Перовского, Учреждение для губернских правлений 1845 г. основывалось уже «не на умозрительных рассуждениях, а на положительных данных» [14, с.224].

Ревизии и реформа П.Д.Киселева

Ведомственные ревизии сыграли важную роль при подготовке реформы управления государственным имуществом. Речь идет об инициированном П.Д.Киселевым масштабном

обследовании казенных имений, которое, в соответствии с распоряжением от 18 мая 1836 г., началось с четырех губерний, а затем было распространено на территорию всей империи (исключая Грузию). Эти мероприятия обстоятельно изучены Н.М.Дружининым и подробно освещены в его фундаментальной работе. Исследователь довольно высоко оценил организацию и порядок их проведения: «Ревизия 1836–1840 годов по условиям своей организации и итогам своего выполнения превосходила качественно предшествующие ревизии, не исключая и сенаторских. По широте своего охвата она является одним из важнейших обследований дореформенного периода» [17, с.310]. С таким выводом трудно не согласиться, поскольку тщательный подбор ревизоров (которые, зарекомендовав себя как деятельные и энергичные исполнители, впоследствии составили управляющее звено губернских учреждений Министерства государственных имуществ), продуманная программа обследования, четко определенный порядок проведения мероприятий на местах, подробные инструкции и наставления ревизорам позволили собрать обширнейший материал, характеризующий социально-экономическое положение казенных имений. А это, в свою очередь, предоставило возможность скорректировать намеченную программу преобразований, что, конечно, свидетельствует о качественно ином подходе к разработке и проведению реформ.

направленные на упорядочение городских доходов и расходов [33, с.187–410].

Павел Дмитриевич Киселев
(1788–1872)

В последующие годы Министерство государственных имуществ активно обращалось к ревизионным проверкам (по подсчетам Дружинина, в архивных фондах министерства сохранились материалы по 183 ревизиям, проведенным с 1838 по 1856 г. [18, с.85]). В ходе этих обследований ревизоры, не ограничиваясь просмотром документации палат и окружных управлений, как правило, объезжали округа и волости и в отчетах представляли личные наблюдения относительно деятельности местных чиновников и состояния казенного имущества [18, с.82–85]. Отметим, что и сам министр, являвшийся одним из наиболее яр-

ких деятелей эпохи Николая I, принимал непосредственное участие в этих мероприятиях, как, впрочем, и в ревизии 1836–1840 гг. Так, в 1843 г. Киселев осмотрел 13 губерний с целью оценить результаты реформы и деятельность новых присутственных мест. По итогам этой ревизии он направил на места циркулярное предписание от 30 ноября 1843 г., в котором изложил замеченные недостатки в работе подведомственных учреждений.

Ревизионная практика и Министерство финансов

По другим ведомствам ревизии хотя и не получили столь же значительно-го размаха, но также играли не последнюю роль в сфере контроля за деятельностью местных учреждений.

При этом можно отметить некоторые особенности этой ревизионной практики. Так, специфика проверок чиновников, командированных от министерства финансов, заключалась, в первую очередь, в их «внезапности», поскольку целью ревизии, как правило, являлась оценка состояния денежной казны. В качестве иллюстрации этих мероприятий можно привести материалы «внезапного обозрения» шести губерний (Витебской, Могилевской, Киевской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской): 14 декабря 1832 г. Департамент государственного казначейства министерства распорядился произвести ревизию казенных палат и уездных казначейств и «удостовериться в исправности счетоводства и целости денежной казны» [6, л.1]. Министр финансов назначил в качестве

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

ревизоров двух чиновников особых поручений: статского советника К.А.Случевского и надворного советника В.Н.Григорьева. Первый должен был направиться по маршруту «через Витебск и Могилев до Киева», второй – «через Петрозаводск и Вологду до Архангельска» [6, л.17]. Предполагалось, что на ревизию уйдет около трех месяцев. Ввиду того, что осмотр осуществлялся «внезапно», местным учреждениям не объявлялось о приезде столичных чиновников. Прибыв на место, первое, что делал ревизор, – «запечатывал» кладовую, затем «приглашал местное начальство» и в его присутствии приступал к «обозрению» документации и подсчету наличных сумм [6, л.26–26 об.]. Из итогового рапорта Случевского, датированного 23 марта 1833 г., видно, что осмотру подверглись три казенные палаты (Витебская, Киевская и Могилевская) и 9 уездных казначейств (только те, которые находились в уездных городах, через которые пролегал его путь до Киева) [6, л.26–27 об.]. Командировка Григорьева заняла почти четыре месяца (донесение по итогам осмотра датировано 25 апреля 1833 г.). За это время ему удалось обревизовать также три казенные палаты (Олонецкая, Вологодская и Архангельская) и 13 уездных казначейств (все располагались по пути его следования) [6, л.62–62 об.]. «Важных упущений» относительно сумм и казенного имущества нигде не открылось; обнаруженные «отступления и неисправности» по делопроизводству чиновники оценили как «незначительные», хотя, как видно из документов, в некоторых казенных палатах число неисполненных дел и бумаг выглядело довольно внушительно (в Киевской – 2455; в Архангельской – 1934, в том числе 392 «прошедшего времени») [6, л.48, 100–100 об.]. Отметим, что Григорьев представил более подробный рапорт, где изложил все выявленные нарушения и попытался отразить объяснения чиновников, среди которых встречаются и весьма любопытные. К примеру, по Кадниковскому казначейству обнаружено, что старосты казенных селений лично вносят подати «при словесном объявлении, а не посредством волостных правлений». Эту ситуацию казначей прокомментировал тем, что «сие делается старостами по недоверию к волостным головам и для избежания лишних расходов» [6, л.108].

Ревизии местных судов

По ведомству Министерства юстиции ревизии также не стали систематическим явлением. Пожалуй, наиболее масштабным являлось обследование местных учреждений, на-

значенное по распоряжению Николая I. Это решение было принято после ревизии Санкт-Петербургского надворного суда, произведенной в 1840–1841 гг. и открывшей «поистине изумительную картину беспорядков и злоупотреблений» [31, с.69]. По прочтении «мемории», составленной по итогу проверки, император «в порыве благородного негодования написал следующие строки: "Неслыханный срам; – беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими и мне оставаться неизвестным"» [31, с.70].

Случай со столичным надворным судом, а также другие примеры «изумительной медленности и волокиты» побудили государя отдать распоряжение на имя министра юстиции гр. В.Н.Панина: «Надо обратить внимание на наше неудовлетворительное отправление правосудия» [31, с.70]. В связи с этим министерство приступило «к обозрению делопроизводства в подведомственных ему судебных местах для выяснения главнейших его недостатков и способов к их исправлению» [31, с.70].

Виктор Никитич Панин
(1801–1874)

В 1846 г. Панин лично обревизовал столичные судебные учреждения, товарищ министра осмотрел девять центральных губерний. 13 ноября 1846 г. согласно высочайшему повелению была назначена общая ревизия губернских судебных учреждений через членов консультации и обер-прокуроров. Для этой цели была разработана инструкция, в которой подробно излагались все действия ревизора с момента его приезда в губернию. Среди архивных материалов удалось обнаружить текст этого документа [4, л.12–23 об.], который, несомненно, представляет интерес.

Содержание инструкции фиксировало порядок проведения ревизии, во многом схожий как с проверками по другим ведомствам, так и с действиями сенаторов, ревизовавших присутственные места в эпоху Николая I [8, л.1–89 об.]. Сразу же после прибытия в губернию ревизор должен был вручить начальнику губернии предписание Министерства юстиции об осмотре судебных учреждений «для поставления в известность тех мест и лиц» [4, л.12]; затем приступить к обследованию сначала губернских судебных мест (в следующем порядке: уголовная палата, гражданская палата, совестный суд,

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

канцелярия губернского прокурора), а потом уездных и городских (уездные суды, городские магистраты, ратуши, дворянские опеки, сиротские суды, уездные стряпчие). Собственно осмотр каждого из учреждений столичный чиновник начинал с оценки «внешнего устройства» помещений, а далее приступал к главной задаче – изучению материалов делопроизводства. Причем внимание должно было уделяться как формальной стороне ведения документации (например, «ведется ли входящий реестр, записываются ли в оный все бумаги в тот же день после вступления их, а также не допускается ли медленности в раздаче их столоначальникам и находятся ли расписки в получении их в реестре с показанием времени, когда изъясненные бумаги были приняты» [4, л.17 об.–18]), так и ее непосредственному содержанию. В частности, при рассмотрении реестра указов Сената чиновник должен был убедиться, «не допускается ли медленность при докладе этих указов или исполнении их, делаются ли своевременно надлежащие подтверждения и отправляются ли без замедления надлежащие донесения Правительствующему Сенату, не останавливаются ли они в исполнении за ненужными справками или за перепиской по предметам или обстоятельствам, не могущим препятствовать исполнению решения, а также допущены ли эти действия по невниманию или по умышленному потворству и кто в особенности оказывается в этом виновным» [4, л.13 об.–14]. Изучая реестры по судебным делам, ревизор обращал внимание на время вступления дела, на все действия суда по этому делу, сравнивал время вынесения решения со временем приведения его в «действительное» исполнение, пытался выявить, не было ли при всем этом допущено произвольных действий или злоупотреблений чиновников [4, л.14–14 об.]. В ходе проверки также следовало убедиться, соблюдается ли очередность в рассмотрении дел, не допускается ли промедление, есть ли в наличии дела, долгое время остающиеся без решения, и если есть, то по каким причинам и кто виновен в этом [4, л.15–15 об.]. При этом министерство запрещало ревизорам вникать в существо рассматриваемых судами дел, полагая, что основная цель проверки – «ускорение их движения и обнаружение беспорядков, дабы те, кои могут быть исправлены распоряжениями судебных мест, были ими немедленно устранены, а все прочие были бы доведены до сведения надлежащей власти» [4, л.23]. И в связи с этим давалась довольно четкая установка: при проведении «обзора присутственных мест» внимание необходимо обращать не на «мелочные упущения», а «на оставление дел без надлежащего производства, на проволочку оных под ничтожными предложениями и на неисполнение реше-

ний, равно и на неудовлетворение просителей, в особенности низшего сословия» [4, л.23 об.].

Следует особое внимание обратить и на то, что ревизоры были уполномочены на «удаление из службы должностных лиц, по неблагонадежности своей незаслуживающих ни доверия, ни снисхождения начальства» [4, л.2 об.]. Конечно, относительно этого пункта следовал ряд оговорок, которые сводились к тому, что одновременное удаление из службы всех чиновников, которых «в строгом смысле нельзя признать совершенно благонадежными и вполне соответствующими своему назначению», было бы весьма неудобно и повлекло бы за собой вредные последствия для самой службы [4, л.3]. В связи с чем полномочия ревизоров по «отрешению» от должностей распространялись лишь на уездных стряпчих, секретарей и канцелярских служащих, при условии их явного изобличения [4, л.3–9 об.].

Как и прочие масштабные проверки, ревизия судебных мест 1847 г. выявила немало нарушений. В частности, было обнаружено, что повсеместно «установился обычай для уменьшения числа показываемых в ведомостях нерешенных дел рассылать их в конце года в различные места для дополнения их совершенно ненужными сведениями и справками» [31, с.71]. Подводя итоги ревизии, Панин решил бороться с «произволом и небрежением правосудия» традиционным путем – установлением строгой отчетности и усилением надзора, причем последнее не подразумевало дальнейшего развития ревизионной практики. Предполагалось, что обязанность местного начальства представлять в министерство и Сенат многочисленные срочные ведомости и донесения о состоянии делопроизводства, а также «неослабное наблюдение» губернских прокуроров принесут «благие результаты» [31, с.71].

Значение ведомственных ревизий для системы контроля

При Николае I ведомственные ревизии приобрели особое значение в системе контроля центральной власти за деятельностью местных учреждений. Являясь формой чрезвычай-

ного контроля, они, в отличие от сенаторских ревизий, назначались не только в случаях, когда до столицы доходили сведения о нарушениях порядка управления на местах, но и с целью сбора достоверной информации о состоянии подведомственных учреждений. Эти мероприятия позволяли оперативно реагировать на сбои в системе местного управления и принимать «меры для возможных улучшений», что находило вы-

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

ражение не только в усилении отчетности и привлечении к ответственности виновных лиц, но и в корректировке реформ и в реорганизации деятельности отдельных учреждений. При этом ведомственные проверки не были системными и не имели определенной законом процедуры. Интенсивность их проведения, их особенности и характер во многом зависели от личных качеств лиц, занимавших министерские посты, которые по своему усмотрению назначали ревизии, определяли их цели и задачи и оценивали результаты. Министры были свободны в выборе лиц, осуществлявших проверки; в некоторых случаях сами ревизовали подчиненные им присутственные места. Подчеркнем, что ведомственные ревизии не рассматривались как альтернатива сенаторским. Развитие системы контроля во второй четверти XIX в. было таково, что, с одной стороны, институт сенаторского инспектирования отходил на второй план, уступая свое место ведомственным проверкам, а с другой, – ведомственные ревизии не отменяли, а дополняли ставшие уже традиционной формой контроля сенаторские ревизии. На практике это выражалось так: когда министерские ревизоры выявляли значительные нарушения и злоупотребления, сигнализовавшие о неблагоприятном состоянии всех местных учреждений в той или иной губернии, то назначалась общая сенаторская ревизия. И это следует признать оправданным и целесообразным подходом. Относительно молодые и энергичные министерские чиновники были способны выполнять поручения министра в сжатые сроки, действуя в строгом соответствии с его инструкцией, не вызывая паники на местах. Многие из этих лиц рассматривались как кандидаты на занятие ключевых должностей в местных учреждениях, а их участие в ревизиях – как наилучший способ познакомиться с ситуацией на местах и организацией работы подчиненных учреждений. В свою очередь, довольно немолодые сенаторы направлялись в губернии лишь в тех случаях, когда речь шла о необходимости оценить работу всего аппарата управления отдельно взятой губернии, для которой такая проверка была сопоставима с шоковой терапией.

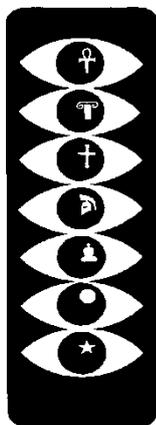
Подводя итог, отметим, что во второй четверти XIX в. ведомственные ревизии стали действенным инструментом, который позволял министрам, «знакомясь со всеми подробностями местных управлений, с потребностями и недостатками, видеть яснее и нужду, и средства к исправлению беспорядков и к улучшениям в общем деле управления» [23, с.316]. Однако эффективность этой ревизионной практики могла быть гораздо выше, если бы она получила четкую регламентацию на законодательном уровне, а проверки – регулярный характер.

Библиографический список

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.18. Оп.1. Д.971.
2. ГАВО. Ф.18. Оп.1. Д.1048.
3. ГАВО. Ф.18. Оп.1. Д.1049.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.109. Оп.22. Д.31.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). F.IV. 861. Записки сенатора М.П.Веселовского (с 1828–1882).
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.565. Оп.1. Д.1396.
7. РГИА. Ф.1286. Оп.5. 1831 г. Д.903.
8. РГИА. Ф.1341. Оп.32. Д.768а.
9. Афанасьев П.А. Ревизии как форма государственного и ведомственного контроля в XIX – начале XX в.: по материалам кабинетского округа Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008. 23 с.
10. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя. От дворца до острога. М.: Кучково поле, 2014. 555 с. // Электронная библиотека RuLit. URL: <https://www.rulit.me/books/ot-dvorca-do-ostroga-read-426733-36.html> (дата обращения: 10.09.2019).
11. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
12. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. Ч.3. Кн.1. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1862. 777 с.
13. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. Ч.3. Кн.2. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1862. 746 с.
14. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. Ч.3. Кн.3. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1862. 725 с.
15. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / вступ. ст. и примеч. С.В.Бахрушина. М.: Издание М. и С.Сабашниковых, 1929. XVI, 293 с.
16. Дельвиг А.И. Мои воспоминания: в 4 т. Т.2: [1842–1858]. М.: Моск. публ. и Румянецкий музей, 1913. VIII, 448 с.
17. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.1: Предпосылки и сущность реформы. М.; Л.: АН СССР, 1946. 631 с.
18. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.2: Реализация и последствия реформы. М.; Л.: АН СССР, 1958. 615 с.
19. Закревский А.А. Записка о причинах, которые, кроме болезни, побудили меня к отставке // Сборник императорского Русского исторического общества. Т.78. СПб.: [Б. и.], 1891. С.534–542.
20. Иванова Е.С. Сенаторские ревизии Костромской губернии в первой половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2012. №4. С.37–41.
21. История Правительствующего сената за двести лет, 1711–1911 гг.: в 5 т. Т.4. / сост. И.А.Блинов, В.А.Гаген, С.К.Гогель [и др.]. СПб.: Сенатская тип., 1911. 529 с.
22. Ковальчук А.В. Состояние местного государственного аппарата по материалам сенаторских ревизий 1799–1800 гг. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти проф. А.А.Преображенского: сб. статей. М.: Рос-СПЭН, 2007. С.318–343.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ РЕВИЗИИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

23. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1842 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч.5. С.313–344.
24. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1843 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1845. Ч.11. С.414–454.
25. Краткий обзор Правительственных действий Министерства внутренних дел за 1845 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч.16. С.409–454.
26. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1846 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1847. Ч.20. С.449–482.
27. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1848 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч.28. С.349–428.
28. Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1849 год. Из всеподданнейшего отчета господина министра // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч.32. С.315–413.
29. Майков П.М. Перовский, граф Лев Алексеевич // Русский биографический словарь: в 25 т. Т.13: Павел, преподобный – Петр (Илейка) / под ред. А.А.Половцова. СПб.: Тип. И.Н.Скорородова, 1902. С.541–550.
30. Макаров И.А. Губернаторы и полицмейстеры. Н. Новгород: Книги, 2005. 507 с.
31. Министерство юстиции за сто лет 1802–1902: Ист. очерк. СПб.: Сенатская тип., 1902. 340 с.
32. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1994. №6. С.28–38.
33. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: АН СССР, 1958. 559 с.
34. Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской губернии) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. №3 (55). С.93–97.
35. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т.1. СПб.: Тип. Д.Кесневила и комп., 1854. IV, 329, 656 с.
36. Указ «О кандидатах на губернаторские места» от 29 декабря 1841 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II. Т.16. Отд.2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1842. №15165. С.144.

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

ОСОБЕННОСТИ ЯВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК
93/94

Статья посвящена своеобразию политических партий в России начала XX в.: их зарождению, структуре, программам, тактике. Авторами увязывается российская многопартийность с состоянием общества, с его стратификацией, со спецификой интеллектуальных процессов в стране. В связи с этим дается определение политическим партиям, которое может быть применимо к реалиям начала XX в. Наконец, авторы намечают перспективы изучения такого рода объединений в Российской империи.

The article is devoted to the political parties in Russia in the beginning of the XXth century: its origins, structure, programs, tactics. The author bound the Russian multi-party system with the society conditions, its stratification, the specific of the intellectual processes in the country. The definition of the parties was formulated. It can be used in regard to the reality of the beginning of XXth century. Finally, the authors targeted the research perspectives of the parties in the Russian empire.

Ключевые слова: партии; Российская империя; идеология; революция.
Key words: parties; Russian empire; ideology; revolution.

E-mail: iom07@mail.ru; kirillsol22@yandex.ru

В поисках понятия

Политические партии – явление Нового и Новейшего времени. Будучи органической частью политической жизни этого периода, они были призваны выполнять определенную ролевую функцию. Исторический процесс вариативен. Следовательно, он может быть по-разному интерпретирован. У каждой политической силы есть право на свой образ прошлого и, главное, будущего. Его конструирование – задача инициативного интеллектуального меньшинства, которое в свою очередь неоднородно. Оно распадается на различные группы, исходя из мировоззренческих пристрастий. Каждая из них по-своему перебрасывает мостик из прошлого в будущее, а значит, особым образом моделирует развитие страны на сравнительно отдаленную перспективу. Такого рода интеллектуальный поиск – явление недавнего времени, начала XIX в., когда романтики усомнились в идеалах Просвещения. Они более не верили в представление об универсальности истины, надеясь на успешность своего национального или идеологического проекта. Политический романтизм, складывавшийся на обломках Просвещения, подразумевал неизбежность интеллектуальных «сшибок», которые только и легитимировали большие европейские идеологии: консерватизм, социализм, либерализм [32; с.320–322]. Они имели право на жизнь в вечном столкновении друг с другом. В своих рамках они создавали условия относительного интеллектуального комфорта. Консерватор читал консервативные газеты, ходил на заседания консервативных клубов, голосовал за консервативные партии. Его поведение было запрограммировано самим кругом его общения. Естественно, то же можно сказать и о европейских либералах, и о социалистах [5; с.327].

Однако были те, кто так или иначе определял повестку: как раз инициативное интеллектуальное меньшинство, без которого существование партий даже технически невозможно. Можно сколько угодно спорить: интеллектуал творит эпоху или лишь транслирует бытующие в обществе идеи? Важнее другое: без рационально мыслящего интеллектуала публичная политика Нового времени была в принципе нереализуема.

Публичная политика подразумевает выборы, а это есть столкновение избирательных платформ, а значит программ, которые для начала необходимо сформулировать. Причем такого рода задача подталкивает политика к системности подхода: он должен по возможности нарисовать

цельный образ будущего, включающий самые разные аспекты жизни общества.

Все это разнообразие политических форм активности суммируется в слове «партия». Ее наличие подчеркивает высокую форму организации общества, нацеленного на защиту собственных интересов. Однако относительно самого слова ясности пока нет. Это ставит перед исследователями задачу начать работу почти с нуля, то есть с определения самого понятия «партия», конечно же, применительно к российским реалиям. Это тем более важно, что политологи отказались от одного определения и используют, по их собственным подсчетам, около 200. Некоторые, более скромные из них пытаются ограничиться 18-ю. Соответственно, перед исследователями истории российских политических партий по-прежнему остается актуальной задача выработки научного понятия, которое, во-первых, должно отражать сущность этого исторического явления вне зависимости от «места развития», а во-вторых, быть сформулированным согласно конкретным историческим обстоятельствам.

Партии возникают там и тогда, где и когда созрели объективные условия для смены власти, а в некоторых случаях и для изменения политической системы, которая перестала отвечать потребностям поступательного исторического развития. Иными словами, целевая установка партий состоит в том, чтобы направить усилия общества на осуществление этой смены (мирной или насильственной), а затем на удержание власти в своих руках. В этой логике партия представляет собой политическую организацию, которая, с одной стороны, имеет четкую и структурированную модель переустройства общества, соответствующую объективным историческим потребностям, а с другой, – обладает организационными возможностями для захвата политических «вершин». Чтобы достичь этой цели, партия должна предложить обществу собственное видение будущего, а также путь его достижения. Сформулировать и то и другое не так просто. Еще сложнее координировать усилия множества людей, не во всем сходящихся друг с другом. По этой причине партия должна представлять собой хорошо структурированную организацию, имеющую разветвленную сеть центральных и региональных отделений, систему коммуникативных связей и финансовое обеспечение.

Если попытаться суммировать вышесказанное, то из него можно попытаться вывести определение политической партии: **«Политическая партия – это группа единомышленников, которая на основе разделяемых исходных мировоззренческих, мировоззренческих и мироощу-**

шенческих принципов разрабатывает и предлагает общественному вниманию собственную модель преобразования страны, стратегию и тактику ее практической реализации, оптимальную организационную форму, а также набор методов, обеспечивающих достижение ею политической власти».

Предложенное определение позволяет взглянуть на партию с разных сторон, имея в виду различные контексты ее функционирования: общесоциологический, социологический, политологический, исторический и др. Ключевым обстоятельством становится целеполагание партии, которое несомненно оказывается важнейшим инструментом борьбы за власть. На современном этапе об этом никто не спорит. Видимо, важнее подчеркнуть другое: партии всегда создаются активным меньшинством. Партия – это, прежде всего, интеллектуальный проект. Имея в виду это обстоятельство, необходимо всякий раз решать вопрос о социальной природе партии – иными словами, о причине появления именно такого инициативного меньшинства.

Почему возник такой круг единомышленников? Почему они себя таковыми считали? Не секрет, что тождественных взглядов не бывает. Любая партийная программа – результат компромиссов. Все должны чем-то жертвовать ради сохранения хотя бы временного единства. Это значит, что в данном кругу политических активистов сложилось представление о приоритетных задачах, по сравнению с которыми все прочие казались вторичными. Такой взгляд складывается не сразу. Это одновременно ответ на конъюнктуру эпохи и результат «притирки» будущих партийцев.

Социальная история многопартийности подразумевает и иной ее аспект. Группа единомышленников ставит перед собой задачу закрепить в общественном и массовом сознании произведенные ею интеллектуальные конструкты с целью распространения и утверждения своего влияния, а также для реализации своей главной цели – завоевания власти. Имеет значение не только крошечное ядро кометы, но и ее протяженный хвост. Партия – это не только ее члены, но в первую очередь социальная база, а при наличии выборов – электорат.

Партии – это, конечно, организационные структуры, парламентские фракции, но в то же самое время (а может быть, даже в первую очередь) – это идеи. Иными словами, партийная жизнь – важная составляющая интеллектуальных процессов. Разработанная на основе политической и социальной доктрины модель преобразования страны включает в себя

совокупность компонентов (политических, экономических, социальных, национальных, конфессиональных, культурных), которые, как правило, затрагивают назревшие проблемы и кровные интересы различных социальных страт. Так как партии чаще всего складывались в условиях электоральных кампаний, они по необходимости рассчитывали на поддержку большинства избирателей. Поэтому при всех доктринальных различиях и, следовательно, основанных на них моделях преобразований партия, претендующая на политическую власть, должна выражать (и в той или иной степени выражает) общие национальные интересы страны, а не только интересы тех общественных сил, на которые она либо опирается в данный исторический момент, либо рассчитывает опереться в будущем.

Манифестация студентов 18 октября 1905 г.

Исходные доктринальные принципы определяют тактику и стратегию партии, а также ее организационную структуру, формы и методы общественного и массового воздействия. Большой вопрос – что первично: социальная природа объединения или ее идейная «начинка»? Пожалуй, однозначного ответа нет и не будет. Партийная жизнь существует в разных измерениях.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Однако все они детерминированы политикой, которая с неизбежностью есть поиск врага. Она так или иначе подразумевает войну, скрытую или явную, горячую или холодную. Само существование партии подразумевает конфликт, а значит, острую конкуренцию как между партиями, так и внутри них.

Партии в России

Это можно сказать о партийных организациях в разных странах. Особенность же российского процесса генезиса, формирования и функционирования политических партий со-

стояла в следующем.

Во-первых, политические партии в России по сравнению с западно-европейскими странами возникли позднее примерно на 50–60 лет, что свидетельствовало о замедленных темпах ее политического и социально-экономического развития. Не случайно, что процесс формирования российских политических партий развивался с запада (Польша, Финляндия) на восток.

Во-вторых, в отличие от западноевропейских стран, где формирование основных типов политических партий было более или менее синхронизировано с уровнем социально-политической зрелости ее общественных слоев (справа налево), в России наблюдался обратный процесс (слева направо). В первом случае речь идет о более или менее хронологической последовательности возникновения партий в ряде европейских стран (сначала консервативные, затем либеральные, а лишь потом социалистические), а во втором – объективно мотивированном «сбое», в результате которого партии в России возникли в обратном порядке: социалистические, либеральные, консервативные.

В-третьих, накал пореформенных противоречий в России усугубил остроту конкуренции между представителями инициативного интеллектуального меньшинства. Борьба, начавшаяся в т.н. «кружковой» и «союзные» периоды формирования протопартийных структур, приняла еще более резкие формы на стадии складывания собственно политических партий. При этом следует особо подчеркнуть, что она обострилась не только между тремя ведущими направлениями (консервативное, либеральное и социалистическое), но и внутри каждого из них. В результате в России возникло (и на разных этапах действовало) множество политических партий. В энциклопедии «Политические партии России» зафик-

сировано 280 политических партий. Из них 57 партий имели статус общероссийских, а 223 – национальных [36; с.150]. Наличие такого количества политических партий в России многократно превышало число предлагаемых моделей преобразования России, что, в свою очередь, свидетельствовало о предельном обострении всего комплекса противоречий в стране (политических, экономических, социальных, национальных, конфессиональных, общеправовых, социокультурных), а с другой стороны – о царящей среди инициативного меньшинства вековой непримиримости, конфронтационности, неспособности к диалогу и компромиссу. Характерно, что ни консерваторам, ни либералам, ни социалистам не удалось создать единой партии. Более того, наблюдалась тенденция к расколу внутри уже возникших и функционирующих партий консервативной, либеральной и социалистической направленности.

В-четвертых, внутривнутрипартийные расколы свидетельствовали, с одной стороны, о резком противоборстве внутри каждого направления инициативного меньшинства, а с другой, – о социальной разношерстности их социального состава.

Гражданские свободы: Свобода собраний, Свобода союзов, Свобода совести, Свобода слова, Неприкосновенность личности, Свобода печати. Киев, [1905]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

В-пятых, несмотря на множество политических партий в России, их общая численность была крайне невелика: в 1906 г. – 0,5% , а в 1917 г. – 1,2–1,5% от общей численности населения России, что уже само по себе свидетельствовало о сравнительно небольшой «укорененности» партий [36; с.157]. Они являли собой продукт творчества инициативного меньшинства, начавшего «сверху» осуществлять создание своих политических организаций.

Причем после 1906 г. численность всех партий неуклонно снижалась. Это касалось организаций всего политического спектра. Своей максимальной численности правомонархические партии достигли в 1907–1908 гг. В дальнейшем их численность пошла на спад [7; с.64]. Деятельность либеральных партий, прежде всего, была связана с работой их представителей в Государственной думе. Впрочем, и в Таврическом дворце не все было для них благополучно. В декабре 1913 г. думская фракция октябристов распалась на три части: земцев-октябристов (65 чел.), «Союз 17 октября» (22 человека) и группу беспартийных. Местные же отделы партии фактически прекратили работу¹. Активную роль пытались играть прогрессисты. Но и в данном случае скорее речь идет о фракции, а не о партии. Серьезной организационной структуры за прогрессистами не было. Кадеты сохранили центральные и некоторые региональные структуры. И все же это были лишь «осколки» от прежней многочисленной партии. После 1907 г. и партия социалистов-революционеров находилась в состоянии постоянного кризиса и распада. То же можно сказать о социал-демократах. В 1907 г. в Петербургскую организацию РСДРП входили 7,3 тыс. членов, а уже в начале 1908 г. – около 3 тыс. В 1909 г. в ней числилось менее 1 тыс. членов, в 1910 г. – 600 чел. В 1907 г. Московскую организацию составляли 7,5 тыс. чел., а в 1909 г. – 1,5 тыс. К концу 1907 г. в Киевскую организацию РСДРП входило только 80 чел. В 1907–1910 гг. в России действовали 180 групп партии (т.е. в три раза меньше, чем в период революции) [31; с.144–145].

¹ 15 марта 1914 г. один из руководителей московской организации «Союза 17 октября» К.Э.Линдеман констатировал, что местные комитеты октябристов по разным причинам игнорировали циркуляры партийного руководства. На 250 разосланных циркуляров пришло 25 ответов. Причем два отдела партии отвечали, что они уже не существуют. Даже в Москве на общее собрание Замоскворецкого отдела октябристов вместо 150 приглашенных явилось 6, в Мецанском отделе вместо 75 – 3, в Пречистенском вместо 40 – 2 [16; л.385].

Генезис

Особое внимание заслуживают проблемы генезиса, формирования и функционирования российских партий. Один из недостаточно разработанных в историографии вопросов –

проблема преемственности между различными поколениями интеллектуалов, а также между протопартийным и собственно партийным периодами политической жизни России. Как известно, первые попытки создания партий в России относятся еще к периоду 1860–1870-х гг. («Земля и Воля», «Черный передел», «Народная Воля» и др.). Это был результат усилий народников, осознавших необходимость перехода от неструктурированных кружков к организациям, более или менее напоминавшим партии. Несмотря на незначительные масштабы своей деятельности, названные организации приобрели определенный вес и сумели выйти за узкие рамки кружковой работы. Они агитировали в сравнительно широких кругах, включая не только интеллигенцию, учащуюся молодежь, но и народные массы. Благодаря этим организациям общественность обрела определенный опыт, который был использован последующим поколением интеллектуалов.

Арцыбушев Ю.К.
Портрет Г.В.Плеханова. 1917

Правда, теперь общественность была совсем другой. Сказывались последствия Великих реформ, благодаря которым появились адвокаты и земцы, земские врачи и учителя, стало больше журналистов и заметно больше лиц, вовлеченных в коммерцию. Медленно, но верно происходила урбанизация, расширялся круг читателей газет и журналов, а значит, поступательно росли их тиражи. Новое общество нуждалось в иных институтах самоорганизации, которые уже можно отнести к протопартийным. В 1880–1890-х гг. представителями разных направлений были созданы такие организации, как «Группа освобождения труда» [29; с.83–85], Партия народного права [2; 36], «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» [18; с.25–27] и др. По ряду количественных и качественных параметров эти организации превосходили своих предшественников. В начале XX в. народники, социал-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

демократы и либералы значительно активизировали свои усилия по созданию партийных структур, с одной стороны, аккумулируя опыт предшественников, с другой, – осуществляя поиск новых организационных форм. Аналогичные эксперименты проводились представителями национальных групп интеллектуалов на окраинах империи.

В условиях архаичного политического режима новые объединения также обретали архаичные черты. Это была своего рода модификация кружка или салона. Они консолидировали людей хорошо знакомых друг с другом. Иное сложно было представить, учитывая происхождение этих организаций. Они возникали как «бытовые союзы», объединения друзей и родственников. В этом случае нельзя было и помыслить об организационной и идейной монолитности. Так, кружок «Беседа» (1899 – 1905) составляли лица, которые впоследствии возглавили такие непохожие друг на друга объединения, как Конституционно-демократическая партия, «Союз 17 Октября», Партия мирного обновления, Союз русских людей, Всероссийский национальный союз [33; л.25]. В «Союзе Освобождения» (1903/1904–1905) [34; 35; 39; 40; 41; 42] нашлось место представителям социалистических кругов русской интеллигенции (например, В.Я.Богучарскому, В.В.Водовозову, Е.Д.Кусковой) и, с другой стороны, земским либералам, в т.ч. и Н.Н.Львову, у которого, по собственному выражению, была «феодалная голова»².

Соответственно, эти организации не могли быть жестко структурированы и требовать строгой дисциплины от своих сочленов. Изначально не могло быть и отчетливой программы действий. Входящие в эти объединения лица мучительно привыкали к этой форме общественной деятельности, «притирались» друг к другу, договаривались, находили компромиссы. В итоге формировался новый политический язык, основанный на недомолвках и недоговоренностях. Например, в «Беседе» предпочитали не уточнять, какое представительное собрание должно было быть созвано в самом ближайшем будущем – законодательное или законосовещательное [26]. Это был залог согласия между конституционалистами и т.н. неославянофилами. В «Союзе Освобождения» весьма умеренные круги русского либерализма мирились с внепартийными

² Про свои убеждения Н.Н.Львов дословно говорил так: “*Que c'est l'invasion des idées liberales dans une tête féodale*” [12; с.137].

социалистами, рассчитывавшими на масштабные политические и социальные преобразования [34; с.557, 584–585, 591].

В итоге вырабатывалась общая точка зрения, программа, «повестка дня». Возникали особые «политические языки», которые оказались более устойчивыми, чем сами объединения. Сформированные ими стереотипы политического мышления, идеологические клише легли в основу программ партий, возникших уже после 1905 г.

Впоследствии в общественных кругах неоднократно ставился вопрос о случайности партийной группировки, возникшей в период Первой русской революции. Обсуждалась возможность создания «подлинно демократической» или «подлинно конституционной» партии, что предполагало распад «Союза 17 октября» или же партии кадетов [23; с.251–

Сатирическая открытка «Кадет»

253, 264–266]. Однако этим проектам не удалось сбыться. Органически сложившийся идеологический консенсус, объединявший подчас несовместимое, выдержал проверку времени. Например, идеологическая платформа «Союза 17 Октября» ковалась в «Беседе», члены которой, как отмечалось выше, многое недоговаривая (прежде всего, относительно будущего государственного строя), сошлись на трех ключевых пунктах. Они настаивали на необходимости представительных учреждений, юридически гарантированных гражданских прав, расширении сферы компетенции органов местного самоуправления [26; с.63–79]. В сущности, этот компромисс воспроизводился и в программе «Союза 17 Октября»³.

³ Не случайно, что 10 членов ЦК «Союза 17 Октября» до образования партии входили в кружок «Беседа» [24; с.746–755].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Итак, в российских реалиях политические партии кристаллизовались вокруг кружков и салонов, которые по своей природе не могли быть монолитными, однородными. Свойственные им внутренние противоречия оставались в наследство партиям, что в значительной мере предопределяло политическую «физиономию» этих организаций. При этом иной почвы для создания общенациональных объединений не было. Отрыв от «корней» влек за собой утрату интеллектуального и организационного багажа, накопленного протопартиями, «изымал» новоявленную организацию из интеллектуального контекста политической жизни страны.

Перспективы исследования

Одной из исследовательских задач является комплексный анализ трех основных ведущих моделей преобразования России – консервативной, либеральной и социалистической.

Такая попытка была предпринята в коллективной монографии «Модели преобразования России». Тем не менее многие отмеченные проблемы нуждаются в дополнительной проработке [19]. Что касается консервативной и либеральной моделей переустройства России, то они в основе своей основательно проработаны. Речь может идти о некотором усилении сравнительного акцента при сопоставлении программ общероссийских и национальных партий консервативного и либерального типа. Сложнее обстоит дело с анализом доктрин и программ партий социалистического спектра. В постсоветской историографии до сих пор осталось непреодоленным резкое противопоставление эсеровской и социал-демократической моделей преобразования страны. Фактически это пережиток конкурентной борьбы двух партий, претендовавших на влияние на широкие народные массы. Партийным «низам» эсеров и социал-демократов в 1905–1907 и 1917 гг. приходилось через голову своих политических лидеров создавать «единый фронт» социалистических сил, который порой давал видимые результаты. Однако эти усилия чаще всего разбивались о неприступную стену доктринальных противоречий. Если же меньшевистским и эсеровским лидерам все же временами (в годы Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г., гражданской войны 1918–1920 гг.) еще как-то удавалось находить общий язык по ряду тактических вопросов, то расхождение тех и других с большевиками оказалось непреодолимым [11, с.112–120; 16; 20; 21; 25;

28; 30]. Коренные разногласия в социалистическом спектре политических партий России в послефевральский и особенно послеоктябрьский периоды 1917 г. объективно способствовали развязыванию гражданской войны в России.

В историографии продолжает оставаться слабо изученной проблема взаимодействия социалистических партий с массовыми организациями (Всероссийским Крестьянским союзом, Всероссийским Железнодорожным союзом, Всероссийским почтово-телеграфным союзом, Всероссийским союзом учителей и т. д.) [1; 4; 6; 10; 13; 14; 15]. Как это ни парадоксально, но социалистические партии эту проблему так и не могли до конца разрешить. Первоначальные попытки эсеров и социал-демократов подчинить массовые организации своему идейно-политическому влиянию, проще говоря, установить над ними свой партийный контроль, постоянно наталкивались на сопротивление объединений, предпочитавших идти самостоятельным путем.

Партийные «генералы» и подчиненная им «армия» – в историографии соотношение этих сил до сих пор не вполне исследовано. Это же вопрос не только организационного, но в первую очередь интеллектуального взаимодействия. Всероссийские партии генерировали идеи, программные документы, законопроекты, но при этом чаще всего не имели очерченной социальной базы. Классик «партологии» М. Дюверже полагал, что партии могут существовать и без идеологической платформы. Это, в первую очередь, ситуативное объединение, возникающее ради победы на выборах [3, с.23–29; 8, с.303–304]. Вероятно, для Франции середины XX столетия такое понимание партии вполне адекватно политической практике. Однако в России начала XX в. все было иначе. Все партии были идеологичными. У их истоков практически всегда стоял интеллектуальный клуб или периодическое издание. Так, не было бы Союза русского народа без Русского собрания [9]. Огромную роль в консолидации будущих кадетов сыграл журнал «Освобождение». О значении газеты «Искра» в деле формирования Российской социал-демократической рабочей партии хорошо известно [24; с.229–230].

Большинство партий боялось отождествления себя с классовыми или сословными интересами (пожалуй, за исключением социал-демократов и части прогрессистов). Они предпочитали представлять нацию в целом и говорить от ее имени. Показательно поведение кадетов и октябристов, которые, по мнению социал-демократов, будто бы отстаивали интересы крупной буржуазии. Кадеты категорически отрицали всякую связь с ней, были нарочито антибуржуазны в своей политике и, тем более, ри-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

торике. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать программу партии с ее проектами широких социальных преобразований. Еще более характерен случай октябристов. За время работы Третьей Думы они окончательно поссорились с московским предпринимательством, хотя вроде бы именно его представители стояли во главе «Союза 17 октября». Тем не менее решения фракции принимались без учета купеческих интересов [38, р.86–88; 43; 44. р.137–147].

Такое положение политических партий имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, они мало зависели от лоббистских групп, с другой, – они не могли на них опереться.

Представляя имущественные интересы, партии и фракции пытаются договориться с оппонентами. Говоря от имени истины, они нацелены на конфликт. По словам американского экономиста Д.Норта, «существует тесная связь между

Депутаты Первой Государственной думы.
Представители Тверской губернии.
В центре – Ф.И.Родичев и И.И.Петрункевич

системами убеждений и институциональным каркасом. Системы убеждений включают в себя внутреннюю репрезентацию социального ландшафта. Институты являются теми структурами, которые люди накладывают на этот ландшафт для получения желаемого результата. Соответственно, системы убеждений являются внутренними репрезентациями, а

институты – внешними проявлениями этих репрезентаций» [22; с.80]. Рассуждая об этом, Норт исходил из того, что в рамках определенной культуры социальный ландшафт в целом описывается единообразно. Споры возникают лишь о том, как его освоить.

Российский опыт начала XX в. доказывает уместность и обратной логики. «Неевклидова геометрия» русской общественной мысли исключала одномерность пространства, пускай даже и социального. Оно рассматривалось в разных проекциях, когда точки зрения мыслителей могли и вовсе не пересекаться. В сущности, речь идет об альтернативных проектах конструирования России. В рамках враждебных друг другу идеологических моделей приходилось искать место и для возникавших институтов, порой на практике ломавших весь прежний правовой уклад. Естественно, и они понимались не тождественно. Им приписывалась различная социальная природа, политическое значение, сфера компетенции.

Идеологочентричные партии в чем-то напоминали сектантские группы. Они были уверены в исключительной правоте собственной программы и не сомневались в том, что она рано или поздно будет реализована. Значительная часть политического класса брала историю себе в союзники. Пускай у той или иной партии пока было мало сторонников. Успехи ее оказывались весьма скромными. Однако сама логика политического (или, может быть, социально-экономического) процесса вела ее к неминуемой победе. При таких обстоятельствах компромисс был в принципе невозможен. Речь шла о тотальной победе лишь одной концепции, что, впрочем, в итоге и случилось. Иными словами, конфликтность, характерная для партий вообще, в российских условиях приобрела эсхатологический характер.

К числу недостаточно исследованных проблем истории политических партий следует отнести их пропагандистскую деятельность в различных социальных слоях, ее формы и методы. Был бы крайне полезен фронтальный анализ печатной продукции политических объединений, в которой в популярной и доступной форме излагались цели и задачи, преследуемые каждым из них. Предельная доступность изложения, ориентированная, прежде всего, на уровень «зрелости» массового сознания, с неизбежностью вела к упрощению концептуальных установок и программных положений. Они нередко превратно воспринимались избирателем.

Кроме того, стоит вопрос о «тактической философии» политических партий. Она, пожалуй, значит не меньше программных установок. Вы-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

бор средств борьбы обуславливался социальным опытом, мировоззрением, в конце концов, темпераментом общественных деятелей. Россия была страной разных, зачастую несхожих политических культур. Следуя одной тактической линии, партия тем самым «маркировала» свою принадлежность к определенному типу политического поведения. В ряде случаев политические активисты присоединялись к объединению, ориентируясь в большей степени на тактику, нежели на программу. Соответственно, в российских условиях «тактическая философия» менялась долго и непросто. Нередко получалась так, что инициативное меньшинство не успевало скорректировать тактику, ориентируясь на ошибочный прогноз развития ситуации. В итоге партия оказывалась в хвосте быстротекущих событий, проигрывая тем самым своим более счастливым конкурентам, которые порой оказывались более дальновидными, а иногда просто более циничными. Так или иначе подавляющее большинство политических партий не выдержало конкуренции со стороны своих идейных противников и сошло с «политической дистанции». В 1917 г. это случилось со значительной частью правоконсервативных и либеральных партий. Они покорно покинули историческую сцену, оставив ее в распоряжение преимущественно социалистических объединений. Такой расклад сил в стране был отражением логики предшествующего пореформенного развития, когда перспективные возможности ее эволюции определялись демократическим и социалистическим инициативным меньшинством.

История политических партий России начала XX в. – тема весьма обширная, образно говоря, неисчерпаемая, как атом. Она стоит дальнейших размышлений. В частности, к этому подталкивает несуразная современная российская многопартийность. При всех закономерностях ее формирования как исторического явления, национальные особенности в каждом конкретном случае дают о себе знать и накладывают на эти процессы свою бросающуюся в глаза специфику. В российских реалиях они проявляются с особой силой.

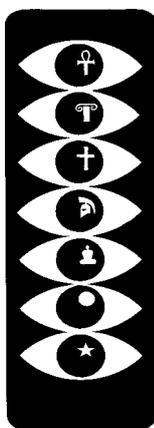
Библиографический список

1. 1905. Профессиональное движение. Материалы и документы. Москва – Ленинград, 1926.
2. Аптекман О.В. Партия Народного права // Былое. 1907. №7/19.
3. Дюверже М. Политические партии. Москва, 2000.
4. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции, Москва, 1966.

5. Зелдин Т. Франция, 1848–1945. Екатеринбург, 2004.
6. Зубков И.В. Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию (1905–1908 гг.) // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. редактор А.С.Туманова. Москва, 2011.
7. История политических партий России / отв. ред. А.И.Зевелев. Москва, 1994.
8. Категории политической науки / Мельвиль А.Ю. и др. Москва, 2002.
9. Кириянов Ю.И. Русское собрание, 1900–1917. Москва, 2003.
10. Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. Москва, 1985.
11. Кононенко А.А. Современная российская историография партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2004. №4.
12. Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. №4.
13. Кураев А.Н. Россия на пути к гражданскому обществу. Массовые общественные организации в период революции 1905–1907 годов. Москва, 2008.
14. Куреньшев А.А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. Москва – Санкт-Петербург, 2004.
15. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. Москва, 1981.
16. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. Москва, 1997.
17. Линдеман К.Э. Письмо А.И.Гучкову // Государственный архив Российской Федерации. Ф.102. Оп.265. Д.984.
18. Мартов Ю.О. История российской социал-демократии // Избранное. Москва, 2000.
19. Модели общественного переустройства России, XX век / отв. ред. В.В.Шелохаев. Москва, 2004.
20. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. Москва, 1998.
21. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. Москва, 2012.
22. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Москва, 2010.
23. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы, 1906–1916 гг. / сост. Н.Б.Хайлова. Москва, 2002.
24. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / отв. ред. В.В.Шелохаев. Москва, 1996.
25. Савельев П.Ю. Генезис РСДРП: Историография и источники. Москва, 2016.
26. Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. Москва, 2009.
27. Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в Советской России: Источники и историография. Казань, 2007.
28. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. Москва, 2002.
29. Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. Москва, 1997.
30. Тютюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. №6.
31. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. Москва, 1996.
32. Хобсбаум Э. Век революции. Европа, 1789–1848. Ростов н/Д, 1999.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

33. Шаховской Д.И. Выписки из протоколов кружка «Беседа» // Рукописный отдел Института российской литературы. Ф.332. Д.651.
34. Шаховской Д.И. «Союз освобождения» // Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. Москва, 2001.
35. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Москва, 1985.
36. Шелохаев В.В. На разные темы. Москва, 2016.
37. Широкова В.В. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов, 1972.
38. Brainerd M.C. The octobrists and the gentry, 1905–1907: leaders and followers? // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington – London, 1979.
39. Emmons T. The Formation of Political Parties and the first National Elections in Russia. Cambridge, 1983.
40. Fischer G. Russian liberalism from gentry to intelligentsia. Cambridge, 1958.
41. Fröhlich K. The emergence of Russian constitutionalism, 1900–1904. L., 1981.
42. Galai S. The liberation movement in Russia, 1900–1905. Cambridge, 1973.
43. Galai S. The True Nature of Octobristism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol.5. 2004, #1.
44. Pinchuk B.C. The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle – London, 1974.

Владимир Невежин

**ПРАЗДНИК ПОСРЕДИ
ВОЙНЫ:**

**годовщина
Октябрьской революции
в восприятии союзников
(1943 г.)**

УДК
329.3:297

Статья посвящена сюжету, мало исследованному в историографии. В центре внимания автора – события, связанные с празднованием Октябрьской годовщины в военной Москве (6–7 ноября 1943 г.). Рассказывается о реакции западных союзников на доклад И.В.Сталина, произнесенный на торжественном собрании в Кремле 6 ноября. Описывается праздничный прием в Доме приемов НКВД 7 ноября с участием представителей советской политической и военной элиты, деятелей литературы и искусства, а также иностранных дипломатов. В качестве источников использованы архивные материалы, опубликованные дипломатические документы, мемуары и дневники современников и участников событий (А.Верта, Г.Солсбери, И.М.Майского, И.Г.Эренбурга).

The article describes the events that are not well studied in historiography. It is focused on the celebration of the October Revolution anniversary in the war time Moscow (November 6–7, 1943). It represents the reaction of the Western allies to the speech of Joseph Stalin, made at the reception in the Kremlin on November 6. It also shows a representational meeting at the Reception House of the Narkomat for Foreign Relations (NKVD) on November 7 with participation of the Soviet political and military elite, writers, artists, as well as foreign diplomats. Among the sources used are archival materials, diplomatic documents, memoirs and diaries of the contemporaries and participants Alexander Vert, Harrison Evans Salisbury, Ivan Maisky and Ilya Ehrenburg.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; Октябрьская годовщина; антигитлеровская коалиция; союзники; И.В.Сталин; Кларк Керр; дипломатический прием.

Key words: the Great Patriotic War of 1941–1945; October anniversary; Anti-Hitler coalition; Josef Stalin; Clark Kerr; diplomatic reception.

E-mail: nevva@mail.ru

В Советском Союзе годовщина Октябрьской революции 1917 г. имела статус главного государственного праздника. Отмечалась она не только в мирный период, но и во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хорошо известны события, связанные с этой годовщиной, которые происходили в Москве в драматические дни 6–7 ноября 1941 г., когда германские войска стояли у ее ворот. Однако в исследовательской литературе мало внимания уделено вопросу о праздновании Октябрьской годовщины в 1943 г., имевшем место в самый разгар вооруженного противоборства, которое вел СССР совместно с союзниками по антигитлеровской коалиции против нацистской Германии и ее сателлитов.

В предлагаемой статье предпринята попытка заполнить данный пробел. Основными источниками, которые использовал автор при ее написании, явились архивные материалы [1]¹; опубликованные дипломатические документы [2, 3]; дневники [4, 6] и мемуары [5] современников и участников событий.

Порядок октябрьских торжеств В исследовательской литературе отмечены основные составные части советского праздника. Первая часть – торжественные собрания, вторая – военный парад, призванный продемонстрировать силу Красной армии, и третья – разного рода вечера, зачастую сопровождавшиеся застольями [20]. В полном соответствии с этим общим порядком празднование в Москве Октябрьской годовщины имело свой сложившийся порядок и состояло из четырех частей (актов). Первый акт – торжественное заседание вечером 6 ноября в Большом театре. До начала Великой Отечественной войны доклады на торжественных заседаниях, посвященных очередной годовщине, делал глава Советского правительства (с 1939 г. – одновременно народный комиссар иностранных дел СССР) В.М.Молотов. Сталин, не занимавший до 6 мая 1941 г. никаких официальных государственных должностей, лишь присутствовал (как и остальные члены Политбюро, народные комиссары и сотрудники наркоматов, представители общественности Москвы) на такого рода заседаниях. В качестве почетных гостей приглашались иностранные дипломаты (главным образом, послы). С докладом на тор-

¹ При написании статьи использовались материалы интернет-публикации «СССР и союзники. Документы архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» (URL: agk.mid.ru).

жественном заседании выступал глава Советского правительства В.М.Молотов.

Второй акт празднества – военный парад на Красной площади, который устраивался утром 7 ноября; третий акт – праздничная демонстрация, в колоннах которой в течение нескольких часов перед мавзолеем Ленина проходили сотни тысяч советских граждан. На мавзолее в продолжение всего времени проведения парада и демонстрации находились И.В.Сталин и его соратники (члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б)). На гостевых трибунах у мавзолея размещались представители советской элиты и общественности Москвы, а также зарубежные дипломаты.

Четвертый, завершающий акт октябрьских торжеств в Москве имел место поздним вечером 7 ноября. В Доме приемов Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) на ул.Спиридоновка, 17, в особняке, который был построен по проекту известного архитектора Ф.О.Шехтеля, от имени главы советского внешнеполитического ведомства В.М.Молотова устраивался большой прием. На приеме присутствовало высшее партийное и государственное руководство СССР, народные комиссары, деятели науки, литературы и искусства, советские и иностранные дипломаты. Он сопровождался концертом, программа которого состояла в основном из музыкальных произведений, исполнявшихся известными скрипачами, пианистами и вокалистами. Празднование завершалось далеко за полночь роскошным застольем (банкетом).

Сталин на дипломатических приемах, которые проходили на Спиридоновке, не присутствовал.

С началом Великой Отечественной войны порядок празднования Октябрьской революции, естественно, изменился. 6 и 7 ноября 1941 г. этот праздник отмечался в советской столице по «сокращенной программе». Торжественное заседание было устроено не в Большом театре, а, в целях безопасности, глубоко под землей, в метро, на станции Маяковская. С докладом на нем выступил И.В.Сталин (еще в мае 1941 г. он сменил В.М.Молотова на посту Председателя СНК СССР). Рано утром 7 ноября 1941 г. на Красной площади прошел военный парад. Участвовавшие в нем войска прямо с парада отправились на боевые позиции, поскольку немцы продолжали свои попытки прорваться в Москву. Понятно, что никакого приема (банкета) не устраивалось, так как враг продолжал непосредственно угрожать советской столице.

ПРАЗДНИК ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

В следующем 1942 г., когда немецкие войска находились еще сравнительно недалеко от Москвы, И.В.Сталин решил провести торжественное заседание, посвященное 25-летию Октябрьской революции, в Кремле. Сотрудник военного отдела газеты «Правда» Л.К.Бронтман, на несколько дней приехавший с фронта, 21 ноября 1942 г. записал в дневнике, что в Москве с нетерпением ждали, когда наступит 6 ноября. «Будет или нет торжественное заседание? Выступит или нет т. Сталин?», – задавались вопросом москвичи. Наконец, выяснилось, что торжественное заседание, посвященное Октябрьской годовщине, состоится вечером в Большом Кремлевском дворце. Л.К.Бронтман не получил приглашения на это заседание, а сталинский доклад на нем прослушал по радио. Члены редколлегии «Правды» ждали известия о праздничном параде, который, однако, не состоялся [4, с.84–85].

Празднование следующей 26-ой Октябрьской годовщины проходило под воздействием коренного перелома в войне, ознаменовавшегося грандиозными победами Красной армии в Сталинградском и Курском сражениях, а также под знаком укрепления всестороннего сотрудничества СССР, Великобритании и США в рамках антигитлеровской коалиции. С 19 по 30 октября 1943 г. в Москве проходила вторая союзническая конференция министров иностранных дел трех великих держав. Советскую делегацию на ней возглавлял В.М.Молотов, американскую – государственный секретарь К.Хэлл, британскую – министр иностранных дел А.Иден. Главы внешнеполитических ведомств «большой тройки» за столом переговоров обсуждали важнейшие вопросы дальнейшего ведения войны против Германии и ее сателлитов, а также различные проблемы послевоенного устройства мира. Были созданы предпосылки для организации встречи «в верхах» лидеров СССР, Великобритании и США (И.В.Сталина, Ф.Д.Рузвельта и У.Черчилля), которая состоялась месяц спустя в ходе Тегеранской конференции.

Не случайно содержание сталинского доклада на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся, посвященном 26-й годовщине Октябрьской революции, было воспринято с большим вниманием как советскими людьми, так и западными союзниками по антигитлеровской коалиции.

Сталинский доклад

Тематически сталинский доклад 6 ноября 1943 г. состоял из трех составных частей. Первая часть была названа «Год коренного перелома в ходе войны». И.В.Сталин впервые

ввел термин «год коренного перелома» применительно к 1943 г., перечислив основные операции и сражения на советско-германском фронте, закончившиеся в пользу Красной армии. Главными из них являлись Сталинградская и Курская битвы.

По словам Сталина, Красная армия в начале года перешла в наступление и «уже не выпускала больше [стратегической] инициативы из своих рук». В результате этого наступления, – отмечалось в сталинском докладе, – она прошла с боями на запад от 500 до 1300 км и освободила 2/3 советской территории, временно оккупированной врагом. Верховный главнокомандующий также акцентировал внимание на том, что в результате наступательных операций переломного года войны боеспособность вермахта ослабела, а Красная армия, особенно по сравнению с трагическим периодом 1941–1942 гг., приобрела новый боевой опыт и значительно окрепла. Германская экономика после освобождения советскими войсками ранее оккупированных немцами территорий СССР потеряла возможность использования их промышленных и сельскохозяйственных ресурсов (угля, продуктов питания). Все это, – делал вывод Сталин, – значительно ухудшило «хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии».

Следующий раздел сталинского доклада 6 ноября 1943 г. назывался «Всенародная помощь фронту». В нем подчеркивалось, что достижение Красной армией успехов было невозможно без «самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве». Сталин отметил вклад в дело достижения побед на фронте рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. По его словам, советский социальный строй «оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема СССР в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время». Созданная за 26 лет до этого советская власть, – утверждал далее Сталин, – в короткий исторический срок превратила страну «в несокрушимую крепость».

Касаясь германского оккупационного режима, временно установившегося на захваченных врагом территориях СССР, И.В.Сталин выразил уверенность в том, что преступления оккупантов (прежде всего, массовое истребление мирного населения, варварское разрушение городов и сел) не останутся ненаказанными. «Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!» – подчеркнул Сталин.

Он также отметил, что в разрушенных оккупантами районах СССР предстоит возродить города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, учреждения культуры. Сталин поставил цель «полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев» на этих землях.

Последний, третий раздел доклада Сталина был озаглавлен следующим образом: «Укрепление антигитлеровской коалиции. Развал фашистского блока». В этой части доклада освещался внешнеполитический аспект событий 1943 г., переломного не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. Победные сражения привели к консолидации отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции, а боевое содружество их армий, вопреки ожиданию противника, «окрепло и упрочилось». Об этом, по мнению Сталина, свидетельствовали также исторические решения Московской конференции трех союзных держав (СССР, Великобритании и США), состоявшейся в октябре 1943 г.

Сталин констатировал, что удары Красной армии по немецко-фашистским войскам были поддержаны боевыми действиями союзников в Северной Африке и в бассейне Средиземного моря. Они продолжали подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии, тем самым ослабляя ее боевую мощь. Если, – продолжал свою мысль Сталин, – добавить к этому то обстоятельство, что союзники регулярно снабжают СССР различным вооружением и сырьем, то они значительно «облегчили успехи» летней кампании Красной армии.

Поражения вермахта на советско-германском фронте в сочетании с ударами с запада, осуществлявшимися союзническими войсками, по словам Сталина, «потрясли все здание фашистского блока», которое начало разваливаться буквально на глазах.

И.В.Сталин уверял, что гитлеровская Германия и ее вассалы «стоят накануне катастрофы». Победа союзных стран поставит на очередь «важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов». Решение этих назревших проблем должны будут взять на себя СССР и его союзники [7].

И.М.Майский, который был в течение десяти лет советским послом в Лондоне, по возвращении в Москву в дневниковой записи от 6 ноября 1943 г. излагал свои впечатления от праздничного торжественного заседания и сталинской речи на нем. Оно было устроено в Большом Кремлевском дворце, в Зале заседаний Верховного Совета СССР. Количество приглашенных превысило 2000 чел. Находясь в качестве почетного

гостя в ложе президиума торжественного заседания, И.М.Майский хорошо разглядел И.В.Сталина, выступавшего с трибуны. Тот был в маршальском мундире, голову покрывала седина, но, по мнению Майского, и маршальский мундир, и седина лишь усиливали общий эффект, подчеркивая силу и уверенность Сталина.

«Внешнеполитическая часть доклада, – отмечал И.М.Майский, – была построена в духе умеренного оптимизма по отношению к союзникам [по антигитлеровской коалиции] и их помощи СССР. Появился новый термин – "нечто вроде открытия второго фронта"» [6, с.323–324].

Следует напомнить, что Великобритания и США к тому времени еще не выполнили своего обещания об открытии второго фронта в Европе, данного советскому руководству летом 1942 г. В этих условиях, если следовать рассуждениям И.М.Майского, упомянутый сталинский термин, который был озвучен в докладе 7 ноября 1943 г., как бы охватывал собой «военные операции союзников в районе Среди[земного] моря, а также воздушные бомбардировки Германии и снабжение СССР оружием и материалами».

«Думаю, что англо-американцы останутся довольны, особенно с учетом того, что Сталин назвал решения Московской конференции "историческими"», – заключал И.М.Майский [6, с.324].

В какой-то степени опытный советский дипломат оказался прав в своих суждениях относительно содержания сталинской речи на торжественном заседании, приуроченном к годовщине Октябрьской революции.

7 ноября 1943 г. А.Гарриман² направил госсекретарю США К.Хэллу телеграмму, в которой излагал впечатление от речи И.В.Сталина, произнесенной по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской революции. Гарриман особо отметил ту часть сталинского доклада, в которой давалась оценка военных усилий союзников СССР по антигитлеровской коалиции на юге Европы (в Италии) и в Средиземном море. Он даже счел необходимым привести отрывок из выступления Сталина 6 ноября 1943 г., в котором характеризовались военные усилия Великобритании и США: «Конечно, нынешние действия союзных армий на юге Европы не могут еще рассматриваться как второй фронт. Но это все же нечто вроде второго фронта. Понятно, что открытие второго фронта в Европе, кото-

² *Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – американский политический деятель, дипломат. Советник президента США Ф.Д.Рузвельта по финансовым и промышленным делам. Посол Соединенных Штатов в Советском Союзе (октябрь 1943–апрель 1946).*

рое не за горами, значительно ускорит победу над гитлеровской Германией и еще более укрепит боевое содружество союзных государств» [4, р.595].

В свою очередь, британский посол А.К.Керр во время беседы с В.М.Молотовым, состоявшейся вечером 8 ноября 1943 г., высоко оценил речь И.В.Сталина и далее заявил: «[...] Доклад будет весьма приятным фактом для союзников и весьма неприятным – для немцев». Молотов выразил согласие с этим высказыванием британского дипломата [1, ф.06. оп.5. п.3. д.35. л.3; п.17. д.160. л.44].

Наркомовский дресс-код

В 1943 г., в ходе общей кампании по введению нового обмундирования и знаков различия в Вооруженных Силах и госучреждениях СССР, была утверждена дипломатическая форма

для сотрудников внешнеполитического ведомства. 28 мая Совет народных комиссаров СССР принял на сей счет специальное постановление. Согласно этому постановлению, вводилась повседневная и парадная форменная одежда для работников НКВД и дипломатических сотрудников советских посольств и миссий СССР за границей. Ношение парадной формы дипломатами предписывалось, в частности, на торжественных приемах и банкетах у председателя СНК СССР и народного комиссара иностранных дел. В соответствии с постановлением СНК СССР дипломатическая форма и знаки различия официально вошли в обиход с 1 ноября 1943 г. [11, с.83; 15, с.145–146].

Факт введения нового дресс-кода Наркоминдела произвел большое впечатление на его сотрудников. 5 ноября И.М.Майский записал в дневнике: «Сегодня впервые надел новую форму, установленную для НКВД. Но все-таки чувствую себя как-то неловко [...] Вся жизнь прошла в штатском. И вот теперь почти в 60 лет опять надел форму. Естественно, что выходит как-то не по себе. Придется привыкать. И еще: чин у меня высокий, погоны маршала, все окружающие и встречные невольно обращают на меня внимание. Военные берут под козырек. Тоже неправильно и неловко» [6, с.323].

Дипломаты союзных стран немедленно обратили внимание на то, что руководящий состав советского дипломатического ведомства получил новую, необычную и красивую форму одежды.

5 ноября 1943 г. В.М.Молотов имел 40-минутную беседу с А.Гарриманом, в начале которой американский посол заявил, что «на

него произвела большое впечатление новая форма Наркоминдела». Далее в записи беседы говорилось: «Он [Гарриман] даже думает, что его костюм не вполне соответствует обстановке». На это В.М.Молотов ответил: «[...] Гарриман может, конечно, надевать любой костюм, но он, Молотов, очевидно, не будет каждый день носить форму, но сегодня он вместе с другими своими коллегами по Наркоминделу впервые надел форму» [3, док. №551, с.279].

В ходе следующего визита к В.М.Молотову А.Гарриман выразил надежду на то, что 7 ноября сможет увидеть Молотова на праздничном приеме, но признался, что не имеет фрака и не знает, как ему быть. На это глава советского внешнеполитического ведомства ответил: «[...] Он, Гарриман, может прийти [на прием] в том костюме, какой он имеет» [3, док. №551, с.291].

Прием на Спиридоновке

И.М.Майский отмечал в дневнике, что ни военного парада, ни демонстрации на Красной площади 7 ноября 1943 г. не проводилось. Он остроумно заметил по этому поводу: «[...]

Нет надобности давать немцам хороший объект для воздушной бомбардировки». В этой же дневниковой записи отмечено, что 7 ноября в 20:30 «Молотов устроил большой прием для дипкорпуса» [6, с.325].

В период Великой Отечественной войны неоднократно проходили дипломатические приемы, являвшиеся не только обязательными протокольными действиями, но и одной из практиковавшихся советским руководством специфических форм общения в политической среде. Так, в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца устраивались пышные обеды от имени главы Советского правительства И.В.Сталина в честь лидеров и представителей стран антигитлеровской коалиции (В.Андерса, Э.Бенеша, Ш.де Голля, И.Б.Тито, З.Фирлингера, У.Черчилля, Г.Гопкинса, Дж.Дэвиса, А.Идена, У.Уилки, К.Хэлла и других). Участниками таких обедов являлись наряду со Сталиным члены Политбюро ЦК ВКП(б), представители высшего командования Красной армии и Военно-Морского Флота, руководство Народного комиссариата иностранных дел. Всего с 1 октября 1941 г. по 13 августа 1945 г. имело место 21 застолье такого рода [16, с.141].

Что касается приемов на Спиридоновке, то после начала Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией дипломатического корпуса в Куйбышев, они временно перестали проводиться. Лишь по возвраще-

нии дипломатических представителей иностранных государств из Куйбышева в Москву эта практика была возобновлена. Так, 31 августа 1943 г. В.М.Молотов принимал их на Спиридоновке [18, с.147].

На праздничном банкете 7 ноября 1943 г., по сведениям И.М.Майского, присутствовало свыше 500 человек [6, с.325]. Для сравнения, наибольшее число приглашенных на дипломатический прием в Кремль составляло 100 человек (1 октября 1941 г.); в других случаях их количество колебалось от 30 до 70 человек [16, с.146].

На прием 7 ноября 1943 г. на Спиридоновку пригласили, в частности, сотрудников НКВД («завотделами и ряд других ответственных работников»). Все они, кроме В.М.Молотова, пришли «с женами». От Народного комиссариата обороны СССР присутствовали маршалы К.Е.Ворошилов и Б.М.Шапошников, генералы Ф.И.Голиков и А.И.Астахов, другие военачальники. Прибыл также народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г.Кузнецов. Народный комиссариат внешней торговли представляли высокопоставленные сотрудники во главе с наркомом А.И.Микояном.

СOLIDНЫМ было на банкете 7 ноября 1943 г. и представительство деятелей литературы и искусства: писатели (А.Н.Толстой, И.Г.Эренбург); артисты театра и кино (И.М.Москвин, Н.П.Хмелев), художники (П.П.Кончаловский), композиторы и музыкальные исполнители (Д.Д.Шостакович, Д.Ф.Ойстрах, В.В.Софроницкий).

Майский с гордостью отметил в дневнике, что Молотов, его заместители по НКВД, все заведующие отделами и ряд других ответственных работников наркомата сияли новой формой, которая была введена 5 ноября 1943 г. [6, с.325].

И.Г.Эренбург в своих воспоминаниях так характеризовал состав гостей на приеме 7 ноября 1943 г.: «[...] Собрались члены правительства [СССР], дипломатический корпус, генералы, писатели, актеры, журналисты...». «Советские дипломаты, – как подчеркивал Эренбург, – были одеты в только что придуманные мундиры. Военные атташе различных посольств сверкали золотом. Груды генералов изнемогали от орденов». В числе деятелей литературы и искусства, присутствовавших на приеме, И.Г.Эренбург упоминал художника П.П.Кончаловского, писателей А.Н.Толстого, явившегося во фраке, и М.И.Алигер, а также певца И.С.Козловского [10, с.415–416].

А.Верт³ отмечал в своих мемуарах, что упомянутый прием оказался самым большим за всю войну. На нем блистали «десятки звезд из литературной, музыкальной, художественной, научной и театральной сфер» [5, с.527].

Неизвестно, присутствовал ли А.Верт на этом приеме. Скорее всего, он входил в число приглашенных на торжество иностранных журналистов и позднее сообщал в своих мемуарах подробности происходившего на банкете. Свидетельство А.Верта существенно дополняют информация, содержащаяся в дневнике И.М.Майского, в официальной переписке, а также в воспоминаниях других, советских и иностранных, участников праздничного приема, устроенного 7 ноября 1943 г. В.М.Молотовым на Спиридоновке.

8 ноября А.Гарриман сообщал в Вашингтон, что этот прием был поистине грандиозным. Как и Майский, Гарриман определял количество приглашенных в 500 человек. Особо отметил американский дипломат присутствие представителей советской элиты высокого ранга, командования Красной армии и Военно-Морского Флота. Руководящий состав Наркомата иностранных дел, как отмечал А.Гарриман, «был одет в новую, замечательную униформу, скроенную в военном стиле и покрытую золотым шитьем». Ему бросилось в глаза и то, что представители советской элиты прибыли на праздничный прием 7 ноября 1943 г. со своими супругами. По словам А.Гарримана, присутствовало «большое количество советских жен, которых дипломатический корпус раньше никогда не видел» [4, р.495–496; 18, с.156–157]. В связи с этим следует отметить, что на дипломатические рауты, которые устраивались от имени И.В.Сталина в Кремле в период Великой Отечественной войны, женщины не приглашались.

Атмосфера на приеме 7 ноября 1943 г. в целом была дружеской; особенно это касалось американцев и англичан, которые высказывали удовлетворение итогами Московской конференции и успешными боевыми действиями Красной армии на советско-германском фронте.

На этом фоне бросалась в глаза явная изоляция японских дипломатов [4, р.595–596]. Великобритания и США, союзники по антигитлеровской коалиции, в то время уже находились в состоянии войны с Японией, а СССР еще был связан с ней договором о нейтралитете от 13 апреля

³ Верт Александр (1901–1969) – британский журналист. Родился и до 1917 проживал в России. Корреспондент газеты «Санди Таймс» и радиокompании Би-Би-Си в СССР (1941–1946).

1941 г. А.Верт отмечал: «Первыми с приема ушли японские дипломаты, которых принимали подчеркнуто холодно...» [5, с.527].

Когда съехались все гости, начался большой концерт, в программе которого были выступления ведущих артистов Москвы [6, с.323]. Апофеозом приема 7 ноября 1943 г. на Спиридоновке, по установившейся традиции, стал роскошный банкет.

В роли хозяина стола (тамады) на этом банкете по традиции выступал В.М.Молотов. Следует отметить, что подобная роль отводилась ему И.В.Сталиным и на дипломатических приемах в Кремле, которые устраивались в честь союзников по антигитлеровской коалиции в период Великой Отечественной войны.

Гости расположились в двух залах: те, кто был рангом выше, разместились в красном зале; остальные – в дальнем зале. Майский с супругой Агнией оказались в «заветном» красном зале. И.М.Майский свидетельствовал: «Стоп ломился от всяких яств и напитков. Дипломаты уплетали за обе щеки. Хозяева подливали им [алкоголь] щедро. Некоторые быстро опьянели» [6, с.324].

Со своей стороны, А.Верт констатировал: «Прием был устроен шикарней, и пили на нем непомерно много» [5, с.527].

Как ни прискорбно, но пристрастие к алкоголю сыграло на этом роскошном банкете злую шутку с британским послом А.К.Керром.

Казус Керра

В отличие от своего предшественника Ст.Криппса⁴ и американского коллеги А.Гарримана, А.К.Керр обладал огромным дипломатическим опытом. Рожденный в Австралии, но по происхождению шотландец, Керр в возрасте 24-х лет поступил на службу в Форин оффис. Работал в английских посольствах в ряде стран: Германии, США, Италии, Иране, Марокко, Египте, Гватемале, Швеции, Ираке и Китае. По инициативе У.Черчилля в январе 1942 г. был назначен британским послом в СССР и занимал этот пост до 1946 г. [14, с.34–35].

28 марта 1942 г. состоялась первая официальная встреча А.К.Керра с И.В.Сталиным. Эта встреча происходила в бомбоубежище Кремля. В своем послании, направленном 29 марта 1942 г. на имя Черчилля, Ста-

⁴ Криппс Стаффорд (1889–1952) – британский дипломат. Посол Великобритании в СССР (май 1940 – январь 1942).

лин с удовлетворением отмечал: «Я имел беседу с г-ном Керром, и у меня создалось убеждение, что наша совместная работа будет протекать в атмосфере полного взаимного доверия» [2, док.№122, с.253].

Позднее, 25 января 1946 г., в заключительном разговоре со Сталиным, состоявшемся перед тем, как А.К.Керр навсегда покинул СССР, британский дипломат признался, что «был очень благодарен немцам за то, что они устроили тогда налет на Москву, потому что благодаря этому он [...] имел возможность беседовать с Генералиссимусом Сталиным⁵ в течение 2 ½ часов» [12, с.65].

Судя по всему, Керр являлся незаурядной личностью. Г.Солсбери⁶ свидетельствовал: «Кларк Керр был единственным известным мне человеком, который писал гусиными перьями и, как и в XVIII веке, нюхал табак из маленькой серебряной коробочки [...] Он сам чинил эти перья, хранил их в стеклянной гильзе на столе и посыпал написанные густыми темными чернилами письма песком».

Керр содержал цыплят в заднем углу двора британского посольства в Москве и даже собственноручно «вскопал огород и посадил овощи под окнами своего кабинета. Он запросто мог выйти с лопатой в руке и в наброшенной на плечи рубашке навстречу "одетому в свою новую форму советскому дипломату"». Это поведение было непонятно, и в конце концов, как утверждал Г.Солсбери, его русские коллеги «решили, что он один из "сумасшедших англичан", о которых они читали у Тургенева, этакая эксцентричная особа, которая обладает огромной властью и несметными богатствами, – конечно же, герцог, скрывающийся под одним из менее звучных титулов» [7, с.252].

Если говорить о «звучных титулах», то А.К.Керр действительно был удостоен звания Рыцаря Великого Креста ордена Святого Михаила и Святого Георгия (1942; с 1935 г. – рыцарь-командор). Этот орден занимает шестую позицию по старшинству в британской системе наград.

Находясь на дипломатической службе в Москве, А.К.Керр при каждом удобном случае подчеркивал свое восхищение Сталиным. Так, 26 сентября 1942 г. на банкете в Кремле, устроенном в честь У.Уилки, личного посланника президента США Ф.Д.Рузвельта, британский посол заявил, что «давно», т.е. еще до своего назначения в СССР, восхищался Сталиным, «особенно его прямоотой» [1, ф.06. оп.5. п.12. д.113. л.20].

⁵ И.В.Сталин стал Генералиссимусом в 1945 г.

⁶ Солсбери Гаррисон Эванс (1908–1993) – американский журналист. Глава агентства Юнайтед пресс интернэйшнл (ЮПИ) в Москве (январь 1944–1945).

Речь А.К.Керра в официальных беседах с И.В.Сталиным и В.М.Молотовым, как отмечала И.В.Быстрова, «изобиловала всплесками английского юмора» [12, с.66].

Однако далеко не все дипломаты союзных стран, находившиеся либо прибывавшие в СССР во время Великой Отечественной войны и имевшие возможность встречаться со Сталиным, разделяли чувство восхищения им. Среди них были и такие, кто давал советскому лидеру более критические, чем А.К.Керр, личностные характеристики. Здесь можно назвать, в частности, Дж.Кеннана и Ч.Болену.

Между тем сам Керр по прибытии в начале 1942 г. в Куйбышев, где находился в эвакуации дипломатический корпус, испытал культурный шок, который не прошел и после того, как он переехал в Москву. 19 апреля 1943 г. А.К.Керр пригласил к себе на завтрак Гиббонса, корреспондента газеты «Дейли Уоркер», печатного органа английских коммунистов, что само по себе было сенсацией. Между Керром и Гиббонсом состоялась продолжительная беседа, письменный отчет о которой последний переслал Генеральному Секретарю Исполкома Коммунистического Интернационала Г.М.Димитрову. В свою очередь, Димитров переправил эту информацию Молотову [1, ф.06. оп.5. п.14. д.129. л.33].

Как следует из отчета Гиббонса, в беседе за завтраком поднимались различные темы. Оба собеседника были по национальности шотландцами, что, несомненно, способствовало оживленному диалогу между ними.

А.К.Керр, в частности, посетовал на то, что, к большому сожалению, еще довольно мало знаком с Советской страной и непосредственно встречался лишь с небольшим количеством ее граждан [1, ф.06. оп.5. п.14. д.129. л.34]. Советский посол в Лондоне Майский, – пояснял свою мысль Керр, – «может бывать почти всюду», в то время как для иностранных дипломатов в Москве «слишком много ограничений». «Я хотел бы побывать в Сталинграде и в Харькове», – делился Керр своими планами с Гиббонсом.

Констатируя, что он, главным образом, жалуется на трудности, связанные с недостатком общения и знакомства со страной пребывания, английский посол, как следует из отчета Гиббонса, счел необходимым отметить: «Конечно, я встречаюсь с официальными лицами и я нахожусь с ними в очень хороших отношениях». А.К.Керр вновь, как и на кремлевском приеме в честь У.Уилки, акцентировал внимание на своей близости к советскому лидеру: «Мне очень нравится Сталин, – делился он своими впечатлениями с Гиббонсом. – Он откровенен, прям и обладает действительно изумительным чувством юмора». В то же время Керр

Арчибальд Кларк Керр
(1882–1951)

нелицеприятно высказался в адрес главы советского внешнеполитического ведомства, с которым по долгу службы ему приходилось встречаться довольно часто. «Молотов более угрюм, молчалив и не имеет личных качеств Сталина», – без обиняков заявил он Гиббонсу [1, ф.06. оп.5. п.14. д.129. л.36].

Как отмечал Г.Солсбери, А.К.Керр был для него «московским благодетелем, исключительно культурным человеком, любившим хорошую беседу, хорошую выпивку и хорошую еду» [7, с.253]. Сам Керр в беседе с И.В.Сталиным 25 января 1946 г. при расставании признался, «что он, как серьезный человек, предпочитает коньяк» [12, с.69].

Между тем на приеме 7 ноября 1943 г. А.К.Керр, судя по всему, пил не один только коньяк. Как представитель союзной державы, в качестве почетного гостя он был приглашен за главный стол, который занимали члены Политбюро ЦК ВКП(б) В.М.Молотов и А.И.Микоян, кандидат в члены Политбюро А.С.Щербаков, а также А.Е.Корнейчук⁷ и В.Л.Василевская⁸. Здесь же разместились Гарриман с дочерью Кетлин [10, с.151].

К.Гарриман сообщала в одном из писем, что на прием все советские дипломаты явились в новой парадной форме, поэтому иностранные гости «на этом фоне чувствовали себя замарашками». Исключение представлял А.К.Керр, который смог «составить конкуренцию» хозяевам приема «в своем вечернем костюме с рыцарским орденом на красно-голубой ленте через всю грудь» [19, с.120].

Один из первых иностранных биографов В.М.Молотова утверждал: «[...] Все, к чему он прикасается, делается хорошо» [18, с.137]. Однако это было не всегда так. Во всяком случае, роль тамады на дипломатических приемах Молотову явно не подходила. По своему характеру

⁷ Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – драматург, государственный деятель. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР (23 мая 1943 – 2 февраля 1944).

⁸ Василевская Ванда Львовна (1905–1964) – польская и украинская писательница, поэтесса, драматург, сценарист и общественный деятель. Жена А.Е.Корнейчука.

он был человеком сухим и в какой-то степени страдал занудством. Поэтому его тосты на дипломатических приемах, как правило, не отличались живостью и остроумием, оказывались сугубо официальными и однообразно-скучными [17, с.111]. В то же время многочисленные здравицы за присутствовавших советских представителей, за иностранных дипломатов, за боевое содружество союзников по антигитлеровской коалиции, которые произносил В.М.Молотов на этих застольях, оказывали свое неожиданное «действие».

Вот и на приеме 7 ноября 1943 г. тамада Молотов и «ассистировавший» ему Микоян провозглашали на банкете один тост за другим. И.Г.Эренбург не без сарказма отмечал в мемуарах: «Английский посол Керр, забыв о присущей ему чопорности, со всеми чокался "за победу", пил водку и вскоре стал скорее походить на советского писателя, чем на британского дипломата» [9, с.415].

О том, что происходило дальше с А.К.Керром на праздничном приеме 7 ноября 1943 г., подробно написал в своем дневнике И.М.Майский. Когда Майский подошел к столу, за которым сидел Керр, британский дипломат уже «был в сильном градусе». После того, как провозгласили ряд тостов, выпили «еще несколько рюмок всякого вина», на глазах Майского случилось то, чего еще никогда не случалось в анналах английской дипломатии, по крайней мере в новейшее время: «Британский посол свалился со стула на пол и головой ушел под стол!» И.М.Майский отмечал в дневнике: «Все засуетились и подняли незадачливого посла. Его посадили на стул. Однако спустя несколько минут Керр снова упал под стол. Его опять извлекли из-под стола, и пара быстро подбежавших английских военных стала настойчиво "помогать" послу эвакуироваться домой» [6, с.325].

В свою очередь, К.Гарриман следующим образом излагала в личной переписке данный эпизод: «[...] Около полуночи британский посол, с трудом поднявшись на очередной тост, хотел было опереться на стол, промахнулся и упал навзничь к ногам Молотова, стянув на себя скатерть с множеством блюд и бокалов» [19, с.119]. А.Верт был более лаконичен: «Английский посол свалился ничком на стол, уставленный бутылками и рюмками, и даже слегка порезался» [5, с.257].

Примечательной оказалась реакция на происходившее А.Гарримана (к которому А.К.Керр явно не испытывал симпатии [13, с.321], а тот отвечал «взаимностью» [8, с.253]) ему и его дочери. После очередного тоста в честь Сталина, Черчилля и Рузвельта Кетлин шепнула отцу: «Уходим отсюда подобра-поздорову...» И оба, взяв себя в руки, «торжественно промаршировали через весь зал и парадную лестницу» к своей машине, чтобы ехать в американское посольство [19, с.120]. Что касает-

ся А.К.Керра, то В.М.Молотов на прощание заявил, что ему нравятся такие люди, как он. Глава внешнеполитического ведомства СССР также добавил: если бы Керр был советским человеком, то мог бы стать партизаном... [21, р.252].

В завершение следует сказать, что А.К.Керр оказался не единственным из почетных гостей, которого пришлось по причине алкогольного опьянения «эвакуировать» с приема. Например, И.М.Майский сообщал: «Целый ряд дипломатов упился до того, что в 3–4 часа ночи их "мертвые тела" пришлось выносить и просто класть в машины»... [6, с.325]. Майскому вторил Верт: «Было что-то от великолепия Московии в этом пиршестве, где можно было наблюдать, как послы при полном параде падают на стол и как их выносят служители, чьих насмешек не могло скрыть выражение глубокой озабоченности на их лицах» [5, с.527].

Как отмечал А.Гарриман, на приеме 7 ноября 1943 г. в течение одного вечера по существу был отменен «бойкот иностранцев, который на протяжении многих лет был железным правилом в Москве» [18, с.157]. Этот прием проходил в момент, когда только что завершилась Московская конференция «большой тройки» и планировалась судьбоносная встреча лидеров СССР, Великобритании и США в Тегеране.

Однако в межсоюзнических отношениях к исходу 1943 г. наблюдались определенные трения и сохранялись линии напряженности. Дипломаты союзных держав были заняты польским вопросом, который особенно обострился в связи с Катынским делом, послужившим поводом для разрыва дипломатических отношений между СССР и правительством Польши, находившимся в эмиграции в Лондоне. Впрочем, соперничество по поводу дальнейшей судьбы Польши продолжалось на протяжении всей коалиционной войны. В 1943 г. все еще не была разрешена проблема открытия союзниками СССР по антигитлеровской коалиции второго фронта в Европе, которая также отягощала взаимоотношения между ними.

Как представляется, дипломатический прием, устроенный В.М.Молотовым 7 ноября 1943 г. на Спиридоновке по случаю Октябрьской годовщины, имел конечной целью ослабление напряженности в межсоюзнических отношениях. Что касается А.К.Керра, то, несмотря на вышеописанный неприятный казус, произошедший с ним, за время пребывания в СССР в качестве посла Великобритании этот дипломат вложил свою лепту в дело укрепления советско-английского боевого союза.

Библиографический список

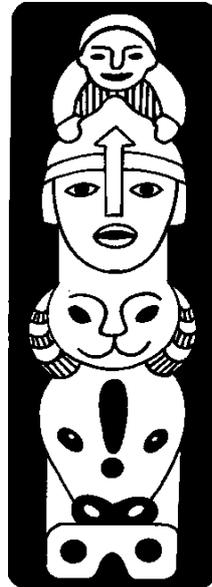
1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
2. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV. В 2-х кн. Кн.1. Январь–июнь. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. 524 с.
3. Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. В 2 кн. Кн.2. Сентябрь–декабрь. Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2016. 676 с.
4. Бронтман Л.К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 463 с. (На линии фронта. Правда о войне).
5. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Изд-во «Эксмо», 2003. 736 с.
6. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2 кн. Кн.2. Ч.2. 22 июня 1941–1943 год / Сост. Ю.А.Никифоров, Л.В.Поздеева, О.А.Ржешевский; отв. ред. О.А.Чубарьян. М.: Наука, 2009. 398 с.; ил. (Научное наследство. Т.33. В 2 кн.).
7. Солсбери Г. Сквозь бури нашего времени. Воспоминания / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1993. 526 с. (Классики мировой журналистики).
8. Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся 6 ноября 1943 года // Правда. 1943. 7 ноября.
9. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. В 3 т. Т.2. Кн.4, 5 / Изд. подгот. Б.Фрезинский. М.: АСТ, 2018. 590 с.
11. Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России и дипломатический этикет. М.: Интерпракс, 1993. 318 с.
12. Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 438 с.
13. Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М.: Три квадрата, 2004. 472 с.
14. Кольцов М.В. «Друг Советского Союза»: штрихи к портрету британского посла в СССР Арчибалда Кларка Керра // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. №3(21). С.34–38.
15. Лядов П.Ф. История российского протокола. М.: Международные отношения, 2004. 280 с.
16. Невежин В.А. Дипломатические приемы И.В.Сталина 1941–1945 гг.: кремлевский протокол и особая кухня // Российская история. 2017. №2. С.139–153.
17. Невежин В.А. Сталинская «стратегия банкета»: дипломатические приемы в Кремле в честь союзников (1943 г.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г.Матишов. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 456 с.
18. Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн.2. М.: Молодая гвардия, 2016. 524 [4] с.: ил.
19. Печатнов О.В. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: Terra-Книжный клуб, 2006. 749 с. (Двулика Клио: Версии и факты).
20. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н.Ельцина, 2009. 439 с. (История сталинизма).
21. Gillies D. The Radical Diplomat. Clark Kerr, Lord Inverchapel, 1882–1951. L.; N.Y., 1999. 256 p.

Требовать, чтобы люди отказывались от собственных суждений и подчинялись суждениям других, и назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями над людьми учеными – это такие новшества, которые способны довести до гибели и разрушить государство.

Галилео Галилей

Где существует тиран, там не просто дурное государство, а вообще не существует никакого государства.

Цицерон

Кирилл Юдин

БОРЬБА С «ФОРМАЛИЗМОМ» В СОВЕТСКОЙ МУЗЫКЕ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
1940 – НАЧАЛО 1950-х гг.)

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47). 084.8

В статье анализируются некоторые аспекты культурной политики СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Исследуется одна из ведущих идеологических кампаний по борьбе с «формализмом» в советской музыке, которая рассматривается как репрезентативная иллюстрация усиленного применения контрольно-репрессивных и административно-регулятивных технологий «позднего сталинизма». Прослеживается ход кампании на основе воспроизведения информационно-политической, аппаратной подготовки, осуществляется внутренняя периодизация и корреляция с другими аналогичными акциями того времени. Показан инструментально-локализованный характер кампании, организованной для достижения мгновенного дисциплинирующего и устрашающе-травматического эффекта, направленного против музыкальной интеллигенции и ее творческой свободы. Автор приходит к выводу о необходимости деликатной и взвешенной оценки «дела музыковедов-формалистов». Это обусловлено амбивалентностью исторической ситуации – сочетанием идеологического пристрастия и наличия элементов объективной критики пределов музыкально-эстетического экспериментирования.

This article analyzes some aspects of the cultural policy of the USSR in the second half of the 1940's – early 1950's. One of the leading ideological campaigns is being investigated – against «formalism» in Soviet music, which is seen as a representative illustration of the enhanced use of control-repressive and administrative-regulatory technologies of «late Stalinism». The course of the campaign is traced based on the reproduction of information-political, hardware training, internal periodization and correlation with other similar actions of that time are carried out. The instrumentally localized character of the campaign, organized to achieve an instant disciplinary and intimidating traumatic effect, directed against the musical intelligentsia and its creative freedom, is shown. The author comes to the conclusion that there is a need for a delicate and balanced assessment of the «case of music-formalists». This is due to the ambivalence of this historical situation – a combination of ideological addiction and the presence of elements of objective criticism of the limits of musical and aesthetic experimentation.

Ключевые слова: советская культура; «поздний сталинизм»; музыкальное искусство; «формализм»; «безродный космополитизм»; репрессии; идеология; политический контроль.

Key words: Soviet culture; «late Stalinism»; musical art; «formalism»; «rootless cosmopolitanism»; repression; ideology; political control.

E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru

Музыка вообще есть мелодия, текст к которой – мир

А.Шопенгауэр

Советская музыкальная интеллигенция и власть: некоторые теоретические и историографические аспекты

Одним из интересных с позиций культурно-политической антропологии и одновременно драматических эпизодов отечественной истории является «поздний сталинизм» как специфический режим управления страной, установившийся во второй половине 1940–начале 1950-х годов. К этому времени ведущие методы и технологии политического контроля были успешно апробированы и достигли своего целевого предназначения по административно-институциональному и идеологическому воздействию на советское общество. Однако теперь была поставлена задача вызвать не только контрольно-репрессивный, но и долговременный дисциплинарно-воспитательный эффект. Руководитель советского государства И.В.Сталин решил не только напомнить о своей монополии на власть, непогрешимости как «вождя» и развеять все надежды на либерализацию политического строя, но и нанести упреждающий удар против инакомыслия, «извращений линии партии» абсолютно во всех сферах общественной жизни и культуры.

Первоочередным объектом консервативно-охранительной проработки стала советская интеллигенция, подвергнутая суровому испытанию на предмет выявления «политической благонадежности», а также способностей к идеологически и интеллектуально-эстетически «правильному» восприятию и отражению советских социокультурных приоритетов и ценностей.

После и уже на фоне беспощадного демонстративно-показательного бичевания писателей М.М.Зощенко, объявленного «подонком и пошляком литературы», и А.А.Ахматовой, «разоблаченной» представительницей стиля «буржуазно-аристократического эстетства и декадентства», «чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» [2, с.588], жестких решений в отношении ряда кинематографических произведений – второй серии к/ф «Иван Грозный» (СССР, 1945, реж. С.М.Эйзенштейн), запрещенной к показу за «нехудожественность и антиисторичность» [2, с.546], картин «Адмирал Нахимов» (СССР, 1946, реж. В.И.Пудовкин), «Большая жизнь» (реж. Л.Д.Луков), «Простые люди» (СССР, 1945, реж. Г.М.Козинцев и Л.З.Трауберг), фигурировавших в постановлениях Орг-

бюро ЦК ВКП(б) как «ошибочные и неудачные» фильмы, проповедующие «отсталость, бескультурье и невежество» [2, с.554, 582, 599–601], а также критики Г.В.Александрова, обвиненного в «американизме» на основании «экспертизы» с пристрастием сценария картины «Весна» [21, с.46], – сталинское руководство приступило к решительной борьбе и искоренению «вредных тенденций» в *советском музыкальном искусстве*.

Проблемы государственного контроля над советской музыкально-концертной сферой периодически поднимались в отечественной историографии. Политико-идеологическая атмосфера, условия музыкального творчества в период «позднего сталинизма» и довоенные годы воссоздаются в историко-искусствоведческом ракурсе в фундированном труде Е.С.Власовой [7]. Социальный заказ в культуре как ведущий актор-индикатор взаимоотношений власти и общества в центре и на регионально-периферийном пространстве анализируется Р.П.Караба-товым [11] и Н.Л.Чепниан [18]. Генезис советской культурной политики, варьирование ее идейно-теоретической архитектоники под влиянием политической мифологии, в том числе исходящей напрямую от И.В.Сталина, исследовали И.С.Воробьев [8], Ю.В.Федотова [17], В.О.Шадрин [19], А.Я.Селицкий [16] и др. Ими были сделаны интересные выводы об имплантации «программности» как ведущего принципа «социалистической идейности» в музыке и гаранта ее «антиформалистичности», абсолютной вербальной доступности и «материалистической познаваемости». Это стало новой «антимарристско-музыковедческой» утопией, популяризируемой после выхода в свет известной работы Сталина 1950 г. «Марксизм и вопросы языкознания», отвергавшей перспективы создания «марксистско-коммунистического новояза» Н.Марра и его методологию, но не отказывавшейся от верховенства интернационально-универсальной артикуляции над «индивидуалистическим» стилем в музыке. При этом, несмотря на наличие определенного задела, как представляется, применяемые в рамках кампании борьбы с «формализмом» контрольно-регулятивные технологии и механизмы требуют прояснения и дополнительной акцентуации.

Сталинский ЦК и музыкальная элита: идеологический диалог как метод выявления «симптомов "формализма"» Прежде всего, отметим, что, как и в упомянутых выше случаях контрольно-репрессивных атак на театрально-кинематографическую и ли-

тературно-художественную интеллигенцию, для сбора компрометирующего материала и инспирирования повода к экстренной политико-идеологической интервенции в культурные процессы сталинское руководство опиралось на феномен сопричастности к власти, стимулируя сигнализаторско-разоблачительные инициативы. Подобная «инициатива» была проявлена в марте 1947 г. скрипачом М.Э.Гольдштейном, направившим обстоятельное письмо Сталину, в котором он выражал обеспокоенность из-за удручающей и тревожной ситуации, связанной с появлением «непонятной» музыки и сочинительского «трюкачества», исходящих от известных советских композиторов, таких как С.С.Прокофьев, Д.Д.Шостакович. «Я, – писал Гольдштейн, – считаю себя настолько образованным музыкантом, что могу разобраться в разных тонкостях композиторской техники, однако при всем напряжении моего музыкального восприятия ряд произведений наших ведущих композиторов остается непонятным». И далее: «Создается впечатление, что я слушаю не музыку, а математические нотные вычисления, цель которых показать умение композитора сочетать разные голоса в проведении определенных тем, пусть это звучит фальшиво или неблагозвучно, автор об этом не заботится» [3, с.256].

Об этом предостерегал и известный советский композитор, пианист, педагог, музыкальный критик, профессор А.Б.Гольденвейзер в своей докладной записке «Вопросы музыкального фронта», датированной 19 января 1948 г. [1, ф.17, оп.125, д.636, л.36] и через день направленной на имя А.А. Жданова [7, с.250]: «А сейчас я устал от фальшивых нот. Та музыка, которую зачастую пишут наши ведущие и большинство остальных композиторов, нарушает ту гармонию, которая диктуется естественным музыкальным слухом... Когда я слышу грохочущие фальшивые сочетания современных симфоний и сонат, я с ужасом чувствую, страшно сказать, что этим звукам более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада, вплоть до фашизма, чем здоровую природу русского, советского человека» [1, ф.17, оп.125, д.636, л.13]. Сообщал Гольденвейзер и о других проблемах: несправедливом забвении, «зажиме», выражающихся в игнорировании творческого наследия крупнейших деятелей музыкального искусства, не пользующихся благорасположением Союза советских композиторов, таких как, например, А.Ф.Гедике. Комментируя концертно-исполнительскую политику, Гольденвейзер обращал внимание на деструктивные механизмы субъективно-тенденциозной сегрегации: «Ведущие Московская и Ленинград-

ская филармонии всецело выполняют директивы все той же головки Союза советских композиторов. Произведения не "своих", – инакомыслящих, почти не исполняются. Произведения русских классиков исполняются далеко не полно и чисто случайно. Мало исполняется Глазунов, редко исполняется симфония Бородина (изредка h-moll-ная), из оркестровых сочинений Римского-Корсакова исполняется почти одна "Шехерезада". Хорошая первая симфония Аренского не исполнялась давным-давно; никогда не исполняются два отличных фортепианных концерта Ляпунова. Список этот можно продолжать весьма долго» [1, ф.17, оп.125, д.636, л.20, 25].

Подвергал вполне обоснованной, неидеологизированной критике Гольденвейзер творчество С.С.Прокофьева, Д.Б.Кабалевского, отметив те недостатки, которые в дальнейшем будут возведены в ранг музыкально-политических преступлений: «Композитор Кабалевский написал 24 прелюдии для фортепиано. Это хороший опус, отмеченный Сталинской премией, вошедший в репертуар наших пианистов. В основу этих мелодий положены русские песни, мелодия которых в каждой прелюдии целиком проводится. Однако неискушенный слушатель почти нигде этой связи с народной музыкой не почувствует, т.к. весь ладово-гармонический язык прелюдий совершенно далек от ладово-гармонического языка русской песни». Эти же претензии, заключавшиеся в *действительно формальном подходе* к народному наследию, автор записки адресовал и С.С.Прокофьеву, и его опере «Война и мир», в которой, как отмечал Гольденвейзер, несмотря на внешнюю русско-национальную тематику, «даже Платон Каратаев поет на музыкально-модернистическом волапюке» [1, ф.17, оп.125, д.636, л.16].

Судя по всему, критическо-напутственные пожелания, изложенные в данных эпистолярных документах, фактически, были заданы и предустановлены «сверху». Они полностью совпали с текущими намерениями сталинского руководства провести еще одну кампанию по укреплению советского патриотизма, противодействию проявлениям «низкопоклонства и раболепия перед буржуазной наукой и культурой со стороны отдельных неустойчивых граждан СССР» [4, с.113]. Кроме того, дополнительная поддержка идеологической напряженности, «чистка» на другом участке медиапространства, музыкальном, – это стало особенно актуальным в условиях открывавшейся «холодной войны».

В декабре 1947 г. в специальном письме «О недостатках в развитии советской музыки», разосланном секретарям ЦК А.А.Жданову,

А.А.Кузнецову, М.А.Суслову и Г.М.Попову, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации Д.Т.Шепилов и вскоре назначенный председателем Комитета по делам искусств при Совете министров СССР П.И.Лебедев фактически в расширенном варианте и с усилением категоричности оценок солидаризировались с суждениями, высказанными М.Э.Гольдштейном. «Многие произведения советской симфонической музыки, – говорилось в тексте, – в том числе Мясковского, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, отличаются субъективизмом, нарочитой усложненностью музыкального языка, а иногда и формалистическими трюками, т.е. свойствами, чуждыми для художественного мировоззрения советских людей. Эти пороки сказались, в частности, на 8-ой и 9-ой симфониях Шостаковича; 6-ой симфонии, фортепианных сонатах, опере "Война и мир" Прокофьева, на работах Половинкина, Ан.Александрова и других». И далее: «Музыка [этих композиторов] лишена мелодичности, напевности, оторвана от народной музыкальной почвы, рассчитана лишь на внешние бессодержательные эффекты». В качестве примеров музыкальных произведений, появление которых расценивалось как преступное игнорирование дореволюционных традиций, стремление развивать «идеалистическую теорию "искусства ради искусства"» фигурировали также кантата Шостаковича «Родина», кантата Прокофьева «Расцветай могучий край», у Мясковского кантатно-ноктюрн «Кремль ночью» на слова поэта Васильева, «извращенно» раскрывающая образ вождя: «Для решительных полемик (!) (Так в документе. – К.Ю.) ночью во дворец вызван старый академик, маршал и кузнец" – так ошибочно представляет поэт работу в Кремле товарища Сталина» [3, с.277–278, 281].

Грозный 1948 год: совещание деятелей советской музыки и политико-идеологические атаки на «музноменклатуру»

В начале января 1948 г. состоялось специальное совещание деятелей советской музыки, на котором (13 января) с яркой речью выступил секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов,

по сути открывший публичную дискуссию по опере В.Мурадели «Великая дружба», а также напомнивший присутствующим о симфоническо-эстетических заблуждениях Д.Д.Шостаковича, «вскрытых» ЦК еще в 1936 г. в опере «Леди Макбет Мценского уезда», которая была охарактеризована как «музыка, умышленно сделанная "шиворот-навыворот"», ставшая результатом «"левацкого уродства" и мелкобуржу-

азного "новаторства"» [10, с.8]. Сообщив о неискоренимости и живучести «антипартийных, формалистическо-натуралистических атавизмов», поддерживаемых «семеркой» – Шостаковичем, Прокофьевым, Мясковским, Хачатуряном, Поповым, Кабалевским и Шебалиным, – Жданов сделал вывод, полностью соответствующий сталинской идеологической концепции, о новой «волне классовой борьбы», развернувшейся между «здоровым, прогрессивным началом в советской музыке, основанным на признании огромной роли русского классического наследства», и «чуждым советскому искусству формализмом» [10, с.16]. А через месяц, 10 февраля 1948 г., вышло знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В.Мурадели», в котором выносился однозначный вердикт: «ЦК ВКП(б) считает, что опера «Великая дружба» (музыка В.Мурадели, либретто Г.Мдивани), поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции, является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении антихудожественным произведением». И далее: «Основные недостатки оперы коренятся, прежде всего, в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звуко сочетаниях». <...> «Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отражающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик». В заключении постановления по опере Мурадели предъявлялся категорический императив, содержащий в себе требования по осуждению «формалистического направления в советской музыке как антинародного», преодолению «вредного» эпигонства, подражания «антисоветскому новаторству» С.С.Прокофьева, Д.Д.Шостаковича, Н.Я.Мясковского, В.Я.Шебалина, А.И.Хачатуряна, Г.Н.Попова и обеспечению развития советской музыки в «реалистическом направлении» [4, с.161, 163].

Однако было очевидно, что сталинское руководство не собиралось ограничиваться лишь теоретической критикой, несмотря на то что один из фигурантов кампании, С.С.Прокофьев, прокомментировал ситуацию в нужной модальности: «Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., – писал Прокофьев, – отделило в творчестве композиторов прогнившие ткани от здоровых. Как ни болезненно для целого ряда композиторов, в том числе и для меня, я приветствую постановление ЦК ВКП(б), создающее условия для оздоровления всего организма советской музы-

ки. Постановление особенно ценно тем, что оно выявило чуждость советскому народу формалистического направления, ведущего к упадку музыки, и с предельной ясностью указало нам цели, которых мы должны добиваться для наилучшего служения советскому народу» [1, ф.17, оп.125, д.636, л.137].

Еще накануне выхода этого специального «циркуляра» начались кадрово-административные реорганизации и адресно-персональные «чистки» среди руководящих работников в сфере музыкального искусства и культуры в целом. Так, 26 января 1948 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о замене руководства Комитета по делам искусств при Совете министров (КПДИ) СССР и оргкомитета Союза советских композиторов (ССК). М.Б.Храпченко был снят с должности председателя КПДИ, как «не обеспечивший правильного руководства» и заменен на более подходящую фигуру – исполнительного аппаратчика П.И.Лебедева. На основании этого же постановления предписывалось распустить оргкомитет ССК и его президиум с освобождением от руководящей работы в ССК советских композиторов А.И.Хачатуряна, В.И.Мурадели, Л.Т.Атомяна, под непосредственным давлением которых «вместо того, чтобы развивать советскую музыку в духе социалистического реализма, высокой идейности и народности и совершенствовать художественное мастерство советских композиторов, Оргкомитет превратился в рассадник осужденного партией формалистического, антинародного направления в советской музыке, чем нанес серьезный ущерб ее развитию» [2, с.628–629]. Председателем оргкомитета ССК был утвержден Б.В.Асафьев. Подвергнут обновлению состав музыкальной секции Комитета по Сталинским премиям, в котором лидирующие позиции заняли Т.Н.Хренников, Б.В.Асафьев, а также Б.А.Гольденвейзер, В.Г.Захаров, К.Г.Держинская и др. В апреле 1948 г. по линии Главлита было запрещено тиражирование брошюры, посвященной творчеству Д.Д.Шостаковича [1, ф.17, оп.125, д.612, л.34]. 12 мая 1948 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), утвердившее Б.В.Асафьева председателем ССК, Т.Н.Хренникова – генеральным секретарем этой организации, а В.Г.Захарова, М.В.Коваля, М.И.Чулаки и А.Я.Штогаренко – секретарями [2, с.634]. Тем самым был произведен демонтаж ведущих компонентов административно-политической модели управления, сложившейся в довоенные годы.

Все это наглядно и репрезентативно отражает, верифицирует вождистско-тираническую логику и мотивацию, целеполагание И.В.Сталина,

стремившегося в состоянии обострившейся мнительности и подозрительности к всеобъемлющему контролю и наблюдению за событиями по предписанному «сценарию».

После выхода постановления по опере Мурадели был организован тщательный мониторинг умонастроений как простых советских граждан, так и творческой музыкальной интеллигенции. В марте 1948 г. секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С.Попков на имя начальника Управления пропаганды и агитации, секретаря ЦК ВКП(б) М.А.Суслова, направил информационное письмо с откликами трудящихся, в котором отмечал, что «в многочисленных заявлениях и высказываниях рабочие, служащие, инженеры, учителя, работники науки и искусства одобряют постановление ЦК ВКП(б) и считают его правильным» [3, с.309].

В качестве примеров приводились суждения заслуженного артиста Грузинской ССР Любоша, заслуженного артиста РСФСР Кедрова, композиторов Соловьева-Седова, Евлахова, Прицкера. Преподаватели Педагогического института им. А.И.Герцена Докусов и Мотыльская¹ прокомментировали постановление следующим образом: «Наконец-то развеян туман вокруг современной музыки. Когда слушаешь музыку Прокофьева, никак не поймешь, что это такое, и чувствуешь себя дураком: ведь специалисты утверждают, что музыка Прокофьева гениальна. Шостакович выбрался на правильную дорогу в седьмой Ленинградской симфонии. По ней бы ему и идти. Но он опять уклонился в формализм. Надо надеяться, что талантливый композитор сумеет осознать свои ошибки и исправить их». В то же время многие представители музыкальной интеллигенции сумели уловить сугубо конъюнктурный характер критической волны. Так, артист оркестра Малого оперного театра Д.А.Шевалик вполне резонно утверждал: «Поговорят, поговорят и успокоятся. Через год все забудется, и опять будут писать по-старому. Пример с Шостаковичем – статья "Сумбур в музыке"² в 1936 году на него не повлияла и писал он так же сумбурно... а это не мешало ему получать Сталинские премии» [3, с.312–313].

¹ Инициалы в источнике отсутствуют. Очевидно, речь идет о филологах, литературоведах, работавших в этом и других вузах Ленинграда в 1940-е гг. – Александре Максимовиче Докусове и Дине Клементьевне Мотыльской.

² Так в источнике. В действительности редакционная статья, опубликованная в газете «Правда» 28 января 1936 г., имела название «Сумбур **вместо** музыки».

Для атрибуции контрольно-репрессивных технологий важно подчеркнуть, что сталинское, прежде всего московское, окружение было особенно заинтересовано в дополнительном зондировании и реактивности «ленинградской почвы», являвшейся «вотчиной», сферой влияния А.А.Жданова, уже подвергнутой испытанию после атак против журналов «Звезда» и «Ленинград» в 1946 г. Вполне предсказуемыми и ожидаемыми были и «перегибы» со стороны отдельных партийных и музыкальных работников, настаивавших на ужесточении санкций к провинившимся деятелям культуры на волне «разоблачительского энтузиазма», политической экзальтации или пытавшихся использовать ситуацию для упрочения собственных позиций. Так, в марте 1948 г. председатель КПДИ при СМ СССР П.И.Лебедев предложил организовать суд чести над «музыковедами-формалистами» по аналогии с уже проведенными в 1947 – начале 1948 гг. аналогичными контрольно-дисциплинарными «трибуналами» над учеными-биологами Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскиным, президентом АН БССР А.Р.Жебраком [4, с.349], а также в ряде министерств – электропромышленности, станкостроения, а в январе 1948 г. – в Министерстве Вооруженных сил, известными фигурантами которого стали советские адмиралы и руководители ВМФ Н.Г.Кузнецов, Л.М.Галлер, В.А.Алафузов, Г.А.Степанов [9].

«Комитет по делам искусств установил, – писал Лебедев 12 марта 1948 г. А.А.Жданову, – что музыковеды И.Бэлза, Л.Мазель, И.Мартынов, Д.Житомирский, Г.Шнеерсон, С.Шлифтейн на протяжении ряда лет в печати и публичных лекциях пропагандировали "идеи" современного упадочного буржуазного музыкознания, проповедовали низкопоклонство перед разлагающейся буржуазной культурой, умаляли роль и значение русской классической музыки, систематически пропагандировали формалистическое направление» [4, с.167]. Но это предложение, как «сомнительное», было отклонено в Агитпропе. В то же время было поддержано смещение со своей должности директора Московской государственной консерватории В.Я.Шебалина, также оказавшегося в рядах воинствующих «формалистов». Но это произошло уже не в рамках односторонней и монологичной частной инициативы, а, как можно предположить, по итогам кулуарного состязания между сталинскими группировками и их патронами – А.А.Ждановым и Г.М.Маленковым, о чем свидетельствуют документы, исходившие от будущих фигурантов «Ленинградского дела» – председателя СМ РСФСР М.И.Родионова и секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецова, напрямую участвовавших в процессе

кадрово-политических перестановок деятелей музыкального искусства [1, ф.17, оп.125, д.584, л.49–50].

Сыграли свою роль и другие факторы. Так, в качестве ведущих оппонентов В.Я.Шебалина еще с 1930-х гг. выступал советский музыковед Ю.В.Келдыш, «разоблачавший» Шебалина как главного адепта «формализма» и «примиренца» с его распространением, поскольку тот защищал его зарубежных представителей, а также сочувствовал «церковно-сектантской контрреволюции», транслируя религиозно-мистические настроения в музыке. Итоговое «обвинительное заключение» прозвучало в статье Келдыша, опубликованной в газете «Советское искусство».

В этой статье Московская консерватория рассматривалась как «один из главных опорных пунктов формализма» в советской музыкальной культуре: «Особенно яркое выражение формалистические извращения получили в работе теоретико-композиторского факультета. Творчество большинства воспитанников консерватории носит замкнуто-кабинетный, индивидуалистический характер и совершенно оторвано от советской действительности. Тематика сегодняшнего дня почти отсутствует в их произведениях. Писать музыку в массовых общедоступных жанрах – песни, хоры и т.п. – считается здесь "дурным тоном" – дешевым ремеслом, недостойным настоящего мастера. Композиторская молодежь тянется за своими учителями – В.Шебалиным, Д.Шостаковичем и другими, стараясь сочинять исключительно в крупных формах "чистой" инструментальной музыки, не связанной с текстом или конкретным программным содержанием» [12].

1948 г. вполне правомерно рассматривается как один из самых тяжелых испытаний для музыкальной творческой интеллигенции, поскольку удар по ней прошел серьезную внутреннюю аппаратную, информационно-аналитическую подготовку и стадиальную эскалацию, в немалой степени имевшую имманентную природу. Как показано в исследовании Е.В.Власовой, театральная-музыкальная корпорация становилась ареной столкновения идейно-мировоззренческих установок, конкуренции, антагонизма творческих амбиций и стремлений к самоутверждению, признанию, порой перерастающих в долговременную и хроническую, неизгладимую личную неприязнь [7, с.244–260].

Этим умело пользовалось сталинское руководство для подтверждения «верности» «генеральной линии партии», сопровождавшейся нужным медиативно-рефлексивным эффектом, сотканным из антиномий: истины и лжи, правдоподобия, манифестации реальной силы таланта и

ее впечатляющих результатов и появлений, безусловно, незаслуженных политизированных оценок, но при этом объективно малозначительных с позиций музыкальной, симфоническо-гармонической эстетики произведений. Как пронизательно писал в свое время известный немецкий философ А.Шопенгауэр, «музыка – настоящий универсальный язык, который понимается всюду; на этом языке с великим старанием и жаром не переставая говорят и говорили во всех странах и во все века. Значительная, многоговорящая мелодия очень быстро обходит весь земной шар, а бедная смыслом и маловыразительная тотчас же замолкает; это доказывает, что содержание мелодии понятно очень многим...» [20, с.333].

Разоблачения продолжаются: «безродные космополиты» – злейшие враги советского музыкального искусства Так или иначе, но организованное бичевание композиторов, «музыковедов-формалистов» не только не завершилось, но и получило в конце 1948 г. и на протяжении следующего

года, 1949 г., новый импульс в связи с развернувшейся более масштабной кампанией по борьбе с «безродным космополитизмом», принимавшей на определенных этапах характер ярко выраженного государственного антисемитизма. После запуска «дела Еврейского антифашистского комитета», «сигнала» работницы газеты «Известия» А.Бегичевой И.В.Сталину о засилье «врагов-космополитов» в искусстве и др. событий ноября–декабря 1948 г., аналогичная волна «разоблачительской рефлексии» поднялась и в сфере музыкального искусства. Ее воздействие испытали на себе в той или иной степени не только «рядовые» музыканты, но и «музноменклатура» в лице генерального секретаря ССК Т.Н.Хренникова, Ю.В.Келдыша и др.

26 февраля 1949 г. в «Советском искусстве», в передовой, была опубликована статья «Решительно очистить советское музыковедение от буржуазных космополитов», в которой сообщалось: «Вредная деятельность таких космополитов и формалистов, как Л.Мазель, Д.Житомирский, И.Бэлза, А.Оголевец, С.Шлифштейн, И.Мартынов, Г.Шнеерсон, Ю.Вайнкоп и др., не была разоблачена до конца. И, что самое главное, оставались неизменными их творческие позиции». И далее: «Серьезные ошибки допустили в своей творческой деятельности И.Нестьев, Б.Штейнпресс, Г.Коган, И.Ямпольский, М.Пекелис, Р.Грубер, Т.Ливанова и некоторые другие музыковеды, нередко скатывающиеся на

буржуазно-космополитические позиции и восхваляющие формалистические извращения в музыке» [15]. Менее чем через месяц, 17 марта 1949 года, на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова поступила записка от главного редактора той же газеты «Советское искусство», В.Г.Вдовиченко, в которой он, очевидно, решил обобщить информацию и усилить критическо-разоблачающий медиаудар: «Ни в одной области искусства, – заявлял он, – у нас нет такого нездорового положения с критикой, как в музыке. Групповщина, теоретический разброд, укрывательство космополитов, беспринципность, интриганство – вот что характеризует в значительной мере нынешнее состояние музыковедения и музыкальной критики». И далее проводился «акт разоблачения», выявления «вредительской группы», к которой В.Г.Вдовиченко относил следующих деятелей искусства, снабжая их соответствующими духу времени политическими характеристиками: «Либединский Л.Н – бывший активный вожак РАПМ, троцкист; Белый В.А. – бывший активный вожак РАПМ, троцкист; <...> Шлишфтейн С.И. – бывший секретарь троцкиста Д.Авербаха, воинствующий формалист и безродный космополит; Келдыш Ю.В. – бывший активный вожак РАПМ, формалист и космополит, имеет родственников в Америке и брата, осужденного за вредительство <...>». Кроме того, содержание записки бросало тень и на Т.Н.Хренникова, который, как полагал Вдовиченко, вместе с коллегами из нового состава ССК, «<...> не только не разоблачает, но даже защищает <...>» вышеперечисленных «врагов» советской музыки [1, ф.17, оп.132, д.244, л.36–37].

Однако все «рекорды» побил аналитическая записка попавшего в опалу А.Оголева, которая была направлена параллельно с покаянно самокритичным письмом, просьбой о «профессиональной реабилитации», очевидно, в последней декаде марта 1949 г. Ее автор, судя по всему, решил претендовать на роль эксперта-следователя, взявшего на себя миссию по комплексному и окончательному разоблачению всех «последышей» «троцкистско-авербаховской агентуры», продолжавших свою «контрреволюционную» деятельность и в новых институциональных и интеллектуально-академических обличиях после роспуска Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ). В записке была разработана обстоятельная «классификация», призванная продемонстрировать всю анатомию «музыковедческого заговора», имевшего исторические «корни», связанные с унаследованием троцкистской фракционности в виде «противопоставления старых и молодых кадров», теоретиче-

скую платформу, представленную «келдышизированной системой обучения», «буржуазным линейаризмом», и штатом исполнителей-манипуляторов, ранжированных по четырем «слоям»: «наиболее порченые – активно втянутые в группу люди», «затронутые и используемые», «менее значительно используемые» и «внизу – кадры вне групповщины» [3, с.336–337, 339].

Наиболее резкие и беспепелляционные высказывания прозвучали в адрес еще одного видного советского композитора – Д.Б.Кабалевского, являющегося «ремесленником для театральной музыки», «никогда не упускающего своей творческой выгоды и ненавидящего чужую талантливость». Радикально прошелся Оголевец и по творческой биографии музыковеда С.С.Скребкова, который «внедрял вивисекторские занятия анализом», что «убивало музыкальность студентов», «издевался над программной музыкой». <...> «Его докторская диссертация, защищенная при Шебалине как главным оппоненте, – небывалый пример формалистического уродства», – заключал Оголевец [3, с.342, 347].

Нет необходимости в еще более объемном цитировании данного документа, чтобы спрогнозировать в ретроспективе неизбежность реакции на подобные выпады. Обеспокоенный «разоблачительской экспрессией», принимающей гипертрофированно-иррациональный характер, генеральный секретарь ССК Т.Н.Хренников еще 25 марта 1949 г. направил на имя Г.М.Маленкова записку, в которой указывал, что «некоторые газеты, вместо того чтобы разоблачать подлинных носителей космополитизма и формализма в музыке, направляют свои удары по людям, честно борющимся за партийную линию в искусстве» [1, ф.17, оп.132, д.244, л.41]. Под «некоторыми газетами» Т.Н.Хренников, конечно, подразумевал, в первую очередь, «Советское искусство». Хорошо осведомленный о состоянии медиа-контента, информационно-политических атаках против Ю.В.Келдыша, других известных деятелей культуры, а также контрразоблачительской инициативе А.С.Оголевца, Хренников, очевидно, избрал для себя тактику социально-политической амбивалентности при конструировании модели поведения. Обвинив редакцию «Советского искусства» в клевете на Келдыша, целенаправленном стремлении «расправиться с одним из полезных специалистов» [1, ф.17, оп.132, д.244, л.42], в то же время генеральный секретарь ССК продемонстрировал снисходительно-великодушную терпимость к критику-активисту, музыковеду А.С.Оголевцу. В декабре этого же года, когда был поставлен вопрос о его исключении, вместе с С.И.Шлифштейном,

из ССК, Хренников выступил против этого решения, аргументируя это тем, что «в результате выступления газет "Правда" и "Культура и жизнь" и общественного воздействия Союза композиторов оба музыковеда сумеют перестроиться и стать полезными для развития советской музыки» [1, ф.17, оп.132, д.243, л.36].

Однако при этом вряд ли стоит преувеличивать личный вклад Т.Н.Хренникова в «спасение» отдельных опальных музыкантов, равно как и степень его влияния на сложившуюся конъюнктуру. Она была полностью под контролем у сталинского руководства, не собиравшегося придавать кампании по борьбе с «формализмом» большую значимость и пределы распространения, чем ей изначально было уготовано как чисто инструментально-локализованной акции. Уже в конце 1949 г. в докладной записке Агитпропа ЦК ВКП(б), направленной на имя М.А.Суслова, была произведена расстановка итоговых акцентов в виде резкого осуждения всевозможных «перегибов», связанных с попытками подменить «действенную борьбу с космополитизмом» эмоционально-субъективной аффектацией – «крикливыми наскаками и бранью» [4, с.539], что неизбежно приводило к критиканской эклектике, дискредитирующей всю суть дела. Подобные ошибки были продемонстрированы на примере журнала «Советская музыка». «Журнал, – говорилось в докладной записке, – плохо помогает композиторам нелицеприятной критикой и научно-объективным, принципиальным анализом их произведений. Формальными отписками вместо эстетического анализа лучших произведений советской музыки являются статьи Кочетова, Иконникова, Григорьева. <...> Примером аполитичной критики буржуазного модернизма и формализма является порочная статья Л.Данилевича "Современничество" – оплот формализма". Автор статьи не разоблачает космополитизм так называемой "Ассоциации современной музыки". В одну кучу сваливаются и реакционный белоэмигрант Л.Сабанеев, и академик Б.Асафьев, С.Прокофьев, С.Василенко и даже Скрябин» [4, с.538]. Поэтому несмотря на то, что через год, в октябре 1950 г., работники Агитпропа В.Кружков и П.Тарасов вновь на имя своего могущественного начальника М.А.Суслова направили еще один документ аналогичного характера, в котором делался вывод о «развале» кадровой работы в Союзе советских композиторов, наличии «деляческих наклонностей» среди некоторых работников культуры, тяготеющих к номенклатурному обособлению [1, ф.17, оп.132, д.418, л.106–109], было очевидно, что это уже проблемы повседневного характера, не имеющие никакого отноше-

ния к адресно-персональным идеологическим разоблачениям и проработкам.

Последние идеологические «аккорды»: завершение кампании и ее итоги

В начале 1950-х гг. сталинское руководство уже утратило былой интерес к «музыковедам-формалистам», приступив к реализации более важных и перспективных в плане достижения

консервативно-охранительного эффекта следующих направлений:

1) выявлению региональных следов «ленинградского дела», что выразилось в «универсализации чисток» [13, с.210], проведении серии экспертно-санкционных проверок для обуздания излишней самостоятельности местной номенклатуры, руководителей Ульяновской области, Еврейской автономной области, Карело-Финской ССР и др. [5, с.198–206; 229–236; 22];

2) сосредоточению усилий на интеграции материалов для вероятной подготовки публичного политического процесса, фигурантами которого должны были стать более опасные элементы – «врачи-убийцы» и еврейские «буржуазные националисты» в органах государственной безопасности.

Советским музыкальным деятелям в последние годы жизни Сталина, в 1952–1953 гг., достаточно было лишь осуществлять дискурсивную мимикрию с контингентом солидарных с «генеральной линией партии», обсуждая на страницах специальных изданий последние «достижения» сталинского музыкознания и лингвистики. Как верно отметил И.С.Воробьев, это напоминало возрождение средневековой методологии комментирования и ретрансляции «священных» текстов [8, с.59], место которых заняли труды кремлевского вождя.

В целом, подводя итоги, необходимо отметить следующее. Имевшие место быть в 1940-х – начале 1950-х гг. атаки контрольно-дисциплинирующего характера, предпринятые в отношении представителей музыкального сообщества, интеллигенции, стали проявлением насильственной консервативно-охранительной опеки со стороны сталинского режима. Еще до ухода из жизни И.В.Сталина многим «провинившимся» композиторам, искусствоведам, не встречавшим серьезных препятствий для дальнейшей творческой самореализации и тем более не подвергавшимся физическому воздействию в отличие от жертв других идеологических акций, была предоставлена возможность оправдать

«доверие партии» путем унижительной «самокритики», практического и теоретического признания, исправления «формалистических ошибок», о чем они не без горечи вспоминали [См.: 6, с.271–272].

В то же время «антиформалистическая» кампания не прошла бесследно не только для главных фигурантов, переживших тяжелейшее испытание на устойчивость, подвигнувшее Д.Д.Шостаковича на ответный удар в виде сатирической кантаты «Антиформалистический раек», но и для советского музыкального искусства в целом, поскольку, как уже отмечалось, критика композиторского стиля, музыкального языка Шостаковича, Прокофьева и других в определенной степени опиралась на вполне *объективные пожелания* их коллег о пределах, рациональности экспериментов и претензий на музыкально-эстетическое «новаторство». В 1957 г. Д.Т.Шепилов через единственно доступный ему официальный партийно-политический дискурс публично реабилитировал «формалистов», сняв идеологические инвективы в «антинародном» характере их музыки, но подчеркнув, что постановления 1940-х гг. были резкими по форме, но правильными по содержанию [14]. В современном музыковедении эти вопросы ввиду их особой деликатности решаются с помощью употребления нейтрально-паллиативной терминологии, констатирующей «специфичность» стиля указанных композиторов на разных этапах их творчества.

Список сокращений / аббревиатур

1. Агитпроп ЦК – Управление (Отдел) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).
2. АН БССР – Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики.
3. ВМФ – Военно-морской флот.
4. КПДИ при СМ СССР – Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР.
5. РАПМ – Российская ассоциация пролетарских музыкантов.
6. ССК СССР – Союз советских композиторов СССР.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. А.Артизов, О.Наумов. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Составитель Л.В.Максименков. М.: МФД, 2013. 864 с.
4. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. Д.Г.Наджафов, З.С.Белоусова. М.: МФД, Материк, 2005. 768 с.
5. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Составители: В.В.Денисов, А.В.Квашонкин, Л.Н.Малашенко, А.И.Минюк, М.Ю.Прозуменщиков, О.В.Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.

БОРЬБА С «ФОРМАЛИЗМОМ» В СОВЕТСКОЙ МУЗЫКЕ

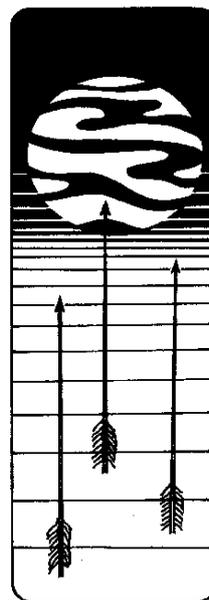
6. Акопян Л.Д. Шостакович. Опыт феноменологии творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 473 с.
7. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2010. 456 с.
8. Воробьев И.С. «Теория» языкознания И.В.Сталина и ее отражение в музыкальной науке начала 1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №1(27). Ч.II. С.58–63.
9. Ермаков В.Д. И.Сталин и репрессии против командных кадров армии и флота в 1945–1953 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. №2(27). С.45–48.
10. Жданов А. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. М.: Госполитиздат, 1952. 31 с.
11. Карабатов Р.П. Советская массовая песня сталинского периода сквозь призму государственного социального заказа // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. №1(7). С.109–111.
12. Келдыш Ю. Порочные методы работы Московской консерватории // Советское искусство. 1948. 28 февраля.
13. Костырченко Г.В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
14. Правда. 1957. 4 апреля.
15. Решительно очистить советское музыковедение от буржуазных космополитов // Советское искусство. 1949. 26 февраля.
16. Селицкий А. Белое пятно или черная страница (1949 год в истории советской музыки) // Фундаментальные исследования. 2005. №2. С.116–117.
17. Федотова Ю.В. Становление идеологического контроля музыкально-концертной сферы в России (1920–1960-е гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2016. Т.16. №3. С.101–107.
18. Чепниан Н.Л. Музыкальная культура Адыгеи 1920–1950-х годов в контексте основных парадигм культурной революции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2017. № 4(207). С.204–211.
19. Шадрин В.О. Советские композиторы и власть во второй половине 1950-х годов: речь Д.Т.Шепилова на съезде композиторов как провозглашение новых принципов взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №7(33). Ч.II. С.205–208.
20. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 тт. Т.5. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. 527 с.
21. Юдин К.А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 – начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. Вып.4(18). История. С.39–52.
22. Юдин К.А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. Вып.4(15). История. С.63–74.

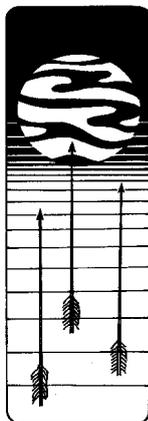
Внимание читающего должно быть сосредоточено на мысли автора, а не на разгадке того, что автор хотел сказать.

Д.С.Лихачев

В разные эпохи и в разных жанрах это абстрагирование постоянно сталкивалось с другими тенденциями – с тенденциями к художественной конкретизации – и вступало с ними в различные сочетания.

Д.С.Лихачев

Андрей Каравашкин

**НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ
ОПЫТ В ТЕКСТАХ
ДРЕВНЕЙ РУСИ:**

**ИГУМЕН ДАНИИЛ, ИНОК ФОМА,
ПРОТОПОП АВВАКУМ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
821.161.1

В статье рассматривается непосредственный опыт как факт самосознания древнерусских мастеров слова. Кроме авторитетных текстов-образцов древняя и средневековая Русь умела ценить личные свидетельства, ссылки на знакомство автора с предметом изображения. Путешественники, риторы и проповедники использовали непосредственный опыт в качестве важной суггестивной установки, позволявшей придать произведению убедительность. Прием этот использовался в разных жанрах с целью вовлечь читателя в предложенные обстоятельства. Функция приема рассматривается на примере произведений игумена Даниила (XII в.), инока Фомы (XV в.), протопопа Аввакума (XVII в.).

The article considers direct experience as a fact of self-consciousness of the ancient Russian masters of the word. In addition to authoritative sample texts, ancient and medieval Russia was able to appreciate personal evidence, links to the author's acquaintance with the subject of the image. Travelers, rhetoricians and preachers used direct experience as an important suggestive setting, which allowed to give the work credibility. This technique was used in different genres in order to engage the reader in the proposed circumstances. The reception function is considered on the example of the works of hegumen Daniel (XII century), monk Thomas (XV century), protopope Avvakum (XVII century).

Ключевые слова: непосредственный опыт; риторика; апелляция; автор; этикет; элементы реалистичности; убедительность.

Key words: direct experience; rhetoric; appeal; author; etiquette; elements of realism; persuasiveness.

E-mail: karavash2008@yandex.ru

Древнерусскую культуру мы часто представляем себе как результат заимствования, прилежного подражания образцам, «подлинникам», авторитетным текстам. И это – оправданное ожидание: редкая икона обходилась без иконографической схемы, редкое житие ограничивалось добросовестным изложением подлинных свидетельств (ведь святой действовал не только как реальный исторический персонаж, но и как репрезентант определенного агиографического типа, что обязывало книжника обращаться к похожим сюжетам на примере наиболее известных текстов-предшественников).

В традиционной агиографии ценится конкретность, хотя значение образцов и топики там чрезвычайно велико¹. Агиограф, правда, в основном собирает чужие свидетельства, складывая из них мозаику повествования. Но в качестве связующего элемента выступает набор общих мест из монашеских житий. В «Житии Феодосия Печерского» Нестора о последних минутах преподобного говорится на основе свидетельских показаний (впрочем, нельзя исключать, что этот эпизод также был подсказан каким-то образцовым текстом). Некий монах, служивший святому, буквально подсматривал в дверную скважину, чтобы сообщить потом, как отошел к Богу величайший подвижник: «Единъ же от братие, иже вьсегда служааше ему, малу сътворь скважню, съмотряше ею» [3, с.430]². Но в соответствии с каноном святой заранее знает время своей кончины и умирает, подготовившись, произнеся все необходимые наставления и молитвы. Ритуал и здесь соблюден.

Чувство жанра определялось не теоретическими познаниями в этой области, но эрудицией, начитанностью, которые подсказывали порой, как подобает описывать то или иное событие. Отсюда столь характерное и справедливое для нас желание видеть в древнем искусстве, прежде всего, «этикет», «чин», «обычай».

Однако за «этикетом», что уже неоднократно отмечал Д.С.Лихачев, скрывается порой борьба противоположных тенденций

¹ Еще В.О.Ключевский обращал внимание на ценность житий, которые доносят до нас исторические факты, подробности места, времени, обстановки. Но с этим, по мнению историка, сопряжены большие сложности, так как агиограф стремился к воплощению идеала, а потому без оглядки заимствовал из других текстов. Так, о жизни Ефрема Перекормского мы узнаем лишь то, что она изложена словами из Жития Александра Сvirского, а яркая деталь оказывается лишь общим местом [9, с.432–433].

² Здесь и далее при цитировании буква «Ѣ» заменена на «е».

[11, с.129–160]. «Чину» может противостоять «реалистичность», стремление изображать жизнь такой, какая она есть. Монументальность *должного* становится, таким образом, не столь монолитной. Мы вправе ждать от средневекового автора прорыва в реальность, такой манеры письма, которая сродни объективистскому этюду или натуралистическим зарисовкам. Эта установка на поиск «реалистичности» была особенно заметна в трудах филологов-медиевистов 50–60-ых гг. прошлого века.

Вместе с тем за пределами внимания ученых оказался один аспект деятельности древнерусских книжников, который и по сей день не рассмотрен и не разработан удовлетворительным образом. Мы имеем в виду суждения средневековых авторов об истоках собственного творчества. И здесь открываются заманчивые перспективы. Если в подражании образцам авторы Древней Руси не всегда признавались прямо, то апелляцию к личным свидетельствам и наблюдениям они, чаще всего, делали сильной позицией текста. Им зачастую необходимо было подчеркнуть, что сцену, событие, важную деталь, произведение искусства или природный объект они видели *своими глазами*. То есть мы говорим сейчас о непосредственном опыте как об одной из интенций средневековых мастеров слова.

Еще в домонгольскую эпоху Владимир Мономах не только заповедал детям свод нравственных истин, но и представил развернутую летопись своих деяний, специально отмечая, что делал и видел лично. Например, ему было важно рассказать, как он трудился в разездах и на охоте с тринадцати лет. Именно свои *личные* деяния он хотел оставить в памяти потомков, завещал их как образец. И он тщательно отмечал все те моменты, когда трудился сам, выполняя иногда работу младших членов дружины. Вот он самолично приручает диких коней: «А се в Чернигове деяль есмь: конь диких своима руками связаль есмь въ пушах 10 и 20 живых конь...» [3, с.470]. Вот он рискует жизнью как отважный охотник: «Тура мя 2 метала на розех и с конемъ, олень мя одинъ боль, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль, вепрь ми на бедре мечь оттяль, медведь ми у колена подъяклада укусилъ...» [3, с.470]. А тут – выполняет работу «отрока»: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створиль, дела на войне и на ловехъ, ночь и день, на зноу и на зиме, не дая себе упокоя» [3, с.470].

Конечно, далеко не всегда мы можем доверять некоторым свидетельствам. Так, «хождения», изобилующие описаниями от лица путешественника, нередко оказывались лишь переделками ранних текстов, их творческими переработками. До XVI в. использовался, цитировался и переписывался текст авторитетного «Хождения» игумена Даниила, а впоследствии то же самое происходит с «Хождением купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока». Впрочем, текст «Хождения» Коробейникова в свою очередь был результатом искусных компиляций и буквально опутан многочисленными интертекстуальными совпадениями [12, с.292–294].

Тем не менее нередки случаи, когда автор включает непосредственный опыт в саму стратегию повествования, когда он намеренно говорит от своего лица. При этом мы не ставим перед собой цель доказать или опровергнуть подлинность и точность его свидетельств. Нам важно другое.

Нас интересуют примеры апелляции к непосредственному опыту как особая установка книжника. Для достижения эффекта достоверности ему бывает важно сослаться на личные наблюдения. Оказывается, не только взятая взаймы мудрость, чужое авторитетное суждение и сакральные тексты имели в Древней Руси силу доказательств. Порой было достаточно заявить, что видел святыню, человека или природный объект собственными глазами. Эта встреча с предметом описания лицом к лицу имела не меньшую ценность, чем слова заслуживающих доверия предшественников. Перед нами еще один прием внушения, суггестии.

Прибегая к непосредственным свидетельствам, средневековый автор стремился к максимальному погружению читателя в предлагаемые обстоятельства и предмет беседы. Но способы и цели обращения к личному опыту могли быть несходными, зависящими от авторских намерений. Мы сравним три текста, относящихся к разным историческим периодам, к домонгольской Руси (ранний XII век), к средневековой Руси (XV век) и к России так называемого «переходного периода» (XVII век).

**«Видех очима своима
грешныма»**

В самом начале XII века русский игумен Даниил стал первым славянином-русичем, который описал Святую Землю. И хотя он не скры-

вал, что святыни ему открыли Бог и опытный проводник, стратегией повествования паломник избрал непосредственное свидетельство. Делалось это исключительно для пользы «чтущих». Они должны узреть благодать как бы своими глазами, оказавшись стараниями пишущего один на один с реликвиями Палестины. Предельная конкретность и *визуализация* повествования – вот что стало принципиальной творческой установкой автора. Он следовал ей неуклонно.

Правда, у современного читателя эта череда подробных описаний может вызвать и недоумение. Авторская субъективность заявляет о себе редко. Некоторые описания совершенно безличны. Святыни и памятники представлены существующими отдельно от зрителя, как изолированные объекты. Их объединяет только топография пути. Заголовки миниатюрных глав, каждая из которых посвящена той или иной достопримечательности, обозначают важные пункты остановки. Вот очерки о доме Иесея, колодце Давида и месте, где сообщили пастухам ангелы о Рождестве Христа: «О дому Иесеове, отца Давыдова. И ту есть место на стране града къ востоку лицъ, от града вдалье, яко дострелить; имя месту тому Вифиль. И ту был домъ Иесеевъ, отца Давыдова; и в тот домъ прииде Самоиль пророкъ и ту помаза Давыда на царство во Израили, в Саула место. О кладязе Давыдове. Ту кладязъ Давыдовъ, егоже пити древле Давыд вжадася. О месте, идеже благовестиша аггели пастухомъ. А оттуда есть место подъ горою на поли, версты вдалье от Рождества Христова, на востокъ лицъ, на том месте святии аггели благовестиша пастухом рождество Христово» [4, с.68]. И таких описаний большинство.

Конечно, эта манера изображать святыни обусловлена стремлением выявить их объективную, онтологическую природу: к овеществленной благодати не должно примешиваться бренное, сиюминутное. Поэтому автор экономит на выражении чувств, не навязывает читателям по любому поводу личного отношения. И все-таки игумен то и дело замечает, что исходил все дороги своими ногами и видел все сам: «Азь недостоин игумень Данил, пришед въ Иерусалимъ, пребыхъ месяцъ 16 в месте в лавре святаго Савы, и тако могох походити и испытати вся святая си места» [4, с.28]; «И ту недостойный азь поклонихся святыни той чудной, и видехъ очима своима грешныма благодать Божию на месте том, и походих остров тьи весь добре» [4, с.32]; «Мне же, худому, недостойному, пригоди Богъ в столп-от (столп Дави-

да. – *А.К.*) святой...» [4, с.42]; «И чюдную ту землю Галилейскую видехом очима своима, всю землю Палестину Богъ сподоби мя обиходити» [4, с.106]; «Обаче аще и не мудро написах, но не ложно: якоже видех очима своима, тако и написах. <...> И видех очима своима грешныма поистине, како сходит святой свет къ Гробу животворящему Господа нашего Исуса Христа» [4, с.108].

Кроме того, Даниил выбирает одну весьма показательную манеру визуализации объекта. Он порой сообщает не только о точных расстояниях между городами и весями, но и старается зафиксировать пространственные характеристики святынь и памятников, сообщить об их размерах, используя разные способы и единицы измерения. От места крещения Христа до берега Иордана можно докинуть маленьким камнем. Церковь Рождества Христова в Вифлееме в длину пятьдесят сажень, а в ширину – двадцать. Высота горы Фавор такова, что с нее можно выстрелить четыре раза, а если стрелять снизу вверх, то и восьми выстрелов не хватит, чтобы достать до вершины. В рассказе о кувуклии Гроба Господня этот прием повествования достигает кульминации. И здесь мы видим уже самого паломника, совершающего измерения каменного ложа, на котором пребывало в течение трех дней тело самого Христа. Создается впечатление, что измерение объекта становится формой его почитания, сакральным и таинственным ритуалом. И к этой тайне игумен приобщает своих читателей: «И тогда измерих собою Гробъ въдле и вшире и выше же, колико есть; при людех бо невозможно есть измерити его никомуже» [4, с.116].

Надо сказать, что авторское присутствие нарастает в «Хождении» по мере приближения к заключительной главе, посвященной Гробу Господню. Центр тяжести повествования как будто бы смещен, и финальные описания проникнуты у Даниила наибольшей эмоциональностью. Вот как он изображает возвращение из кувуклии с бесценным даром (частица Гроба), который передал ему ключарь: «Азь же, поклонився Гробу Господню и ключареву, и возьмъ кандило свое съ масломъ святымъ, изидох из Гроба Святаго с радостию великою, обогатився благодатию Божию и нося в руку мою даръ святаго места и знамение Святаго Гроба Господня, и идох, радуясь, яко нѣкако скровище богатства нося» [4, с.116]. Повторы служат в этом отрывке своего рода смысловым акцентом, позволяющим подчеркнуть состояние торжественного благоговения.

В заключение Даниил вспоминает и других паломников из Русской земли, которые были с ним в храме Гроба Господня. Он считает нужным сослаться на свидетелей-соотечественников и пишет о них так, словно к ним всегда можно обратиться, чтобы проверить истинность его слов: «Мне же худому Богъ послух есть и Святый Гробъ Господень и вся дружина, русьстии сынове, приключьшиися тогда во ть день ногородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михайлович Кашкича и инии мнози, еже то сведають о мне худомъ и о сказании семь» [4, с.114].

Итак, точность и лаконизм описаний сопровождаются в «Хождении» Даниила авторской интенцией непосредственного восприятия.

«Но аз же самовидецъ сый...» Полной противоположностью «Хождения» Даниила следует признать «Слово похвальное» инока Фомы. Этот текст написан через три с половиной столетия после паломнических записок русского игумена. Автор «Слова» отдает должное торжественной риторике, всячески украшает свою речь тропами, средствами ритмизации, разнообразными гиперболами. Если Даниил как автор стремился к простоте и точности, то Фома явно рассчитывает удивить читателя нарочито витийственным слогом. Его цель – прославить господина, тверского князя Бориса Александровича. При этом Фома был прилежным читателем образцовых текстов, искусственным средневековым книжником. Так, инок использует текст «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и творения Иоанна Златоуста [10, с.175–181]. Это далеко не полный перечень источников Фомы. Возможно, он даже знал «Житие Александра Невского», поскольку в «Слове» используется топоним необыкновенной княжеской славы, распространившейся по всему миру, а сам автор называет себя «самовидцем», то есть свидетелем. Эти особенности присущи раннему Житию Александра.

Перечисляя здравницы митрополитов, ни разу не видевших Бориса, автор замечает, что сам был неоднократным сопричастником его трапезы: тем усерднее современникам и очевидцам подобает хвалить столь совершенного государя [5, с.81]. Далее в духе «плетения словес» ритор прибегает к известному книжникам приему «кому уподоб-

лю сего праведника». Поиск сравнений и ретроспективных аналогий только подчеркивает эрудицию автора.

Наконец, создатель торжественного слова задается вопросом, из каких книг собрал он похвалы тверскому князю. Перечисляя авторитетные творения, в том числе апостольские писания и библейские книги Царств, Фома подчеркивает, что основывался исключительно на живом, непосредственном знании; «не от кнѣиъ бо, но от строения самого того государя» [5, с.100].

Показательно, что труд летописцев Фома оценивает сдержанно, отмечая разные источники исторических текстов. Летописцы могут основываться на том, что писали другие, на том, что удалось услышать, и на том, что смогли сами увидеть. Последний вид знания оценивается, надо полагать, как самый достойный. Ритор склонен ставить на первое место свидетельства очевидца, которые помогают сплести поистине «золотой венец» великому мужу: «Но азъ же самовидецъ сый и святому тому делу, но еже хощу вамъ поведати, не от инехъ слышавъ, но самъ сый вся си видевь» [5, с.104].

Безусловно, у инока Фомы обращение к непосредственному опыту выглядит, скорее, как декларация, не получает окончательного продолжения в тексте, за исключением, пожалуй, последней «летописной» части похвалы, где оратор перешел к неторопливому и даже деловому стилю изложения. Важно, наверное, другое. В «Слове похвальном» наряду с попыткой осмысления жанрового состава книжности содержится первое развернутое обоснование новой практики. По мнению Фомы, ценность повествования зависит не столько от верного подбора образцовых текстов, сколько от жизненных впечатлений автора. Пожалуй, впервые на страницах древнерусского литературного произведения мы обнаруживаем настоящую апологию непосредственного опыта, который объявлен важным источником творческой деятельности.

**«А я, на небо глядя, кричу:
“Господи, спаси!”»**

Протопоп Аввакум, один из самых известных авторов средневековой Руси, выступает одновременно и предтечей литературных открытий Нового времени. Отрицая церковные реформы и новизну в обычаях, обрядах, иконном письме, повседневной

жизни, мятежный глава ранних старообрядцев, тем не менее, опередил свое время и стал новатором слова. Ему принадлежит одна из самых известных автобиографий в истории русской литературы. «Житие Аввакума, им самим написанное» стало исповедью-проповедью. Оно соединяет глубокие наблюдения над внутренней духовной жизнью и одновременно призывает к бескомпромиссной борьбе за истинную веру. Казалось бы, интенции достоверных свидетельств у Аввакума подчинено все повествование, и нет смысла выделять этот прием как особый и значимый.

Но протопоп не раз отдавал дань средневековым принципам сочинительства. Он не отрицал следования образцам, неоднократно провозглашая эту установку как важнейшую. Свой авторитет проповедника он строил на фундаменте учительного и пророческого слова: «У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и вам даю, жителям в дому Бога моего» [8, с.120–121].

В тех же ситуациях, когда он сам боролся с бесами, подобно древним аскетам и праведникам, Аввакум вынужден подчеркивать, что изображает бывшее с ним. Это часть личного опыта, который он делает достоянием читателей, прежде всего, своих духовных детей. Тогда и нужна апелляция к воспоминаниям: «Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московский стрелец, караульщик мой» [8, с.69]; «Да у меня ж был на Москве бешаной, – Филиппом звали, – как и я из Сибири выехал» [8, с.70]; «А егда я был в Сибири, – туды еще ехал, – и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали» [8, с.71]; «Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому вдова молодая – давно уж, и имя ей забыл...» [8, с.72]; «А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется, – да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла» [8, с.73]; «А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице» [8, с.75].

Есть еще один важный повод для непосредственных свидетельств. Они выступают у Аввакума вехами духовного созревания, становясь в тексте исповеди-проповеди сильными позициями. Новшество только в том, что герой автобиографии прибегает здесь к нетрадиционным предметам описания. Это сибирская природа в ее многообразии и величественной враждебности маленькому человеку. Обычно за грандиозным пейзажем следует или описание мучительств и «волоки», или проповедь, касающаяся христианина как такового, его веры и его предназначения.

Пейзаж строится на перечислении объектов: «Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, – дватцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, – все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, – больши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир все будет» [8, с.46]. Описание природы автобиографического «Жития» представляет собой перечисление отдельных частных образов и наименований, которые нанизываются для того, чтобы лучше всего подтвердить единственный тезис: «А все то у Христа тово, света, наделано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал» [8, с.46]. Воспоминание об увиденном служит импульсом для проповеди, в которой Аввакум развивает идею разумного устройства мира и премудрости Творца.

В эпоху, когда правдивое отражение и типизация жизни считались высшим проявлением творчества, поиски пресловутого реализма заставляли литературоведов говорить все-таки не об особом методе воспроизведения действительности, но только лишь об «элементах

реалистичности» или предреализме. В поисках метода древнерусской литературы так называемый «реализм» обнаруживали и отрицали, называли его то стихийным, то реализмом «средневекового типа» [1; 2; 6; 7]. Оставалось понять, как проверить это на практике, как доказать, что древнерусский автор действительно воспроизводил собственные наблюдения, что он бывал правдив и точен, что он «отражал» объективный мир и строил на этой основе обобщения. Верифицировать подобного рода гипотезу нельзя. Сама постановка вопроса, судя по всему, была с изъяном. Невозможно доказать, что автор, живший несколько столетий назад, верно изобразил действительность. Она нам не дана как предмет наблюдения. Эксперимент здесь практически исключен.

Совсем иное дело – авторские интенции. Когда личный опыт и эффект присутствия избираются средневековым автором в качестве руководящей идеи, можно понять, для чего он провозгласил этот принцип жизнеподобия, к какой цели он стремился. В нашем распоряжении текст как завершённый и стабильный объект. Остается раскрыть его смысловые связи и конструктивные особенности.

В рассмотренных нами произведениях одинаково значима установка на достоверность, стремление подчеркнуть, что автор лично видел то, о чем пишет. У Даниила эта интенция связана с визуализацией повествования, которое перемежается развернутыми экфрасисами. Но этим автор «Хождения» не ограничивается. Итогом его паломничества становится чудо сошествия Благодатного огня. Оно и стало предметом заключительного очерка, посвященного личной причастности паломника к тайне главной христианской святыни. «Слово похвальное» инока Фомы – произведение ораторское по духу и приемам повествования. Топос достоверности нужен тверскому книжнику для прославления князя, для риторической убедительности. Впервые так отчетливо прозвучал у Фомы принцип высокого статуса непосредственных свидетельств. История отныне пишется не только на основе книжных источников, но и с помощью личных воспоминаний автора. Пока это в основном теоретический постулат, который может быть реализован и на практике. Наконец, у протопопа Аввакума текст становится предельной концентрацией авторского опыта, жизнеописание опального протопопа строится как сплошной ряд свидетельских показаний. При этом автор и герой практически совпада-

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОПЫТ В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ют. Следует отметить, что отдельные описания, в том числе пейзажные зарисовки, выступают у Аввакума в качестве важного повода для проповеди, служат точкой отсчета в его рассуждениях, касающихся вечных аспектов бытия.

Библиографический список

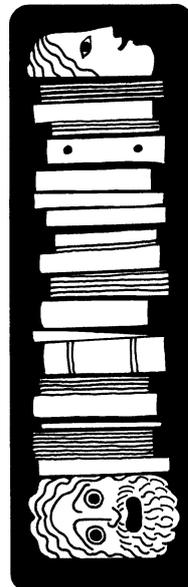
1. Адрианова-Перетц В.П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: 1960. Т. XVI. С. 5–35.
2. Азбелев С.Н. О художественном методе древнерусской литературы // Русская литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. №4. С. 9–22.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 544 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. 688 с.
5. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. 582 с.
6. Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. VII. С. 67–97.
7. Еремин И.П. К спорам о реализме древнерусской литературы // Русская литература. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. №4. С. 3–8.
8. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. 368 с.
9. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
10. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника. М.: Языки русской культуры, 2000. 198 с.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история и поэтика). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А.Есенина, 2006. 768 с.

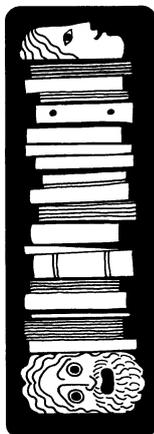
Если люди долго спорят, то это доказывает, что то, о чем они спорят, неясно для них самих.

Вольтер

Не читайте историю – читайте
биографии, потому что это – жизнь
без теории.

Бенджамин Дизраэли

Игорь Татаринов

**УКРАИНА И РОССИЯ:
ГОД 1920.
СПОРЫ О ГРАНИЦЕ**

УДК
94(470)+94(477)"1920"

В статье освещаются комплексные вопросы трансформации российско-украинской границы в 1920 г. Она базируется на изучении архивных документов и критическом анализе современных публикаций ведущих историков. Автор отмечает, что экономические факторы обусловили образование Донецкой губернии и передачу ей ряда российских этнических территорий, что вызвало напряженные споры о контурах российско-украинской границы. Напряженный административно-территориальный спор удалось уладить вмешательством центра, однако решение не удовлетворило стороны.

The article covers the complex transformation issues of the Russian-Ukrainian border in 1920. It is based on the study of the archive documents, critical analysis of publications of leading historians. The author marks, that economic factor determine the creation of the Donetsk province and the transfer to it the some Russian ethnic territories, that caused intense disputes about the contours of the Russian-Ukrainian border. The administrative-territorial dispute was settled by the orders of the Center, but the decision did not satisfy the parties.

Ключевые слова: Украинская ССР; РСФСР; Донская область; Донецкая губерния; украинско-российская граница; разграничение.

Key words: Ukrainian SSR; The RSFSR; Don region; Donetsk Province; Ukrainian-Russian border; delimitation.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Сегодня мы наблюдаем крайне низкий уровень российско-украинских отношений. Государственный переворот 2014 года в Киеве активизировал различные претензии к России, корни которых лежат в том числе и в исторической плоскости. Почти столетие тому назад российско-украинские отношения также были омрачены конфронтацией. 1919 год в отечественной истории выдался насыщенным важными событиями. На фоне активизации взаимных территориальных претензий Украинской ССР и Российской СФСР удалось на время урегулировать пограничные споры и прийти к временному компромиссу. В 1920-м году республикам предстояло окончательно устранить сложности в процессе демаркации украино-российской границы, вызванные полярностью взглядов сторон на этот процесс.

Великая Октябрьская социалистическая революция, ставшая закономерным следствием глубоких и непримиримых противоречий в Российской империи, заведших страну в тупик, открыла новую страницу государственности. Молодая страна советов во главе с партией большевиков столкнулась с тяжелейшим социально-экономическим и политическим кризисом, отягощенным последствиями мировой войны и вспыхнувшим гражданским конфликтом. Для советского руководства было очевидно, что старая политическая система управления, базировавшаяся на губернском административно-территориальном делении, не отвечала текущим потребностям развития советского государства. Большевики, решительно поддерживавшие право наций на самоопределение, реализовали это право в виде создания национальных республик с нечеткими границами и наличием взаимных территориальных претензий. Вопрос оптимального административно-территориального устройства и государственных границ быстро приобрел актуальность в межгосударственных отношениях.

Цель статьи заключается в систематизации документальных источников по российско-украинскому разграничению в 1920-м году и дополнении источниковой базы новыми материалами. Мы считаем, что статья позволит в определенной степени устранить пробел в выяснении принципов и механизмов выработки решений при урегулировании российско-украинского территориального спора путем обращения к малоизвестным научной общественности документам российских и украинских архивных фондов.

Историография вопроса

Исследуемая проблематика достаточно хорошо освещена как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Например, украинские авторы достаточно детально проана-

лизировали динамику украино-российского разграничения в XX веке. Вопросы динамики формирования границ в общих чертах затрагивались в работах таких украинских авторов, как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [14], Я.Верменич [16], В.Кузьменко [24], Г.Ефименко [20; 21], О.Сагач [33], В.Сергийчук [35] и других.

Примечательно, что общий лейтмотив украинской историографии следует в контексте взглядов известного украинского академика начала XX века С.Рудницкого. Еще в 1910 году он писал: «Мы, украинцы, земля, где живем, называется Украина, или она под Российским государством, или под Австрийским, или под Венгрией. Хотя и делят ее границы, хотя разорвана она на куски, но один народ, что ее населяет, с одним языком, характером и обычаями. Но не только народ считает украинскую территорию в одну целостность. Украина также должна определенно считаться целостной территорией другими странами Европы. Даже среди зависимых государств немногие могли бы сравниться с Украиной такой географической особенностью» [32, с.6]. Аналогичная точка зрения на принципы формирования украинских границ господствует и в современном украинском историческом дискурсе. Украинские ученые выражают сомнение в господствующих в историографии взглядах на процесс образования СССР как поступательного объединения независимых советских республик и важности событий 1920 года в этой схеме.

Ряд региональных вопросов в контексте исследуемого периода нашли отражение в работах донбасских историков [28; 36; 38]. Их работы затрагивают различные аспекты формирования восточной границы Украины, особенности формирования Донецкой губернии, освещают применение различных подходов при разграничении. Российские ученые также весьма детально рассмотрели различные аспекты российско-украинской территориализации. Важное место в освещении объективности процессов, характеризующих процесс передачи земель Области Войска Донского Донецкой губернии Украинской ССР в 1920-м году, занимает сборник документов, составленный Ю.Галкиным [30]. Он собрал документы, непосредственно затрагивающие события 1920 года, когда Шахтинско-Таганрогская территория Донской области РСФСР была передана УССР. Во второй части сборника приводятся документы,

касающиеся возврата этих земель в 1924–1925 гг. российской стороне. Большой вклад в исследование поднятого вопроса внесли труды Е.Борисенко [15], К.Дроздова [19], В.Матвеева [29], Е.Кринко [22; 23] и др. Российские ученые в своих работах показали сложность и противоречивость социально-экономических и политических практик, сопровождавших процесс российско-украинской делимитации. При этом был сделан акцент на том, что подобные трудности обуславливали спорную конфигурацию межреспубликанской границы на разных этапах ее формирования.

«...Уже перешли на точку зрения Советской Федерации»

Еще 8–10 марта 1919 г. на 3-м Съезде Советов УССР в Харькове провозгласили создание независимой Украинской ССР и приняли проект украинской Конституции. Тогда же стороны

вернулись к вопросу установления российско-украинской границы и согласились принять в качестве таковой старые губернские кордоны времен Российской империи. 10 марта 1919 г. украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой». Согласно Договору, административные границы Украинской ССР устанавливались в рамках 9 губерний: Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической [9, л.70].

Наметившаяся победа большевиков в гражданской войне и крах политики украинских буржуазно-националистических сил позволили победителям взять курс на строительство многонациональной советской социалистической федерации. Начальный этап формирования российско-украинской государственности и установления границ завершился в 1919 году. Эти границы должны были восприниматься в качестве таковых между двумя советскими суверенными государствами. В некоторых случаях Москва удовлетворила аргументы украинцев по вопросу применения этнического критерия при разграничении. Однако в итоге стороны сошлись на задействовании принципа политической целесообразности и остановились на границах, очерченных еще дореволюционным административным делением. В то же время стороны остались не удовлетворены указанными рубежами и ясно осознавали временность и ненадежность результатов переговоров о разграничении. В 1920-м году административно-территориальные споры возобновились.

Основным корректором намерений Кремля стало экономическое положение в Украине, близкое в то время к анархии. Дальнейшее игнорирование существующего положения не могло далее гарантировать эффективный контроль Москвы над Украиной. Более того, существовали опасения возникновения серьезных проблем для советской власти в целом. Поэтому было решено расширить полномочия украинских органов власти. Текущие потребности восстановления экономики республики обусловили появление нового экономического центра, которым стала Украинская трудовая армия (далее – Укрсовтрударм). Еще в решении о ее создании отмечалось: «...6) Район деятельности Военно-трудового совета Украины совпадает с районом Юго-Западного фронта плюс Александровско-Грушевский угольный район бывшей Донской области» [17, с.121].

Наиболее распространенным термином для определения российско-украинских взаимоотношений в 1919–1920 году был «федерация». Однако его трактовка и смысловое наполнение у сторон было разным. Российская сторона рассчитывала на вхождение Украины в федерацию Советской России. Украинская же позиция заключалась в равноправном участии в федеративном проекте. Заметим, что в тот период украинский политический истеблишмент пополнился силами, ранее стоявшими на позициях полной независимости. Так, в отчете V Всеукраинской конференции КП(б)У отмечалось: «Такие политические группировки, как группа Винниченко и Грушевского, которые ранее находились на точке зрения полной самостоятельности, теперь уже перешли на точку зрения Советской Федерации» [30, с.5]. Более того, в документе подчеркивалось, «что идея федерации Советской России за 1920 год сделала большой прогресс» [30, с.5].

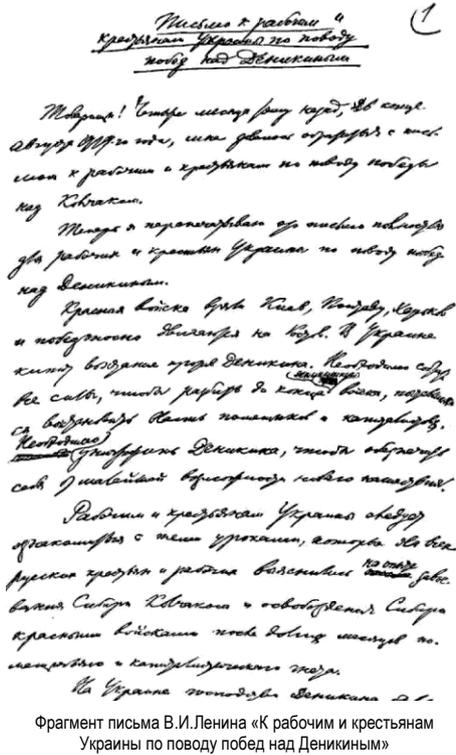
Наиболее ярко продемонстрировал российскую позицию один из идеологов советской национальной политики И.Сталин. Он отметил: «Федерация Советских Республик является той искомой формой государственного союза, живым воплощением которой является РСФСР» [18, с.188]. В ответ на это член Всеукраинского ревкома В.Затонский возражал: «Нам нужно вытравить из голов товарищей представление о советской федерации как федерации непременно "российской", ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская. ...Следовало бы это название просто устранить, или просто оставить название "Советская федерация", или придумать какое-нибудь другое» [18, с.209].

Важную роль сыграла резолюция ЦК РКП (б) «О Советской власти в Украине» (декабрь 1919). Основным лейтмотив резолюции переключается с идеями, изложенными в письме В.Ленина «К рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». В них утверждалось неоспоримое право украинцев на развитие своего языка и культуры, право на независимость и тесный союз с РСФСР, признанием которых «...мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всех более обманутых и забитых капиталистами трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния "их" национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию» [27].

Заметим, что опора на декабрьские решения стала впоследствии эффективным средством выхода из конфликтных ситуаций в российско-украинских отношениях и в реализации национально-культурной политики большевиков на Украине. Кажется вполне справедливым мнение, что создание СССР в форме равноправных республик отчасти можно назвать следствием декабрьских решений 1919 года. Для Москвы они стали стартовой площадкой и точкой отсчета, к которой возвращались в поиске новых форм взаимоотношений с Украиной [21, с.358].

Создание Донецкой губернии и отторжение донских земель

С освобождением в 1920 г. территории Донской области и Приазовья от белогвардейских войск перед советским руководством встал вопрос о

новой административно-территориальной структуре. Ориентиром в национальном строительстве послужили тезисы В.Ленина из работ «О праве наций на самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу». В них акцентировалось внимание на необходимости государственного сплочения в отдельные республики «территорий с населением, говорящим на одном языке» [26, с.258]. При этом провозглашалось тождество такого населения с национальностью [25, с.147]. Создание советских республик осуществлялось именно по языковому признаку, который Ленин считал определяющим. А самосознание как важнейшая составляющая исторической кодификации при этом вообще не учитывалось. По таким же критериям производилась «сегментация страны на автономные и самоуправляющиеся территориальные единицы» [29, с.255]. На Украине в сознание населения также активно внедрялось наименование «украинцы», ранее не имевшее широкого распространения. Наряду с этим идентификации «малоросс» придавалось дискриминирующее значение и негативный окрас [29, с.202].

Специфика народного хозяйствования в тот период обуславливала функционирование Трудармий, подчинявшихся Советам трудовых армий (Совтрудармам). Это были межведомственные органы, состоявшие из представителей командования армии, ВСНХ, ряда наркоматов и других хозяйствовавших органов. При этом они зачастую вторгались в сферу преобразования административно-территориальной структуры республик. В то время административно-территориальные единицы отчасти можно было рассматривать в качестве искусственно созданных пространственно-политических институтов, подчиненных государственными модернизационным задачам. Это обстоятельство частично объясняет искусственный характер восточных границ Украинской ССР и чрезмерную вариативность территориальных конфигураций, что стало основой их нестабильности, а впоследствии и конфликтогенности. Внедрявшийся с 1920-х годов районный уровень административно-территориального устройства не основывался на реальных потребностях, а имел целью создание опорных пунктов реализации партийно-хозяйственных директив [16, с.42–71].

Именно по такому принципу на Донбассе создавали Донецкую губернию, образованную отдельным декретом СНК Украинской ССР еще 5 февраля 1919 года. Однако в то время гражданская война не позволяла приступить к формированию этой губернии, и лишь в 1920 году процесс сдвинулся с места. Донецкая губерния, в отличие от других, имевших волости как административно-территориальные единицы, практически

сразу была разделена на районы, объединившие близко расположенные заводы, фабрики и рудники. Изначально создали 11 районов [12, л.3–14], со временем увеличив их число до 13. Административные границы в период гражданской войны были условными и постоянно изменялись в зависимости от динамики военно-политической обстановки на фронтах и реализации хозяйственных задач.

С образованием Укрсовтрударма, признававшегося Москвой в качестве одного из ведущих государственных органов на Украине, который до мая 1920 возглавил член политбюро ЦК РКП(б) и нарком по делам национальностей РСФСР И.Сталин, наметилась тенденция к устранению административно-хозяйственного хаоса в УССР и Донбассе, в частности. 17 января 1920 г. в приказе Донецкого губревкома г.Луганска (на тот момент – столица губернии) объявлялось: «впредь, до выяснения экономической территории Донецкой губернии... утверждается... 11 административных районов, входящих в состав Донецкой губернии». Речь шла о Бело-Калитвенском, Боково-Хрустальском, Александро-Грушевском районах, т.е. Шахтинской территории [34, с.3]. При этом Таганрогский район пока не упоминался, однако его отдельные населенные пункты в приказе фигурировали. Заметим, что приказ появился за два месяца до официального закрепления границ Донецкой губернии.

Несмотря на сомнительность этого решения в части корректировки административно-территориального устройства (на тот момент было невозможно изменить границы без разрешения Всероссийского ЦИК), оно получило поддержку в Москве и в Харькове, являвшемся в то время столицей УССР. По инициативе В.Ленина Совнарком поручил административной комиссии при ВЦИК составить план образования Донецкой губернии в таких контурах, чтобы она включала «всю горную промышленность и достаточное для полного обеспечения местного населения количество продовольственных уездов и волостей из соседних губерний» [23, с.639–640]. Уточним, что под «соседними» имелась в виду Область Войска Донского.

Именно в целях оптимизации работы административно-хозяйственных органов Укрсовтрударм начал корректировку и закрепление новых административных границ Донецкой губернии, а по факту – и новой межреспубликанской российско-украинской границы. 15 марта 1920 г. за подписью И.Сталина вышло постановление Укрсовтрударма, по которому к Донецкой губернии отходили части Екатеринославской, Харьковской губерний и Области Войска Донского. 23 марта Совнарком РСФСР предложил включить в состав Донецкой губернии «из

казачьих областей южную часть Донецкого и северную часть Черкасского округов, не дробя уездов. Если окажется, что при таком составе губернии продовольственное положение не будет обеспечено, то присоединить Купянский или Изюмский уезды» [17, с.586–587]. В тот же день эти решения подтвердились Постановлением ВЦИК.

Помимо решения административно-хозяйственных задач, Москва рассчитывала передачей донских казачьих земель и Донбасса в состав Донецкой губернии обеспечить политическую лояльность украинского руководства и укрепить украинский пролетариат. Примечательно, что за несколько дней до утверждения решения о передаче донских земель в состав УССР, 19 марта, ВЦИК дал разъяснения Донисполкому о том, что Донская область остается в существующих границах. Как результат, 30 марта Донисполком телеграфировал в донские округа: «...Донская область сохраняется в старых территориальных границах с сохранением прежнего административного деления по округам, станицам, волостям» [34, с.3].

Не проинформировав украинских коллег, Москва еще больше усугубила административно-хозяйственную неразбериху. Так, 8 апреля 1920 года глава СНК УССР Х.Раковский телеграфировал В.Ленину: «В Донецком бассейне продолжается организационный хаос. Административные границы губернии меняются постановлениями губревкома, отдельных уездов и волостей. Учетом и распределением продовольственных грузов занимается одновременно и губернский Продком, находящийся в Луганске, и Проддонбас, который находится в Дебальцево, в результате чего в некоторых местах получают больше, а в других меньше, чем нужно. Луганский Совнархоз в антагонизме с главным управлением угольной промышленности, угрозами заставляет рудоуправления неподалеку от Луганска подчиняться его управлению. Продкомовские районы не совпадают с угольными» [10, л.9–10]. Только 10 апреля СНК УССР получил подписанное секретарем СНК РСФСР Л.Фотиевой телеграмму, которой она подробно информировала о решении Президиума ВЦИК от 28 марта 1920 года. Там же содержалось важное замечание, что «точное установление окончательной границы предоставляется определить местным органам» [3, л.12]. Эта оговорка свидетельствует о возможности в будущем некоторой коррекции принятого решения местными органами власти, чем активно пользовались власти Донской области, безуспешно пытаясь отменить указанные решения о передаче донских земель Донецкой губернии.

Разные точки зрения на будущее союзного государства порождали и различные практики административно-территориальных корректировок. Известны документы, по которым создававшаяся Донецкая губерния должна была войти в состав РСФСР. Об этом как о «свершившемся факте» сообщал Луганскому ревкому 26 марта 1920 г. в телеграмме из Москвы председатель Луганского губревкома В.Антонов-Саратовский: «Сообщаю: 1. По моей инициативе Совнарком постановил утвердить Донецкую губернию с включением Мариупольского, Таганрогского полностью, Первого Донского, Александровск-Грушевского, Старобельского. Если будет необходимо, прирежут часть Изюмского или Купянского. 2. Донецкая губерния входит в РСФСР; 3. Финансовые вопросы решаются, так же и другие; 4. В результате мы имеем самостоятельное представительство на Всероссийский партийный съезд. Прошу, учитывая его колоссальную важность, от имени губпарткома и Луганской организации, узнав количество ее членов, направить немедленно по прямому [проводу]... на имя ЦК РКП и меня мандат на съезд для меня. Все равно я должен быть здесь, пока окончательно не решаются губернские вопросы» [2, л.3]. Очевидно, губернское руководство рассчитывало, что, став российской, губерния будет иметь лучшее финансирование и большую автономность в экономике, поскольку подчинялась бы не двум (Москва, Харьков), а одному центру – Москве.

16 апреля 1920 г. Всеукраинский ЦИК конкретизировал границы Донецкой губернии, включив в нее, кроме частей Екатеринославской и Харьковской губерний, территории бывшей Области Войска Донского: а) из Донецкого округа станицы: Гундоровская, Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская; волость Карпово-Обливская; б) из Черкасского округа станицы: Владимирская, Александровская, далее на запад условная линия, Казачьи лагеря, Мало-Несветаевская, Нижне-Кременская и далее до границ с Таганрогским округом; в) Таганрогский округ – весь целиком [6, л.86].

Утвержденные административно-территориальные трансформации лишь усугубили управленческий хаос. На партийной конференции Таганрогского округа возмущались «неразберихой, творящейся вокруг вопроса о границах Донецкой губернии и Донской области. Луганск телеграфно предписывает Таганрогу, ссылаясь на Постановление СНК, подчиняться ему. Ростов-на-Дону на это телеграфирует Таганрогу, что границы Донской области остаются прежние. Часть Таганрогского округа без ведома согласия Таганрогского окружного ревкома уже занята Донецкой губернией, где представители Луганска грозят представителям Таганрога

арестом вооруженной силой. Партийная конференция убедительно просит прекратить безобразия, окончательно дезорганизуя работу Таганрогского окревкома, волревкомов на местах» [34, с.12].

Примечательно, что недовольство указанными приграничными трансформациями высказывали не только партийно-государственный аппарат Донской области, но и органы НКВД. Заслуживает внимания телеграмма отдела управления НКВД РСФСР от 23 апреля, адресованная, как указывалось в ней, «отделу управления Луганского исполкома, г.Луганск Екатеринославской губернии» и посланная в виде копий Харьковскому, Екатеринославскому губисполкомам и Таганрогскому ревкому. Речь шла о следующем: «Отдел управления НКВД на ваше отношение к ВЦИК под №3225 сообщает, что предполагаемая Донецкая губерния, которая может быть сформирована из частей Екатеринославской, Харьковской губерний и части Области Войска Донского, будет приниматься во внимание только после обсуждения и окончательного решения вопроса – в смысле установления границ и принадлежности – между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Республикой. До постановления местности предполагаемой губернии считаются в своем предыдущем составе» [3, л.26]. Как видно из документа, у НКВД имелись определенные сомнения в правильности решения о границах Донецкой губернии. Возможно, они появились у руководства российских чекистов после осознания того, что переданные в состав Донецкой губернии территории уже не будут в их подчинении.

Руководство Донской области было категорически не согласно с принятыми территориальными изменениям и 21 апреля вновь отослало на места телеграммы о подтверждении своего постановления от 27 марта 1920 г. и о том, что «границы Донской области остаются прежние» [34, с.11]. В ответ на это Москва сообщала, что вопрос о границах Донецкой губернии решен СНК и утвержден ВЦИК: «Никаких изменений или уклонений быть не может. Таганрог входит в Донецкую губернию» [34, с.12]. Отдельным постановлением от 26 апреля 1920 года ВЦИК еще раз подтвердил свое постановление от 28 марта «о создании Донецкой области в пределах, утвержденных СНК, и просит Президиум ВУЦИК ускорить введение этого постановления в жизнь» [3, л.29].

28 апреля Ростов-на-Дону получил подтверждение о передаче Таганрога и округа в состав Донецкой губернии. Телеграммой за подписью замнаркома внутренних дел РСФСР М.Васильева подтверждалось, что «Постановлением Совнаркома от 23 марта с.г. Таганрогский округ

присоединен к Донецкой губернии. Предложить Таганрогскому округу исполнять распоряжения Луганского Губисполкома». Тогда же аналогичную телеграмму получил и Луганск. Среди прочего там подчеркивалось: «Немедленно уладить и не допускать конфликтов, создать Административную Комиссию» [34, с.13]. Еще одно подтверждение получили из Москвы Луганск, Ростов-на-Дону и Таганрог 30 апреля: «Постановлением Совнаркома от 23 марта и Президиума ВЦИК 28 марта и 26 апреля Таганрогский округ включен в Донецкую губернию и подчиняется губернскому центру – Луганску. Всякое противодействие этому постановлению безусловно недопустимо. Копии постановлений Совнаркома и Президиума ВЦИК высланы...» [34, с.13].

Однако несогласие Таганрога проведенными трансформациями продолжалось. Райисполком и РВК по-прежнему игнорировали изменения своей юрисдикции, на что 3 июня получили очередную телеграмму (№4403) из Ростова: «Категорически предлагаю прекратить дезорганизаторскую кампанию вынесением волостями резолюцией и неподчинением тем райисполкомам, которым они отнесены приказом Донецкого губревкома. Границы, список волостей Вашего района сообщаются дополнительно». Таганрог возражал: «В ответ на телеграмму 4403 исполком сообщает, что дезорганизационная кампания не ведется, а, напротив, принимаются все меры к улаживанию вопроса о границах. Всякая резолюция волостей о нежелании их подчиняться... отклоняется. В настоящее время для точного выяснения отнесения местностей к той или иной административной единице к Вам командирован наш представитель» [34, с.15–16].

Как известно, в тексте постановления от 28 марта 1920 года оговаривалось, что окончательную границу должны наметить местные органы власти. Летом 1920 г. работала «Согласительная комиссия по разграничению Донской области и Донецкой губернии». В частности, она собиралась 27 июня и 31 августа 1920 года и решала, прежде всего, вопросы землераспределения между селами [8, л.1–3, 8]. 12 июля 1920 г. Донецкий губисполком издал приказ №11, согласно которому станица Луганская, ранее входившая в состав Миллеровского района Донской области, присоединялась к Луганскому району Донецкой губернии. Донские казаки станицы Луганской категорически протестовали против такой передачи.

Несмотря на приказ №11, местные органы власти продолжали исполнять директивы и предписания, исходившие из Миллерово. Луганский районный продовольственный комиссар докладывал в райиспол-

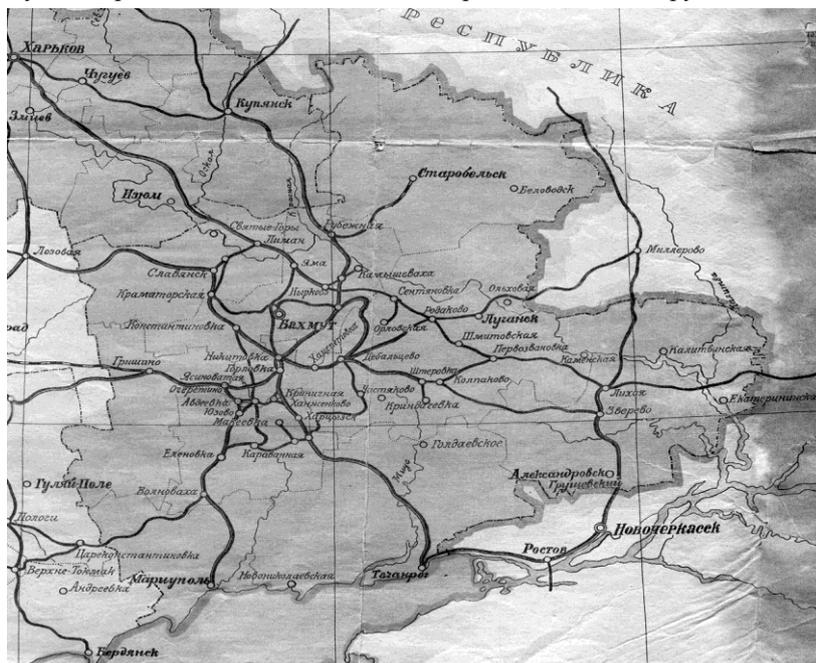
ком 21 июля 1920 г. о том, что «Луганский станичный исполком подчиняется до сего времени Миллеровскому райисполкому, получая от него предписания. Обращаем Ваше внимание на ненормальность сего явления, тормозящего проведение продовольственной политики на местах» [1, л.12]. Аналогичные запросы в адрес Луганского райисполкома слал также отдел народного образования: «просим дать окончательный ответ, кому должны подчиняться – Миллерову или Луганску». В ответ из губернского центра было получено уведомление, что «Луганская станица действительно присоединена к Луганскому району Донецкой губернии» [1, л.13–14].

Донские территории, переданные в состав Украинской ССР в 1920-м году

Неопределенность в вопросе административно-территориального подчинения станицы Луганской затянулась до осени 1920 года. В телеграмме председателя Станично-Луганского исполкома Козюбердина от 11 октября 1920 г. Донскому Облисполкому и ВЦИК отмечалось, что передача станицы Луганской завершилась по инициативе Донской областной административной комиссии, которая на своем заседании еще 9 августа 1920 г. решила передать станицу Донецкой губернии, и 30 августа это решение утвердил ВЦИК. Правда, как отмечалось в телеграмме, руководителей Донецкой губернии, которые находились буквально рядом со станицей Луганской, уведомить забыли, в результате чего «...станция повисла в воздухе. Положение в станице настойчиво диктует необходимость срочного решения о принадлежности станицы области или губернии. Станичный исполком просит соответствующего распоряжения» [2, л.10].

Точно так же оставались в неведении органы НКВД. Так, в телеграмме заместителя НКВД РСФСР М.Владимирского в исполком Донецкой области от 25 октября с удивлением отмечалось: «Наркомвнутдел предлагает указать, когда и по каким мотивам состоялось постановление Дноблисполкома о присоединении станицы Луганской к Донецкой губернии» [3, л.35]. В целом, на начало 1921 года, перевод местных органов власти станицы Луганской под украинскую юрисдикцию, несмотря на протесты местного населения, был завершен. Чтобы сгладить ситуацию, в 1927 году здесь был создан русский национальный район. Примечательно, что в последующие годы из Ростова-на-Дону время от времени подавались просьбы о возвращении ему утраченных в 1920 г. территорий (преимущественно, Таганрог и округа), однако о станице Луганской речь в них не шла. Можно согласиться с мнением, что единственным аргументом в пользу присоединения станицы Луганской мог стать административно-географический. Станица была совсем рядом с тогдашним губернским центром – Луганском – и должна была служить продовольственной базой для промышленного округа.

Донецкая губерния УССР в конце 1920 года

Не лишены оснований предположения о внутридонской подоплеке вышеуказанных трансформаций. Влияние на эти решения оказал не только учет национального состава населения, но и наличие земельных споров между крестьянским и казачьим населением Таганрогского округа. Эти разногласия существовали достаточно давно, а в условиях революционных событий они значительно обострились. Высказывалось намерение выкупить юртовые надельные земли как способ разрешения спора. Крестьяне «предлагали объединиться с Ростовским округом, где казачество также составляло меньшинство (всего две станицы), и образовать отдельную губернию или, как и ранее, присоединиться к Екатеринославской» [37, с.203–204].

Заметим, что в том же 1920 году Президиум ВУЦИК поднимал вопрос о присоединении Белгородского уезда к Украине. Поскольку ВУЦИК не имел полномочий самостоятельно решать этот вопрос, было принято решение сделать запрос о таком изменении границы в Москву во ВЦИК для его рассмотрения административно-экономической комиссией [11, л.27]. Однако это обращение было отклонено российской стороной.

**Считает «...изъятие
Таганрогского округа
нецелесообразным»**

Принятое решение об образовании Донецкой губернии и передаче ей ряда территорий отчасти нормализовало административно-хозяйственную жизнь региона, однако не смогло

учесть ряда этнических и экономических факторов. В последующие годы попытки донских властей вернуть донские земли не прекращались. В январе 1921 года представителем Совтрударма Кавказа была инициирована попытка вернуть Таганрог Донской области РСФСР. Ожидалось, что это изменение должно было состояться во время запланированного изменения районирования [2, л.3]. В ответ на это Укрсовтрударм 25 марта протестовал, считая «изъятие Таганрогского округа нецелесообразным, и настаивает перед Совтрудобороны на недопустимости проведения в жизнь подобного решения. Совтрударм обращается к Совнаркому, ВУЦИК и ЦК партии Украины с предложением поддержать постановление Совтрударма также и по своей линии, поскольку такое разделение может вызвать политические неудобства» [8, л.8].

В поданном в Москву 28 апреля 1921 г. Украинским СНК протесте, подписанном В.Чубарем, отмечалось, что Постановление Административной Комиссии ВЦИК о выделении Таганрогского уезда из Донецкой

губернии и присоединении его к Ростовскому округу «ставит в катастрофическое положение продовольственное снабжение Донбасса, т.к. из всех уездов Донецкой губернии Таганрогский является главной базой продовольствия» [34, с.16]. 7 мая замнаркома внутренних дел РСФСР уведомил В.Чубаря, что «никакого постановления выделения Таганрогского округа из Донецкой губернии и присоединения его к Ростовскому округу Административной Комиссией не принималось. Представителем Совтрударма Кавказа в январе был сделан Адмкомиссии доклад о разрабатываемом им плане районирования Кавказа. Адмкомиссии указано, что проектирование присоединения Таганрогского округа не будет утверждено. Окончательный проект будет представлен в конце мая» [4, л.11].

12 мая аналогичное обращение в ЦК РКП (б) за подписью Д.Лебеда поступило и от ЦК КП(б)У: «Просим связаться с НКВД и настаиваем на оставлении Таганрогского уезда за Донбассом, поскольку уезд неразрывно соединен экономически с Донбассом» [4, л.4]. В итоге административная комиссия получила предписание, по которому возвращение Таганрогского уезда в состав Донской области не было утверждено. Стороны вернулись к этому вопросу лишь в 1924–1925 годах.

Для республиканских партийных и хозяйственных функционеров вопросы границ всегда имели большое значение. Так, Генеральный прокурор УССР Н.Скрипник неоднократно озвучивал требования о присоединении территорий Азовской, Черноморской, Кубанской, Курской и Воронежской областей [13, л.56]. Отвергая притязания украинцев, российская сторона выдвигала встречные требования о возврате земель бывшей Области Войска Донского, переданных в состав УССР в 1920 году.

Важным этапом российско-украинской дискуссии о принципах существования стал «Союзный рабоче-крестьянский договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Украинской Социалистической Советской Республикой», заключенный 28 декабря 1920 года [31]. В преамбуле этого соглашения речь шла о взаимном признании независимости и суверенитета обеих сторон. Он зафиксировал принципы межреспубликанских взаимоотношений и соответствующую административную границу.

Заключение

Как видим, политическое и экономическое развитие Советской Украины в течение 1920 года имело противоположные векторы. Так, в начале года был очевиден широкий контроль над Украинской ССР со стороны Кремля, предполагавший планы

советского руководства по ее возможному включению в состав РСФСР на правах автономии. Со второй же половины года позиция Москвы несколько смягчилась и к УССР присоединили ряд русских этнических территорий, а сама республика приобрела реальные признаки независимости. Итогом борьбы различных подходов по вопросу межреспубликанских взаимоотношений стал договор между УССР и РСФСР от 28 декабря 1920 года, где на официальном уровне Советская Россия признала независимость Украинской ССР.

Окончательная победа большевиков в гражданской войне и поражение украинских буржуазных националистов создали основания приступить к построению советской многонациональной социалистической федерации. Благоприятная для центра социально-политическая ситуация на Украине в начале 1920 г. позволила постепенно перевести межреспубликанскую делимитацию с межгосударственного уровня к схеме реформирования внутреннего административно-территориального деления, где основной акцент делался на экономическую целесообразность. Именно этим можно объяснить создание Донецкой губернии, и соответствующее увеличение территории Украинской ССР. Единственным критерием российско-украинского разграничения в исследуемый период был экономический, в отличие от предыдущего этапа, где стороны активно обращались к этнической составляющей. В новообразованной Донецкой губернии Украинской ССР преобладало русское население, а процент украинцев в присоединенных регионах был небольшим. Даже присоединение Таганрогского округа, где значительный процент населения составляли украинцы, обуславливалось, прежде всего, продовольственными потребностями. Поэтому этнический фактор, в отличие от предыдущего этапа 1918–1919 гг., не стал определяющим. Закономерно, что при новом разграничении отпадала необходимость оставлять дореволюционное губернское деление, поскольку именно эти рубежи изменялись, к тому же они уже не способствовали эффективному решению новых народно-хозяйственных задач.

Можем согласиться с точкой зрения, что главные мотивы, которыми руководствовались стороны, происходили из представлений об интересах своих национально-государственных и административно-территориальных образований. Поэтому так сложно протекала дискуссия, местами переходящая в острые споры между двумя советскими республиками, руководители которых занимали порой взаимоисключающие позиции [22, с.204–219]. Кроме того, сама Советская Украина рассматривалась многими в советском руководстве как будущая авто-

номная часть РСФСР. В итоге вышеописанные административно-территориальные трансформации зачастую воспринимались как внутренние. Именно эти вышеуказанные особенности и объясняют зафиксированную на 1920 год конфигурацию российско-украинской границы.

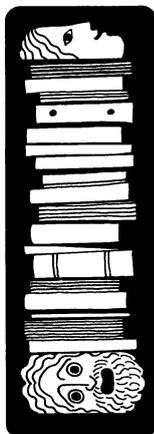
Библиографический список

1. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.Р-242. Оп.1. Д.79.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р-1235. Оп.95. Д.528.
3. ГАРФ. Ф.5677. Оп.1. Д.83.
4. ГАРФ. Ф.5677. Оп.2. Д.293.
5. ГАРФ. Ф.5677. Оп.3. Д.84.
6. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф.Р-1. Оп.1. Д.3.
7. ТФ ГАРО. Ф.Р-482. Оп.1. Д.1.
8. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). Ф.1. Оп.1. Д.175.
9. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.18. Ч.1.
10. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.562.
11. ЦГАВОВУ Украины. Ф.2. Оп.1. Д.573.
12. ЦГАВОВУ Украины. Ф.5. Оп.1. Д.331.
13. ЦГАВОВУ Украины Ф.3833. Оп.1. Д.197.
14. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: Основы, 1994. 168 с.
15. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С.205–237.
16. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
17. Декреты Советской власти, Т.VII. (10 декабря 1919 – 31 марта 1920). М.: Политиздат, 1975. 676 с.
18. Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М.: Партиздат, 1933. 954 с.
19. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.) / Автореф. дисс. на соиск. науч. степ. к. ист. наук по спец. 07.00.02. М.: МГУ, 2010. 30 с.
20. Дроздов К.С. «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конференции. Белгород, 2006. С.13–21.

21. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. №3–4(10). С.204–219.
22. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. №34 (4). С.639–644.
23. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Изд. 5-е. Т.24. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 567 с.
24. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // ПСС. Изд. 5-е. Т.25. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 646 с.
25. Ленин В.И. Письмо К рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным. ПСС. Изд. 5-е. Т.39. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С.151–159.
26. Максимчук Т.А. Донецкая губерния. История создания (1919–1923 гг.). Электронный ресурс. URL: <http://dn.archives.gov.ua/articles/stat28.htm> (дата обращения: 11.05.2019).
27. Максимчук Т.А. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. Донецк. 2001. 272 с.
28. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху). Ростов н/Д: ООО «Омега-Принт», 2015. 320 с.
29. Отчет Центрального Комитета КП(б)У с 1 апреля по 15 ноября 1920 года. К V Всеукраинской партийной конференции. Харьков, 1920.
30. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области / Ю.И.Галкин. М., 2007. 60 с.
31. Татаринов И.Е. Российско-украинское приграничье в 1917–1919 гг.: особенности политико-административных преобразований на Дону и в Крыму // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. №1 (44). С.47–55.
32. Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №1. С.103–113.
33. Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (после свержения самодержавия). Ростов н/Д, Издательство СКАГС, 2002. 350 с.
34. Верменич Я.В. Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри. К.: Інститут історії України, 2008. 160 с.
35. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176.
36. Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
37. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. №4(16). С.26–30.

УКРАИНА И РОССИЯ: ГОД 1920. СПОРЫ О ГРАНИЦЕ

38. Резолюція 5-го Всеукраїнського З'їзду Рад «Про союзний договір поміж УСРР та РСФРР» // Збірник законень та розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України. 1921. Ст.93.
39. Рудницький С. Коротка географія України. К.: «Лан», 1910. 154 с.
40. Сагач О. Зміни в адміністративно-територіальному поділі УСРР на початку 20-х рр. XX ст. // Регіональна історія України. Зб. наук. статей. К., 2010. Вип.4. С.168–169.
41. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.
42. Сергійчук В.І. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. – К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014. 294 с.
43. Шабельніков В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917–1930 рр. // Історичні дослідження. Зб. наук. праць. Донецьк. 2009. Вип. №2. С.69–75.
44. Шабельніков В.І. Про виділення Донбасу в єдиний адміністративно-територіальний регіон України (1919–1921) // Нові сторінки історії Донбасу. Зб. наук. ст. Кн.19. Донецьк, 2010. С.164–170.

Павел Чемоданов

**ОТ ДОЧЕРИ
ПОРТНОГО
ДО «ВРАГА НАРОДА»:**

**ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ
МИЗЫ БОРЕВОЙ**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
94(47).084.6

Статья посвящена биографии революционерки М.И.Боревой. Родившись в Одессе в бедной еврейской семье, Миза Борева в 15 лет стала участницей революционных событий, вступив в большевистскую партию. Она приняла активное участие в гражданской войне на Украине, в Крыму и Закавказье. В 1920–1930-е гг. сделала быструю карьеру в ВКП(б), работая на разных партийных должностях во Владивостоке, Москве, Иваново и Семипалатинске. По приглашению А.Я.Столяра в 1934 г. уехала работать в Кировский край, где была репрессирована в апреле 1938 г. Освободившись в конце 1939 г., была восстановлена в партии и продолжила карьеру. В 1944–1948 гг. занимала должность секретаря горкома партии в Симферополе и была уволена в связи с антисемитской кампанией в СССР. Биография М.И.Боревой являет собой яркий пример влияния исторической эпохи на судьбу конкретного человека.

The article of Miza Isaevna Boreva (1902–1969), a revolutionary and party leader from the 1930s through the 1940s. She was born in Odessa in a poor Jewish family, at the age of 15, Miza Boreva became a participant in the revolutionary events and joined the Bolshevik Party. She was involved in the Civil War in Ukraine and in the Crimea and the Caucasus. During the 1920s and early 1930s, after receiving a good education for the time, she had a most successful career in the CPSU(b), working at various party positions in Vladivostok, Moscow, Ivanovo and Semipalatinsk. In December 1934, at the invitation of a longtime acquaintance, A.Y.Stolyar, she left for work in the Kirov region, where she was arrested in April 1938. Freed in late 1939, in 1940 she was reinstated in the party and continued her career. In 1943, she was again expelled from the CPSU(b) and put on trial but was acquitted and reinstated once again. From 1944 to 1948, she served as secretary of the municipal party committee in Simferopol. She was removed because of an anti-Semitic campaign in the USSR. The life of M.I.Boreva is a prime example of how an historical era affects the fate of.

Ключевые слова: революционное движение; гражданская война; партийная номенклатура; политические репрессии; Большой террор; антисемитизм в СССР.

Key words: the revolutionary movement; Civil war; party nomenclature; political repression; The Great Terror; anti-Semitism in the USSR.

E-mail: pavelche1492@mail.ru

Массовые репрессии 1937–1938 гг. в СССР являются одной из популярнейших тем в современной историографии. Вместе с тем даже оценки масштабов «Большого террора» долгое время являлись предметом дискуссии. Опубликованные после «архивной революции» 1990-х гг. труды В.Н.Земскова прояснили данный вопрос. Сегодня названные им цифры – 1 344 923 чел. осужденных по политическим мотивам, 681 692 чел. из которых приговорены к высшей мере, – можно рассматривать как общепринятые [8, с.123].

В настоящий момент актуальными и потому дискуссионными являются другие вопросы: каковы были причины, подлинные цели, инициаторы и направленность репрессий? Существует мнение, что основной удар «Большого террора» пришелся «по правящей элите, по различным звеньям партийно-государственного аппарата, а жертвами его явились главным образом члены ВКП(б), в том числе и бывшие» [4, с.157]. Известный историк сталинизма О.В.Хлевнюк увидел причины этого в борьбе высшего руководства страны с группировками региональных элит. По его утверждению, «в номенклатуре складывались неформальные группировки, сплоченные круговой порукой, стремлением обеспечить кадровую стабильность и отвести от себя угрозу репрессий, исходившую из Кремля». По мнению исследователя, «как и у любого диктатора», у И.В.Сталина был выбор: пойти на частичные уступки этим группировкам или уничтожить их. Как известно, советский лидер и его ближайшее окружение выбрали второй вариант [20, с.231].

Даже если принимать за основу указанную концепцию, следует признать, что репрессии не сразу приобрели «антиноменклатурную» направленность. Первый этап террора, начавшийся с февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., был достаточно хаотичным и практически не затронул партийную элиту. Перелом произошел после январского пленума 1938 г., на котором были подвергнуты критике необдуманные репрессии против коммунистов на местах. В постановлении пленума зафиксировано: «Среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии» [17, с.9].

Столяр Абрам Яковлевич, первый секретарь Кировского крайкома (обкома) ВКП(б) в 1934–1937 гг. Источник: ЦГАКО. Ф.П-1293. Оп.8а. Д.2739. Л.2.

Указанная критика была не в последнюю очередь адресована первому секретарю Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П.Постышеву. Снятый с поста руководителя Киевского обкома партии на Украине за «отсутствие политической бдительности по отношению к врагам народа», он весной 1937 г. «прибыл в Куйбышев с намерением "исправить" допущенные "ошибки" и твердо проводить решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. По приезде в Куйбышев Постышев развернул энергичную деятельность по очистке партийных организаций от врагов и вредителей» [4, с.407]. Конкретные результаты работы П.П.Постышева в этом направлении выглядели следующим образом: «В аппарате обкома

было обвинено во вражеской деятельности и арестовано органами НКВД 40 человек. Было распущено 34 райкома партии и ряд крупных парткомов заводов. За второе полугодие 1937 г. состав парторганизации области уменьшился на 3223 человека» [7, с.408].

Снятие П.П.Постышева со всех постов и его последующий арест ознаменовали начало «чистки» в среде высшей и региональной партийной элиты. Историки В.Хаустов и Л.Самуэльсон связывают с «делом Постышева» арест некоторых секретарей региональных партийных комитетов, к числу которых относят Э.К.Прамнэка (Донецк) и А.Я.Столяра (Свердловск) [16, с.241]. Последний примечателен еще и тем, что с декабря 1934 г. по июнь 1937 г. возглавлял парторганизацию Кировского края (области) [21, с.176–186]. С учетом логики репрессий, не удивляет тот факт, что по «делу Столяра» были арестованы многие из тех, кто работал под его началом в Кировской и Свердловской областях. В их числе оказалась и героиня этой статьи.

**Дочь одесского портного
в революционном движении**

Миза Исаевна Борева прошла богатый жизненный путь, прежде чем оказалась в когорте «врагов народа». Она родилась в 1902 г. в Одессе в семье портного-кустаря, еврея

по национальности, и стала четвертым ребенком в семье (всего же у ее родителей было шесть дочерей). В 1912–1914 гг. Миза обучалась в двухклассном казенном еврейском училище [2, л.6]. Стоит отметить, что эти государственные учебные заведения были созданы в России еще в 1844 г. указом императора Николая I с целью русификации еврейского населения [16, с.168]. После этого, в возрасте 12-ти лет, она была отдана на работу в шляпные мастерские, где проработала один год ученицей и один год восемь месяцев помощницей мастерицы [11, с.1]. В связи с революционными событиями 1917 г. начался новый этап ее биографии.

Уже в апреле 1917 г. М.И.Борева стала членом «Союза рабочей социалистической молодежи» и вместе с группой членов этого союза вступила в отряд одесской Красной гвардии. После «Октябрьского переворота» принимала участие в боях с «гайдамаками» (в данном контексте – украинские националистические формирования, воевавшие против большевиков) в качестве медсестры и «начальника санитарной летучки». Ноябрем 1917 г. датируется вступление Мизы Боровой в большевистскую партию в г. Одессе. В марте 1918 г., в связи с наступлением немецких войск на город, она вынуждена была эвакуироваться со своим отрядом в Крым. Вскоре на полуострове был сформирован полк, влившийся в состав 3-й Украинской партизанской армии. Этот полк принял участие в боях с немецкой армией и «гайдамаками» под городами Харьковом и Пятихатки, затем отступил под Славянск. Часть красноармейцев, включая Мизу Борову, затем переправилась в Абхазию, где в тот момент происходили бои с «белогузинами» в районе Сухума [2, л.6].

Как известно, на том этапе гражданской войны в Грузии противники большевиков одержали верх. После разгрома отрядов абхазской Красной гвардии М.И.Боровой пришлось около двух месяцев скрываться в горах. По ее собственным словам, в этот период она работала «официанткой в столовой». Лишь к октябрю 1918 г. ей удалось нелегально вернуться в Одессу и стать участником «подпольной боевой

дружины» при большевистском городском комитете. Подпольная организация действовала до прихода в Одессу частей РККА в апреле 1919 г. [11, с.1].

После этого Миза Исаевна была направлена на двухнедельные курсы агитаторов, вслед за окончанием которых оказалась в политотделе 45-й дивизии южной группы 12-й армии в качестве инструктора. В августе 1919 г. несколько дивизий РККА, в том числе и часть Боровой, оказались в окружении петлюровцев, махновцев и «белополяков», вследствие чего около полутора месяцев с боями пробивались к Киеву. После соединения с дивизией им. Н.А.Щорса политотдел направил героиню статьи на учебу в Москву на военно-педагогические курсы. Оттуда учащихся в 1920 г. перевели в Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова. Миза Борева окончила университет в 1923 г. и в том же году была направлена на партийную работу на Дальний Восток. Там она занимала должность заведующей агитпропом 2-го Эгершельдского райкома г.Владивостока, затем – заведующей агитационным отделом Приморского губкома партии [2, л.7].

Партийная лестница Мизы Боровой

В 1925 г. Борева была вновь отозвана в Москву для учебы в Институте красной профессуры – специализированном учебном заведении для подготовки высших партийных и научных кадров при ЦК ВКП(б). Однако поступить туда Миза Исаевна не смогла по причине беременности. В 1925–1928 гг. она работала на должности заведующей агитотделом Сокольнического райкома ВКП(б) г.Москвы, затем – инструктором ЦК партии. В 1928 г. она все же поступила на отделение истории народов СССР Института красной профессуры, которое успешно окончила в 1931 г. [9, с.158].

В том же году она была направлена ЦК ВКП(б) на работу в Ивановский обком, где проработала до 1933 г., являясь одновременно заместителем заведующего орготделом обкома, редактором партийного журнала и председателем кафедры партийного строительства местного комвуза. В 1933 г. Миза Борева была неожиданно переведена в г.Семипалатинск Казахской ССР, где заняла пост секретаря Семипалатинского горкома партии. Именно в этот период она избиралась делегатом XVII съезда ВКП(б), проходившего с 26 января по

10 февраля 1934 г. в Москве [2, л.8]. Согласно автобиографии Мизы Исаевны, ее дочь плохо переносила резко континентальный климат Казахстана, из-за чего Борева инициировала свой перевод в только что образованный Кировский край (создан путем выделения из состава Горьковского края после убийства С.М.Кирова в декабре 1934 г.) [2, л.7].

Стоит отметить, что приведенная версия событий, описанная М.И.Боревой в автобиографии 1940 г., противоречит тем показаниям, которые она дала следствию после своего ареста в 1938 г. На допросе от 23 ноября 1938 г. она указала следующее: «Со Столяром познакомилась еще в 1921 г. во время учебы в Свердловском университете. В декабре 1934 г., находясь в ЦК ВКП(б), я снова встретила Столяра, подбиравшего кадры в Кировский край. На его предложение ехать работать в Кировский край я ответила согласием» [3, л.37]. Несмотря на характерный для подследственных тех лет самооговор (методы ведения «следствия» в застенках НКВД не нуждаются в пояснении), эти слова Мизы Исаевны заслуживают большего доверия, чем приведенное выше утверждение о случайном характере выбора Кировского края в качестве нового места работы.

По прибытии в Кировский край в декабре 1934 г. она получила назначение первым секретарем Слободского райкома ВКП(б), а в конце февраля 1935 г. – кооптирована в состав райисполкома [13, с.1]. На новой должности Борева впервые столкнулась с проявлениями нарастающей после убийства С.М.Кирова волны репрессий. В январе 1935 г. на станции Вахрушево Слободского района 15-летняя пионерка Анна Соколова, проявив «революционную бдительность», сообщила в местный партком, что группа железнодорожных рабочих с ее станции «злорадствовала по поводу смерти товарища С.М.Кирова» [22, с.72]. Ни партийная организация, ни райком ВКП(б) сразу не отреагировали на сообщение пионерки, но та оказалась настойчивой, и дело просочилось сначала в местную прессу, затем – в Кировский обком ВКП(б). Миза Исаевна вынуждена была опубликовать в районной газете «Ленинский путь» свою «покаянную статью», в которой отмечалось: «Бюро райкома признает, что допустило грубую политическую ошибку, заключающуюся в том, что своевременно (имея 1-е заявление пионерки Соколовой) не дало должной политической оценки вылазке классового врага и... политической чуткости Соколовой и

не использовало эти факты для повышения классовой бдительности парторганизации» [12, с.4]. Этот случай можно рассматривать как первый «звоночек» грядущей трагедии в биографии Борева.

Сама же она в тот момент, как и многие ее соратники по роду деятельности, старалась демонстрировать верность «генеральной линии» и тем самым миновать машину репрессий. В частности, в период с 17 апреля по 7 июня 1935 г. Борева читала публичные лекции для партактива на тему «Борьба партии с троцкизмом и троцкистско-зиновьевским блоком в период 23–27 годов». Объявления об этом печатались в районной газете [14, с.2]. Вместе с тем Миза Исаевна с осторожностью относилась к поиску вездесущих «врагов народа». Об этом говорит тот факт, что она не побоялась вступить за директора Слободской меховой фабрики «Белка» Н.И.Воробьева, которого в 1935 г. обвинили в «правотроцкистских взглядах» с целью исключить из партии и предать суду [9, с.159].

Так или иначе, М.И.Борева без особых проблем пережила «чистку» рядов ВКП(б) в июле 1935 г. Проверка первого секретаря райкома проходила публично и широко освещалась в районной прессе. После торжественного изложения биографии Борева, присутствующим было предложено высказаться о ней и ее работе в Слободском. Так, коммунист с Кожевенного комбината им. В.И.Ленина Лукьянов высказался следующим образом: «Кожкомбинат им. Ленина в начале года работал безобразно. Мы не знали, за что ухватиться, искали причины прорывов в стенах заводуправления. Тов. Борева, неоднократно выезжая к нам, беседовала с рабочими у станка, с рядовыми коммунистами и научила нас, как выправить работу в цехе, и комбинат вышел из прорывов» [11, с.1]. Положительную оценку ее деятельности высказывали и партийные работники. В частности, парторг Слободского пивзавода Кузнецов отмечал: «Тов. Борева всегда чутко относится к нам, низовым партработникам... от нее всегда получишь конкретные указания. Усилилось и руководство низовыми организациями, появилось гибкое отношение к живому человеку» [11, с.1]. В итоге председатель комиссии по «чистке» Дерышев с пафосом вернул Мизе Исаевне ее партбилет, «ничем не запятанный за долгие годы работы в партии» [11, с.1].

Работу М.И.Борева оценили и в Кирове. Этим объясняется тот факт, что в середине февраля 1936 г. ей дали повышение, назначив

заведующей культпросветотделом Кировского крайкома (с декабря 1936 г. – обкома) ВКП(б). Пленум Слободского райкома, состоявшийся 16 февраля, констатировал этот факт и избрал нового первого секретаря – Айзика Хановича Столяра¹ [15, с.1].

Факты говорят о том, что деятельность Мизы Исаевны на новой должности была не менее активной и продуктивной. В частности, Борева стала одним из инициаторов создания Заречного парка г.Кирова, который и сегодня является одним из любимых мест отдыха горожан [6, с.93].

Кроме того, в 1936–1938 гг. под руководством М.И.Боревой была проведена реорганизация изб-читален в регионе. Уже после ареста ей предъявили откровенно нелепое обвинение в «развале сети изб-читален области». На допросе от 3 марта 1939 г. следователь утверждал, что из 525 изб-читален, числившихся в 1935 г., к 1938 г. в Кировской области осталось лишь 62. Поскольку допрос происходил после окончания основной волны «Большого террора», когда на подследственных уже не оказывали столь жесткого давления, Борева отказалась признавать вину, заявив: «В 1935 г. было не 525 изб-читален, а только 78 фактически. Работающие 525 изб-читален были предусмотрены бюджетом. После реорганизации к 1938 г. было открыто 67 сельских домов культуры, 165 сельских клубов и осталось около 62 изб-читален. Моя вина заключалась только в том, что одновременно с открытием этой сети не восстанавливали снова избы-читальни» [3, л.65]. Стоит отметить, что функции изб-читален уже в ту эпоху постепенно переходили к сельским клубам и домам культуры, поэтому реорганизация этих учреждений, проводимая в Кировской области во второй половине 1930-х гг., в целом соответствовала тенденциям развития культуры в советской деревне.

Как было сказано выше, весной 1938 г. был арестован бывший первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) Абрам Яковлевич Столяр (на тот момент возглавлял парторганизацию Свердловской области). Это случилось в Москве 31 марта [21, с.182]. Миза Исаевна предчувствовала беду, поэтому подала в Кировский обком заявление с просьбой отпустить ее на работу в Новосибирск «по семейным об-

¹ Ни в одном из источников нет указаний на его родственные связи с руководителем региона – Абрамом Яковлевичем Столяром. Судя по всему, они были простыми однофамильцами, хотя оба имели еврейское происхождение.

стоятельствам». Обком 20 апреля 1938 г. дал такое разрешение [9, с.159]. Однако уже 27 апреля областной комитет партии принял совсем иное постановление: «Бореву Мизу Исаевну за потерю революционной бдительности, связь с врагами народа и как не оправдавшую доверия обкома ВКП(б) исключить из членов ВКП(б), снять с работы зав. культпросветотделом и вывести из состава пленума обкома ВКП(б)» [2, л.13]. В этих условиях маячившая перспектива ареста оказалась неизбежна.

**Слышала от следователя один
мат и вопрос: «Кто тебя
завербовал?!»**

Спустя неполный месяц после ареста А.Я.Столяра, 29 апреля, в г.Кирове Миза Исаевна Борева также была арестована органами НКВД. В тот же день ей было предъявлено обвинение по п. 8, 10 и 11 ст. 58 УК РСФСР (подготовка террористических актов, антисоветская пропаганда и деятельность) [3, л.34]. В постановлении о продлении срока следствия и содержания под стражей от 15 декабря 1938 г. говорилось, что за 8 месяцев под стражей М.И.Борева была допрошена шесть раз и в ходе допросов «признала, что является участником антисоветской организации правых, в которую была завербована в 1936 г. Столяром А.Я.; по заданию организации дезорганизовала культурно-просветительную работу на селе, завербовала в организацию Пьянкова и Запольских» [3, л.26].

Материалы допросов, сохранившиеся в судебно-следственном деле, позволяют более детально узнать о показаниях Боровой. Так, в протоколе допроса от 23 ноября 1938 г. зафиксированы следующие ее слова: «Когда я работала секретарем Слободского РК ВКП(б), Столяр вызвал меня в Киров и предложил перейти на работу зав. культпросветотделом обкома. Это делалось для того, чтобы сначала приблизить меня к себе, а затем вовлечь в организацию правых. В беседах со мной Столяр говорил, что он подобрал из Горького хороший коллектив и что мне нужно будет сработаться с этим коллективом... Дальше Столяр перешел к оценке положения в области. По ходу разговора он понял, что у меня есть колебания в вопросах коллективизации... Он мне сказал, что тоже не верит в коллективизацию и что в Кирове существует организация правых, которой руководит он – Столяр» [3, л.38].

ОТ ДОЧЕРИ ПОРТНОГО ДО «ВРАГА НАРОДА»

Целью «организации», согласно упомянутому документу, было «озлобление масс против Советской власти и реставрация капитализма». Конкретные деяния А.Я.Столяра со слов М.И.Боревой выглядели следующим образом. В связи с неурожаем 1936 г. в области началось

Миза Исаевна Борева. 1938 г. Фотография из судебно-следственного дела (Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф.П-6799. Оп.1. Д.СУ-370. Т.1.)

массовое стихийное отходничество крестьян, которое влекло за собой развал колхозов. Причем этот процесс начался уже в июле, когда колхозники поняли, что урожая не будет. Руководитель региональной парторганизации будто бы «совершенно сознательно не принял никаких серьезных мер, чтобы удержать массовый уход из колхозов». При этом, согласно Боровой, первый секретарь обкома неоднократно повторял: «Ничего, мужик землю любит. Наступит пора сеять, земля его позовет, и он будет на месте» [3, л.41].

В показаниях Мизы Исаевны помощниками А.Я.Столяра по «подрывной работе» предстают второй (впоследствии – первый) секретарь обкома ВКП(б) М.Н.Родин и председатель Кировского облисполкома П.К.Легконравов (оба в дальнейшем были также репрессированы) [3, л.2–45].

Любопытно, что в показаниях М.И.Боревой фигурировал и знаменитый февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. Контекст его упоминания был следующим: «Дутый авторитет Столяра в [парт]организации, созданный ему врагами народа, в том числе и мною, приводил к тому, что он был вне критики до и после февральско-мартовского пленума... После отъезда Столяра в Свердловск руководство правыми во вражеской работе осуществлял Родин. Если даже взять количество разоблаченных врагов народа при Столяре и при Родине, то оно не характерно... А если при Родине их было разо-

блачено больше, то это отнюдь не его заслуга, а заслуга органов НКВД» [3, л.61]. Таким образом, Борева на первом этапе следствия оговорила не только себя, но и других партийно-государственных деятелей региона.

Все изменилось после отстранения от руководства НКВД Н.И.Ежова и прихода на этот пост Л.П.Берия в конце ноября 1938 г. Тон мартовских показаний М.И.Боревой 1939 г. позволяет констатировать перемену настроений подследственных, а также изменение отношения к ним со стороны органов НКВД. Так, на допросе от 7 марта 1939 г. Борева заявила: «Я категорически отрицаю прошлые свои показания о том, что я являлась членом антисоветской организации правых. Членом антисоветской организации правых я никогда не была и не знала, что Столяр являлся членом организации и ее руководителем... 9 сентября 1938 года я собственно дала показания потому, что я психически была расстроена. На мое психическое здоровье подействовали следующие факты: 1) Убийство моего ребенка (преждевременные роды); 2) ненормально созданная камерная обстановка (повышенная температура, большое количество людей, переуплотненность в камере); 3) непрерывный допрос – 36 часов; 4) предупреждение меня о применении санкций на случай, если я не дам показания» [3, л.68].

Ровно через год после ареста Боревой, 29 апреля 1939 г., в г.Кирове состоялось закрытое судебное заседание выездной комиссии сессии Уральского военного трибунала. Из показаний Мизы Исаевны на этом заседании выясняются новые драматичные подробности ее заключения. Она живописала их следующим образом: «На предварительном следствии я писала лживые показания. Я четыре месяца говорила правду, но меня не слушали. В ответ я слышала от следователя один мат и один вопрос: "Кто тебя завербовал?!" Меня арестовали беременную, и, когда поместили в одиночку, я начала психовать. Потом меня перевели в камеру, в которую на 8 мест было помещено 10 человек. Я лежала в нездоровой обстановке на нарах у печки, и у меня получились преждевременные роды. Ребенок родился живой, но его почему-то нашли потом [мертвым] в уборной. Даже неарестованная женщина с трудом переживает это и может быть психически расстроенной. И меня, еще больную, вызвали на допрос» [3, л.104].

Приведенные слова Мизы Исаевны объясняют ее несуразные обвинения в адрес самой себя и коллег по партийной организации. Итогом заседания стало то, что дело Боревой было отправлено на исследование, однако меру пресечения в отношении нее оставили без изменения. Ей суждено было провести в тюрьме еще почти восемь месяцев. Лишь постановлением начальника УНКВД по Кировской области от 20 декабря 1939 г. дело Боревой было прекращено, а сама она освобождена из-под стражи. В постановлении подчеркивалось, что все доказательства вины Боревой являются косвенными и взяты из показаний второстепенных фигурантов «Дела антисоветской организации правых в Кировской области» (М.Н.Родина, к тому времени расстрелянного, и М.С.Лозовского, который, как и сама М.И.Борева, отказался от своих показаний). В показаниях же непосредственно А.Я.Столяра (также к тому времени расстрелянного) имя Мизы Боревой вообще ни разу не фигурировало [3, л.149–151].

Дважды «враг народа»: освобождение и новый арест

Несмотря на весь трагизм ситуации, судьба М.И.Боревой сложилась лучше, чем у других фигурантов дела, поскольку и А.Я.Столяр, и М.Н.Родин, и П.К.Легконрахов были расстреляны в 1938 г. Уже 14 января 1940 г. она была восстановлена в партии [1, л.20], а в феврале получила работу руководителя группы выставочного комитета при Кировском облисполкоме [18, с.136]. Через год, в январе 1941 г., ее назначили на должность руководителя отдела искусств Кировского облисполкома. Начавшаяся Великая Отечественная война привела к новым кадровым перестановкам. В годы военных испытаний приоритетом для Кировской области стало сельское хозяйство, что привело к назначению талантливых партийцев руководителями сельских районов. В их числе оказалась и Борева, которая 17 декабря 1941 г. была утверждена в должности первого секретаря Унинского райкома ВКП(б) [9, с.160].

Это назначение неожиданно привело к продолжению репрессий в отношении Боревой. В конце 1943 г. М.И.Бореву и председателя Унинского райисполкома И.С.Окишева вызвали на бюро обкома и обвинили в сокрытии зерна от государства. В отношении их было даже заведено уголовное дело, которое, однако, было довольно быст-

ро прекращено. Это случилось уже 15 января 1944 г. Вместе с тем Мизу Исаевну все же успели повторно исключить из партии [1, л.43].

По воспоминаниям А.Говязина, работавшего с М.И.Боревой в Унинском райкоме, дело было инициировано председателем райисполкома И.С.Окишевым. Согласно этому источнику, Окишев «не всегда был порядочным в личной жизни», за что неоднократно критиковался Боревой. В отместку он решил сообщить в обком о том, что Миза Борева, пользуясь служебным положением, скрывает зерно от государства, из-за чего район не выполнил план поставок [5, с.2]. Данная версия не лишена противоречий, поскольку И.С.Окишев, будучи вторым человеком в районе, не мог не понимать, что понесет ответственность за сложившуюся ситуацию наряду с первым секретарем, как в итоге и случилось. Так или иначе, эта история привела к повторной, пусть и кратковременной, «опале» М.И.Боревой. Согласно упомянутым воспоминаниям, после злополучного заседания бюро Кировского обкома Борева уехала в Москву, где обратилась в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), которая приняла решение о восстановлении ее в партии [5, с.2].

«Лиц еврейской национальности освободить от работы в партийных органах»

Информации о дальнейшей биографии героини нашего повествования сохранилось немного. Известно, что после освобождения Крыма от немецких захватчиков весной 1944 г.

Мизу Бореву назначили первым секретарем Симферопольского горкома ВКП(б). Известно также, что она проработала на этой должности до 1948 г. [18, с.136]. Тот же А.Говязин в 1990-е гг. вспоминал о том, что, работая в аппарате Унинского райкома в начале 70-х гг., он отдыхал в санатории «Десять лет Октября» в г.Кисловодске, где случайно встретился с работником Симферопольского горкома КПСС. Тот подтвердил ему, что Борева действительно работала на должности первого секретаря горкома до 1948 г., после чего ее уволили по некоему постановлению ЦК, которое будто бы предписывало «всех лиц еврейской национальности освободить от работы в партийных органах» [5, с.2].

Проблема в том, что, несмотря на проводимую советским руководством в конце 1940-х гг. антисемитскую политику, подобного постановления ЦК не существовало. Возможно, А.Говязин имел в виду известное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации «Еврейского антифашистского комитета», принятое в ноябре 1948 г. Видный специалист по истории государственного антисемитизма в СССР Г.В.Костырченко полагает, что постепенное «выдавливание» евреев из партийных органов началось в Советском Союзе еще в конце 1930-х гг., однако в 1948 г. его масштабы ощутимо усилились [10, с.210–211]. Исходя из приведенных фактов, логично предположить, что Миза Исаевна Борева стала жертвой государственных идеологических кампаний тех лет, направленных на борьбу с «еврейским национализмом» и «космополитизмом».

Приходится констатировать факт, что проверенных свидетельств о ее дальнейшей судьбе пока обнаружить не удалось. Все, чем можно довольствоваться сегодня, это утверждение все того же А.Говязина о том, что Миза Борева умерла своей смертью в 1969 г. При этом место ее смерти и захоронения оказались неизвестны бывшему коллеге [5, с.2].

Изложенная биография Мизы Исаевны Боровой являет собой ярчайший пример влияния эпохи на судьбу конкретного человека. Автор этих строк полагает, что героиня его статьи прожила в определенном смысле пять взаимосвязанных, но вместе с тем разных «жизней». Она начала сознательную жизнь дочерью небогатого еврейского портного, затем поочередно была «пламенной» революционеркой, партийным работником, «врагом народа» и под конец – представителем нежелательного национального меньшинства. Хочется верить, что насыщенный и драматичный жизненный путь этой сильной женщины, достойный художественного описания, поможет нам лучше понять перипетии драматичной отечественной истории XX века.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф.П-1290. Оп.5. Д.177.
2. ЦГАКО. Ф.П-1290. Оп.17. Д.397.
3. ЦГАКО. Ф.П-6799. Оп.1. Д.СУ-370. Т.1.
4. Бакулин В.И. Проблема сталинских репрессий в современной документалистике и научной литературе // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сборник научных статей. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 203 с.
5. Говязин А. Еще о М.И.Боревой // Сельский труженик (Унинский район). 1995. №71 (13 июня).
6. Жаравин В.С. Из истории создания заречного парка г.Кирова // Тринадцатые Петряевские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 27 февр. 2018 г.). Киров: ООО «Веси», 2018. С.92–97.
7. Захарченко А.В. Элиты и общество в годы репрессий 1937–1938 гг. (на примере Куйбышевской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. №3. Т.17. С.407–416.
8. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. №5. С.118–127.
9. Карачаров Ю.Г. «Все равно буду жить!». Документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1990. 192 с.
10. Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2009. 415 с.
11. Ленинский путь (Слободской район). 1935. №170 (26 июля).
12. Ленинский путь (Слободской район). 1935. №28 (4 февр.).
13. Ленинский путь (Слободской район). 1935. №46 (24 февр.).
14. Ленинский путь (Слободской район). 1935. №88 (16 апр.).
15. Ленинский путь (Слободской район). 1936. №39 (17 февр.).
16. Матушанская Ю.Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской Империи // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2016. №2. С.163–174.
17. Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков. Постановление пленума ЦК ВКП(б) (январь 1938 г.). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. 16 с.
18. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник / Сост. В.С.Жаравин, Е.Н.Чудиновских. Киров: ООО «Лобань», 2009.
19. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н.Ельцина, 2010. 432 с. (дело Столяра в связи с январским пленумом ЦК 1938 г.)
20. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 304 с.

ОТ ДОЧЕРИ ПОРТНОГО ДО «ВРАГА НАРОДА»

21. Чемоданов П.А. Абрам Столяр – первый руководитель Кировской области // Роль архивов в популяризации исторического наследия России и Вятского края, формировании общенационального единства, гражданственности и патриотизма: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Киров, 12 декабря 2018). Киров: ООО «Веси», 2018. С.176–186.

22. Чемоданов П.А. «Павлик Морозов со станции Вахрушево»: дело пионерки Нюры Соколовой (1935 г.) // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XIX Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 18 апреля 2019 г. Киров: ООО «Издательство «Радуга ПРЕСС», 2019. С.71–76.

Наши авторы

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа
и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Стамова Ирина Ивановна

преподаватель кафедры английского языка №6
МГИМО-Университета МИД России

Готовцева Анастасия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры литературной
критики факультета журналистики РГГУ

Плех Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института российской истории РАН

Шелохаев Валентин Валентинович

доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «История
России в XIX – начале XX вв.» Института российской истории РАН

Соловьев Кирилл Андреевич

доктор исторических наук, профессор Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Невежин Владимир Александрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт Российской истории РАН

Юдин Кирилл Александрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Ивановского государственного университета

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории
России Средневековья и Нового времени РГГУ; ведущий научный
сотрудник ИМЛИ РАН (отдел древнеславянских литератур)

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии
и международных отношений ГОУВПО ЛНР «Луганский Национальный
Университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР/Украина

Чемоданов Павел Андреевич

кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела редких книг
Кировской областной научной библиотеки им. А.И.Герцена

Our authors

Degoev Vladimir Vladimirovich

D.Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Stamova Irina Ivanovna

lecturer, English Department №6,
Moscow State Institute of International Relations-University

Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna

D.Sci., philologist, Professor, Chair of literary criticism, faculty of journalism, Russian State University for the Humanities

Plekh Olesya Anatolyevna

Ph.D., historian, research scientist of the Institute of Russian History of RAS

Shelohaev Valentin Valentinovitch

D.Sci., historian, Professor, a chief of the center «Russian history in the XIX – in the beginning of XX centuries» of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Solov'ev Kirill Andreevich

D.Sci., historian, Professor, Higher School of Economics – National Research University, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Nevezhin Vladimir Aleksandrovich

D.Sci., historian, leading researcher,
Russian history of Russian Academy of Sciences

Yudin Kirill Aleksandrovich

Ph.D., historian, associate professor of Russian History department,
Ivanovo State University

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor, Professor, Chair of Early and Modern Russian History, Russian State University for Humanities; leading researcher, Institute of World Literature (Department of Old Slavic Literature), RAS

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D., historian, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of the Ukrainian National University of Lugansk “Lugansk Vladimir Dal University”, Lugansk,
Lugansk People's Republic of Ukraine / Ukraine

Chemodanov Pavel Andreevich

Ph.D., historian, chief librarian of the Department of Rare Books,
Kirov Regional Scientific Library A.I.Herzen

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2019.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 01.11.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

5.2019 september-october

Russia in the World

Vladimir Degoev, Irina Stamova

Russian-European Relations as the Forerunner
of the Great Northern War _____ **6**

Anastasiya Gotovtseva

“Non-military” Anniversaries: Ideological Models
of the Napoleonic Era in the Reign of Alexander II _____ **34**

Pages of History

Olesya Plekh

“...in order to be constantly aware of all places under
the ministry's jurisdiction in the provinces...” Revisions
of Local Institutions During Under Nicholas I _____ **64**

Valentin Shelohaev, Kirill Solov'ev

Political Parties at the Beginning of the XXth century.
The Peculiarities of the Phenomenon and the
Research Perspectives _____ **84**

Vladimir Nevezhin

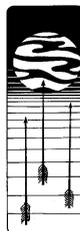
Holiday in the Middle of the War:
Anniversary of the October Revolution in the Perception of
the Allies (1943) _____ **102**

Labels and Myths

Kirill Yudin

Struggle with “Formalism” in Soviet Music (Second Half 1940 – Beginning of the 1950’s) _____ **122**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Karavashkin

Direct Experience in the Texts of Ancient Russia: Hegumen Daniel, Monk Thomas, Protopop Avvakum _____ **142**

Topical Archive

Igor' Tatarinov

Ukraine and Russia: Year 1920. Disputes about the Border _____ **156**

Pavel Chemodanov

From Portny's Daughter to “Enemy of the People”: Five Lives of Miza Boreva _____ **176**

РОССИЯ XXI